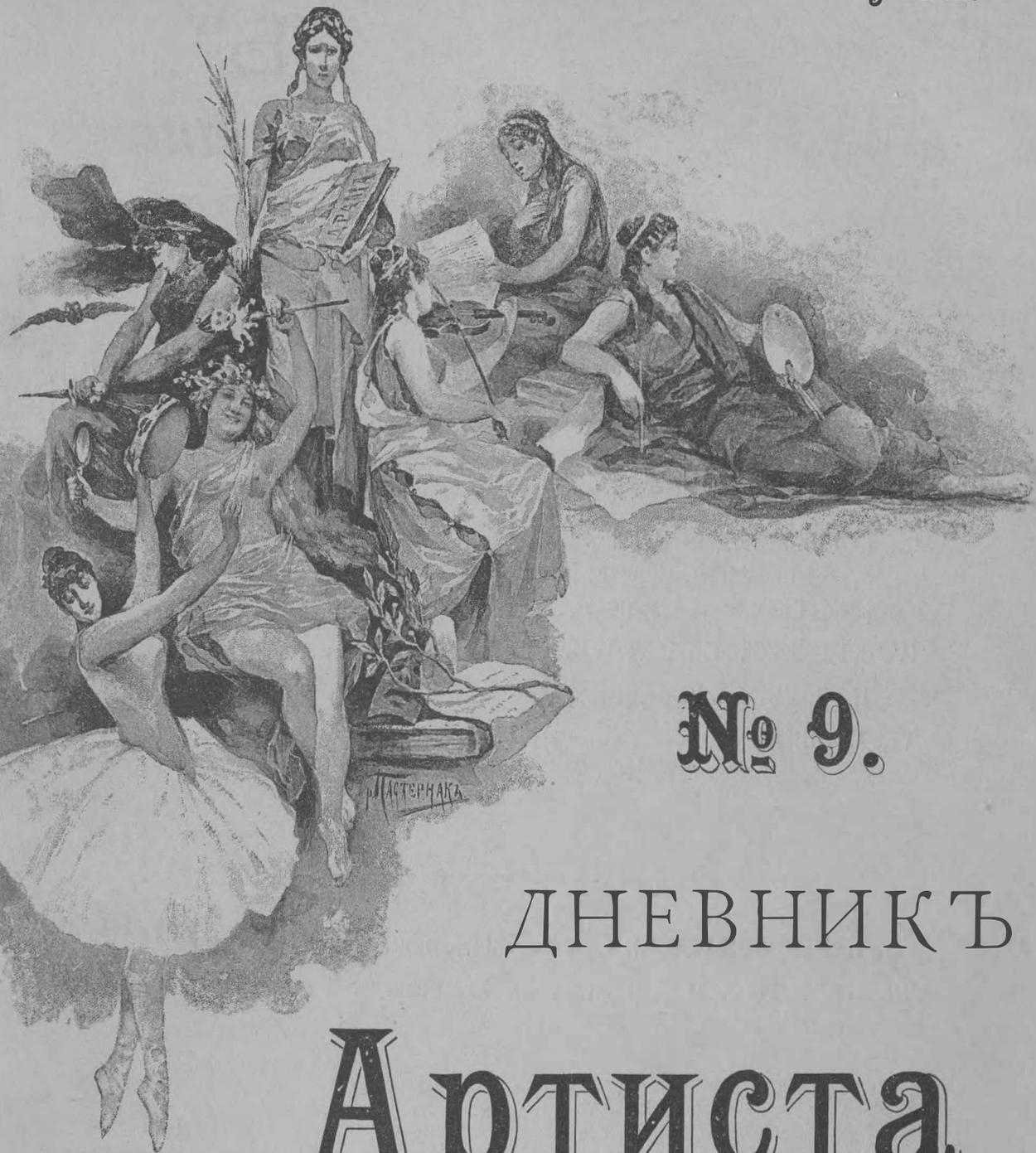

1893 годъ.

Августъ.

№ 9.

ДНЕВНИКЪ

Артиста

приложене къ журналу

Артистъ

Годъ 5-й.
Книга 8.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко, Пименов. ул., соб. домъ.
1893.

СОДЕРЖАНІЕ:

	<i>Стр.</i>
I. ЗОЛОТЫЯ РОЗСЫПИ, романъ В. М. Михеева. (<i>Продолженіе.</i>)	1
II. ТЕХНИКА ДРАМЫ, Густава Фрейтага, перев. В. М. Спасской. (<i>Продолженіе.</i>).	11
III. КОРРЕСПОНДЕНЦИИ изъ Бахмута, Гродно, Гуляй-Поля, Екатеринбургa, Кишинева, Курска, Новочеркаска, Острова, Серпухова, Таганрога, Тифлиса и Царицына	26
IV. ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ	31
V. И. Н. ГЕ, (съ портретомъ)	34
VI. ХРОНИКА	35

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- VII. ПАПЕНЬКИНА ДОЧКА (Lolos Fater), ком. въ 3 д. А. Ларонжа.
- VIII. НА БОГОМОЛЪИ, картина К. А. Савицкаго фототипія Беше въ Берлинѣ.
-

Клише снимковъ съ картинъ, заставокъ и виньетокъ работы фирмъ Ангереръ и Гёшль въ Вѣнѣ, Баше въ Парижѣ, Бонгъ въ Берлинѣ, Галфштенгль въ Мюнхенѣ и П. О. Яблонскаго въ Петербургѣ.

ДНЕВНИКЪ АРТИСТА,

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ

„АРТИСТЪ“.

Августъ

1893 года.

№ 9.

Годъ 5-й.

Книга 8-я.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Паменовская улица, собственный домъ.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ:

	<i>Стр.</i>
I. ЗОЛОТЫЯ РОЗСЫПИ, романъ В. М. Михеева. (<i>Продолженіе.</i>)	1
II. ТЕХНИКА ДРАМЫ, Густава Фрейтага , перев. В. М. Спасской. (<i>Продолженіе.</i>)	11
III. КОРРЕСПОНДЕНЦИИ изъ Бахмута, Гродно, Гуляй-Поля, Екатеринбургa, Кишинева, Курска, Новочеркаска, Острова, Серпухова, Таганрога, Тифлиса и Царицына	26
IV. ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ	31
V. И. Н. ГЕ (съ портретомъ)	34
VI. ХРОНИКА.	35

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- VII. ПАПЕНЬКИНА ДОЧКА (*Lolo's Vater*), ком. въ 3 д. **А. Ларонжа.**
- VIII. НА БОГОМОЛЫ, картина **К. А. Савицнаго**, фототипія **Беше** въ Берлинѣ.
-

Клише снимковъ съ картинъ, заставокъ и виньетокъ работы фирмъ Ангереръ и Гёшль въ Вѣнѣ, Баше въ Парижѣ, Бонгъ въ Берлинѣ, Ганфштенглъ въ Мюнхенѣ и П. О. Яблонскаго въ Петербургѣ.

Дневник Артиста. 1893. №9 авг.

Каталог 207 драматических сочинений, напечатанных
в № 1 – 29 журнала Артист, №1 – 8 Дневника Артиста
и № 1 – 28 журнала Театральная библиотека.
Объявления.

Золотыя розсыпи.

РОМАНЪ.

(Продолженіе).

VII.

Свадьбу Луши Обуваловой и Данилы Авксентьевича отпраздновали вскорѣ послѣ сговора. Счастливый и торжествующій женихъ все быстро приготовилъ.

Помѣщеніе для молодыхъ въ его собственномъ домѣ, въ городкѣ, лежавшемъ на большей рѣкѣ, верстахъ въ пятистахъ отъ постоялаго двора Обувалова, было такое, какого даже не ожидала сама невѣста, увѣренная въ томъ, что „немилый“, получившій ее, не уронитъ себя въ грязь. Домикъ былъ деревянный, но могучаго „вѣкового“ дерева, съ мезониномъ и большимъ дворомъ, какъ крѣпость, окруженнымъ еще болѣе вѣковыми службами, сараями, амбарами. Въ семи верстахъ отъ города, на впнномъ заводѣ Данилы Авксентьевича, въ красивой холмистой мѣстности, на быстрой и холодной рѣчкѣ, была „заимка“ для „лѣтняго пребыванія хозяевъ“, какъ выражались на заводѣ. На заимкѣ все было устроено для разведенія скота, птицы, овощей, и даже недурной пчельникъ.

Все это благополучіе досталось Данилѣ Авксентьевичу отъ „родителя“, умершаго лѣтъ пять передъ этимъ. Старушка мать Данилы, всю жизнь боявшаяся «до трясенія», какъ она сама выражалась, супруга, послѣ смерти его такъ же почти стала бояться единственнаго сына, котораго называла своимъ соколикомъ. Соколикъ, несмотря на его мягкость обходительнаго человѣка, былъ „выжига“, какъ полагали въ округѣ, и такъ же строго слѣдилъ за „хозяйственнымъ обзаведеніемъ папеньки“, какъ и за источникомъ своего благополучія, виннымъ заводомъ. И „маменька“ была такая же „слуга“ соколика, наблюдающая за этимъ „обзаведеніемъ“, какъ чужой человѣкъ, управляющій заводомъ. Такъ же на нее покрикивалъ соколикъ, такъ же держалъ въ черномъ тѣлѣ. А она издыхала, кряхтѣла отъ хлопотъ и только иногда, не безъ оттѣнка какой-то гордости за сына, жаловалась знакомымъ кумушкамъ:

— За каждую индюшечку передъ нимъ отвѣчай! Пойдетъ: „маменька да маменька, единственный я у васъ, или нѣтъ? Мож-

но бы, кажется, о моемъ хозяйствѣ на-
стоящую заботу имѣть“.

И вотъ, благодаря тому, что безотвѣт-
ная „маменька“, сгорбленная, незамѣтная,
ходившая въ темныхъ ситцахъ и головкѣ,
вѣчно исчезавшая на погребяхъ, въ ого-
родѣ, на скотномъ, въ птичникѣ, имѣла
„настоящую заботу о хозяйствѣ своего
единственнаго“, это хозяйство процвѣло
до того, что, когда Луша появилась среди
него въ качествѣ новой хозяйки, а ма-
менька еще больше стушевалась, — даже
въ полной мѣрѣ несчастная дѣвушка по-
чувствовала нѣкоторую инстинктивную
гордость, что она здѣсь хозяйка.

— Вы, Лукерья Никитична, не стѣс-
няйтесь, покомандуйте маменькой-то, онѣ
женщина простая! — весело объявилъ Лу-
шѣ Данила Авксентьевичъ на другой день
послѣ свадьбы, самодовольно поглядывая
на жену, глаза которой избѣгали его
взгляда, еще болѣе нагло нѣжнаго, —
„противнаго“, — какъ думала Луша.

— Ужъ покомандую я у тебя, надру-
гатель! — злобно думала молодая женщина,
а инстинктъ хозяйственности, такъ утон-
ченно развитый въ ней отцовской хозяй-
ственностью, и въ самомъ дѣлѣ вкрадчиво
подшептывалъ: — покомандуй, милушка, по-
командуй, ишь у нихъ амбары-то какіе,
а огородъ-то втрое больше, чѣмъ у ба-
тюшки твоего.

— И начала она меня мыкать, суда-
рыни вы мои, туды да сюды, поспѣвай,
старуха; злющая она да дошлая до всего!
А соколикъ-то мой ходить да похвали-
ваетъ. А она-то: маменька, туды! мамень-
ка, сюды! И сама-то какъ лошадь впря-
лась, здоровая да грудастая такая. Соко-
ликъ-то мой говоритъ: ну, маменька,
теперича загоняетъ насъ Лукерья Ники-
тична. — И загоняетъ! И его загоняетъ...
даромъ, что онъ такой командеръ! — не
безъ торжествующаго самодовольства жа-
ловалась маменька кумушкамъ.

— Ишь ты! Ну что-жъ. Одно ужъ къ
одному. Извѣстно, хозяева вы у насъ.
Тяжеленько только тебѣ, старушка... Да
что ужъ, доколачивайся, всѣ помремъ, —
утѣшали старушку кумушки, не безъ вос-
хищенія наблюдавшія за молодыми, — силь-
ными, здоровыми, красивыми и такими хо-
зяйственными.

А молодая и въ самомъ дѣлѣ, не толь-
ко, по словамъ маменьки, была „дошлая
до всего“, но и „злющая“ въ обоихъ
смыслахъ: и „злющая на работу“, и серд-
цемъ злющая. Это молодое сердце болѣ-
ло и отъ того злилось. „Обвивъ“ горьки-
ми слезами свое дѣвичество невѣстой, что

было, впрочемъ, въ порядкѣ вещей и ни-
кого не смущало, хотя это обыванье до-
ходило до стуканья головой объ стѣну,
Луша очнулась отъ душевнаго обморока,
въ который ввергло ее это непрерывное
вытье, въ объятіяхъ надругателя — мужа.
Она даже пожалѣла одну минуту, что онъ
не безсильный старикъ. Этимъ холодив-
шимъ, отталкивавшимъ все ея существо
ласкамъ, казалось, не будетъ конца. Под-
выпившій послѣ вѣнчанья мужъ не ща-
дилъ ни ея дѣвичьей стыдливости, ни ея
строгости истово старикомъ отпомъ вос-
питанной женщины. Луша вдругъ съ ужа-
сомъ поняла, что не только немилому —
надругателю отдалась она.

— Надругатель, надругатель, — захле-
бывалась въ горькихъ безсильныхъ слезахъ,
шептала она дрожащими губами въ тиши
нѣ ночи, пряча свое пылающее лицо въ
подушку въ то время, какъ Данила Авк-
сентьевичъ, наконецъ, блаженно захра-
пѣлъ.

Въ долгіе часы безсонной первой брач-
ной ночи гордое сердце дѣвушки дѣйстви-
тельно озлилось. Съ вечера это была еще
не отдающая отчета, на что идетъ, поте-
рявшаяся дѣвушка, на утро поднялась
окаменѣвшая, озлобившаяся женщина. И
Данила Авксентьевичъ даже струхнулъ,
когда на его двухсмысленныя шутки ут-
ромъ она выпрямилась, сверкнула глазами
и отрѣзала:

— Что я вамъ? Жена я вамъ, или
кто? — наступила она на него, скрестивъ
красивыя руки на высокой, бурно взды-
мающейся груди.

Данила Авксентьевичъ и струхнулъ, и
былъ пріятно изумленъ.

— Вотъ это жена! — не безъ гордости
подумалъ онъ. „Надругатель“ стушевался;
онъ даже какъ будто боялся называть ее
Лушей. „Лукерья Никитична“ не сходило
съ его губъ. И чтобы выйти изъ нелов-
каго положенія, онъ поспѣшилъ посвятить
ее въ хозяйство.

Блѣдная, строгая, все еще оскорблен-
ная, она молча осматривала все, что онъ
ей показывалъ. Но она чувствовала, что
ей надо „сорвать сердце“. Оно мучитель-
но злобно стучало въ груди. И злющая
на работу женщина сказала въ ней п
сорвала сердце на „маменькѣ“, которая
была противна ей своимъ боготвореніемъ
„соколика“, своей безотвѣтностью, столь
противоположной ея властной, набалован-
ной у отца натурѣ. И она работала и
командовала. Сперва не замѣчая почти,
что дѣлаетъ, потомъ невольно увлекаясь
пріятно-привычнымъ процессомъ хозяй-

ственной дѣятельности, потомъ начиная все болѣе интересоваться подробностями хозяйства, гораздо болѣе обширнаго, чѣмъ было у отца, постепенно находя отраду въ томъ, что чѣмъ больше она работаетъ, чѣмъ шире окидываетъ взглядомъ свое царство хозяйки, тѣмъ болѣе утихаетъ боль ея оскорбленнаго, оторваннаго отъ милаго сердца. Луша почувствовала, наконецъ, какое-то гордое сознание, что она нашла и исходъ, и удовлетворение ея, казалось ей, въ конецъ разбитой жизни.

Внутри ея что-то улеглось, замерло; и на смѣну мучительнымъ порывамъ сердца являлись соображенія дѣятельнаго молодого ума. Горькія воспоминанія стали переходить въ обдумываніе того, что было. Она начинала сравнивать то, что было, съ тѣмъ, что есть, и съ тѣмъ, что могло быть, еслибы вмѣсто немилаго и надругателя она досталась милому неровнюшкѣ. Горькія слезы навертывались на ея прекрасные глаза при этомъ воспоминаніи, но голова продолжала работать, а руки съ наслажденіемъ считали такой приплодъ и такихъ „желтыхъ“ индюшекъ, какихъ у отца и въ поминѣ не было!

Иногда ея бѣлыя сильныя руки опускались; онѣ почти физически вспоминали то ощущеніе, съ какимъ, бывало, ложились на широкія плечи милаго неровнюшки; но маменька, кряхтя, плелась изъ погреба съ такой простоквашей, что одинъ видъ ея радовалъ хозяйское сердце. И невольно тянуло спросить у маменьки про сегодняшній удой отъ тѣхъ трехъ коровъ, которыя были „выписаны“ любителемъ скота, „папенькой“ Данилы Авксентьевича, изъ Россіи. А удой, по словамъ маменьки, былъ такъ хорошъ, что манило самое пойти и посчитать кринки. А попадавшійся на встрѣчу Данила Авксентьевичъ, встрѣчая безмолвный, все еще враждебный взглядъ жены, такъ кстати, такъ осторожно умѣлъ завести разговоръ объ этомъ удоѣ, такъ заманчиво обѣщаль „еще пописать коровенокъ“.

— Потому съ такой хозяйшкой всякую бы землю обшарплъ, гдѣ что лучше, гдѣ быкъ, гдѣ дыня, — все бы ей предоставилъ въ ея руки, бѣлыя да умѣлыя! — робко заканчивалъ, не безъ нѣжной удалы, свою осторожную лестъ Данила Авксентьевичъ.

Сметка его работала.

— Ужъ втяну я тебя, Лушка, такъ что будешь ты мнѣ женой, ровно бы и любила меня!

Данила Авксентьевичъ былъ хитрѣе, чѣмъ казалось, онъ былъ болѣе выжига, чѣмъ думали и, чего ужъ вовсе не думали,

онъ могъ „потерять голову“. А относительно Луши онъ дѣйствительно потерялъ голову. Съ тѣхъ поръ какъ ему сказалося этотъ гордый характеръ, онъ полюбилъ Лушу такъ, что его, не безъ тоски, манило сдѣлаться милымъ ей идушевно. Онъ былъ молодъ, красивъ, не глупъ и могъ втайнѣ надѣяться, что достигнетъ этого. И онъ сталъ добиваться этого такъ, какъ это свойственно людямъ, которые, я потерявъ голову, не теряютъ своего хитраго ума.

— Безъ мыла въ душу влѣзетъ! — все еще нѣсколько враждебно думала Луша, слушая соловьиныя рѣчи мужа.

Но онъ сталъ такъ деликатенъ, что о „надругателѣ“ и рѣчи быть не могло, и въ мысли: „безъ мыла въ душу влѣзетъ“ скользила въ умѣ Луши уже нѣкоторая гордость умѣньемъ безъ мыла въ душу влѣзать не кого иного, какъ ея мужа. Она невольно стала замѣчать его умъ, а онъ ни предъ кѣмъ такъ старательно и такъ осторожно не расточалъ его, какъ передъ ней. Онъ постепенно втягивалъ ее въ свою жизнь. Онъ понималъ, что для такой головы, какъ Лукерьиной, мало соображать въ сферѣ узкаго домашняго обихода, онъ, понемногу, раскрылъ передъ ней и дѣло.

— Мы съ тобой, Лушенька, — ужъ осмѣливался онъ называть ее такъ, — что твоя Авдотья Ивановна дѣло повернемъ!

Это была самая тонкая лестъ дѣловитости Луши. И хотя при этомъ имени глаза Луши, нѣсколько прояснившіеся для мужа, снова враждебно омрачились, но она внимательно выслушала расчеты мужа о закупкѣ хлѣба на будущую операцію, о новомъ способѣ перегонки спирта, который онъ хотѣлъ испробовать, о новомъ винномъ складѣ въ мѣстности, гдѣ они еще не торговали. Она молча выслушала, но задумалась. Онъ выждалъ нѣсколько деньковъ.

— Что-жъ, Лукерья Никитишна, одобряешь мои новые планты? — осторожно спросилъ онъ наконецъ.

— Что-жъ, благословясь, можно. Только со складомъ-то я бы погодила, Данила Авксентьевичъ, — какъ-то угрюмо отозвалась она.

Онъ чуть не запрыгалъ отъ радости. Онъ чувствовалъ, что онъ побѣждаетъ. Онъ нарочно выдумалъ этотъ, ни съ чѣмъ несообразный складъ, чтобы узнать: отсоветуетъ ли она.

— Ты ужъ прости, Лукерья Никитишна, коли когда утружу совѣтомъ — по дѣлу-то, — точно просилъ позволенія онъ.

— Что жъ, мы, кажется, съ вами мужъ да жена, — степенно избѣгая его взгляда, отвѣтила Луша.

— Одна сатана! — не удержался, весело воскликнулъ, тряхнувъ кудрями, Данила Авксентьевичъ. Она молча посмотрѣла на него; ея взглядъ былъ не враждебенъ, но внимателенъ.

— Да, одна мы теперь съ тобой сатана, — не безъ горечи думала Луша. — Безъ мыла въ душу влѣзъ. Приди теперь Митрій... Да пешто уроню я себя?.. Не твою я голову поберегу, а жены твоей, хозяйки; не уроню я себя до мужика... Соблюдаю я свое положеніе... Да неужто жъ Митрій-то тогда въ сурьезъ принялъ слова мои безумныя?.. Тоже, поди, образумился... Гдѣ-то онъ теперь, безшабашная голова? — не безъ грустной ласки, но съ полной увѣренностью въ своей недосыгаемости, подумала она омиломъ неровнюшкѣ.

Ни тѣни сомнѣнія въ томъ, что этотъ неровнюшка поцѣлъ, что онъ дѣйствительно неровнюшка, не мелькнуло въ ея гордой, высоко поднятой теперь головѣ. Выплакалось, выболѣло ея горе, и тѣмъ жестче, чѣмъ сильнѣе оно болѣло, выросло на мѣстѣ его сознаніе неприкосновенности ея чести хозяйственной, дѣловитой, семейной женщины. Уже смутно мелькала въ ней мечта о дѣтяхъ, отѣхъ, для кого она создаетъ свой улей, и не стыдливая краска новобрачной зажглась при этой мечтѣ на ея смуглыхъ щекахъ, а румянецъ предчувствія несомнѣнной полноты, цѣлесообразности всей ея жизни, ровно разлился по ея лицу. Не залога любви ждала она, а залога семейственнаго, хозяйственнаго уклада жизни, уклада, столь роднаго всему ея существу и воспитанію.

И она стала ласковѣе, снисходительнѣе къ „маменькѣ“. Корни ея жизни уже сплетались съ корнями всей ея семьи, связью съ прошлымъ, которой съ одной стороны былъ ея отецъ, съ другой, и съ хозяйственной точки зрѣнія болѣе важной, эта „маменька“.

Но не даромъ называла она про себя безшабашной головой милаго неровнюшку и напрасно думала, что онъ принялъ „не въ сурьезъ“ слова обезумѣвшей отъ горя дѣвушки. Гдѣ пропадалъ, гдѣ мыкалъ горе конюхъ Дмитрій съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ съ приска Парфентьева, это было только ему извѣстно; но прошелъ мѣсяць, Луша съ вѣсѣмъ „обтерпѣлась“, какъ она про себя выражалась, въ качествѣ жены Данилы Авксентьевича, и уже начала вѣсколько покровительственно жалѣть безшабашную голову.

— Пьетъ гдѣ-нибудь, аль золото крадетъ, — не безъ сострадательнаго пренебреженія подумывала она прогда.

И каковъ же былъ ея ужасъ, когда, въ концѣ своего медоваго мѣсяца, уѣхавъ по хозяйству на заимку и считая у пруда выводокъ утятъ, она услышала сзади знакомыя слова и знакомый голосъ:

— Лукерья Никитишна, отпустите корма коньямъ, я съ завода мѣшки привезъ.

Она едва разогнула спину; ей было страшно подняться изъ того наклоннаго положенія, въ которомъ она считала утятъ. Но тяжелое сдержанное дыханіе, такъ же когда-то поднимавшее въ ней всю кровь, раздавалось сзади нея; надо было овладѣть собой; тутъ была „маменька“, заботливо шупавшая и передававшая ей для счета утятъ. И Луша выпрямилась, подвѣяла голову. Она повернулась спиной къ „маменькѣ“, чтобы та не видала ея блѣдности. Она сбралась съ духомъ.

— Ты что, заводскій конюхъ, что-ли? — спросила она, наконецъ, и голосъ почти не измѣнилъ ей.

— Такъ точно. Намеднсь нанялся, — такъ же невозмутимо отвѣчалъ Дмитрій.

Маменька по прежнему шупала утятъ, и не видала ея старческіе глаза глазъ невѣстки и конюха. А въхъ только глаза и выдавали: ея — испуганные, потерявшіеся, его — жадно выжидающіе, мучительно жгучіе.

— Пойдемъ въ амбаръ. Я отпущу овса, — глухо сказала Луша и, потупивъ голову, пошла.

Медленно, шагъ за шагомъ, шель съ хозяйкой конюхъ. „Маменька“ все шупала утятъ.

Амбаръ стоялъ на задахъ; въ этотъ жгучій июльскій послѣобѣденный часъ безлюдье окружало его. Солнце нестерпимо палило недавно скошенную просторную огороженную плетень, овиницу. Больно было смотрѣть на ея желтоватую безлюдную, горящую на солнцѣ, гладь. Ноги подкашивались, когда Луша быстро переходила ея пространство. Медленно, опустивъ голову, брелъ за ней конюхъ. Стали подниматься по лѣстницѣ, убѣленной мукой, въ верхніе закрома амбара. Лѣстница заскрипѣла; казалось, шаги Луши были особенно тяжелы. Странно угрожающе стучали сзади нея тяжелые кованые сапоги конюха.

Луша начала вкладывать большой ключъ съ двойной бородкой въ висячій замокъ. Но она долго не попадала. Наконецъ, замокъ отомкнулся; вошли въ амбаръ. Нанхъ повѣяло пріятной прохладой, пол-

ной хлѣбнаго запаха. Закрома были засыпаны „окатистымъ“ зерномъ овса, въ нѣкоторыхъ лежали туго набитые кули. Во всемъ было обиліе, чистота, сытость. Солнце, въ маленькое полукруглое окошечко, прозрачно алымъ тономъ золотило убитый сапогами мучнистый полъ, падая на него узкой полоской. Въ столбѣ свѣта, идущемъ отъ окошка, толклась мѣрады бѣлыхъ мучнистыхъ пылинкокъ.

Ноги Луши подкосились, она опустилась на куль хлѣба. Дмитрій сталъ спиной къ двери.

Она, наконецъ, рѣшилась поднять глаза. Въ золотисто-розовомъ, полномъ матовой тѣни полусвѣтѣ амбара стоялъ передъ ней „милый неровнюшка“. Онъ былъ все тотъ же, только глаза немного ввалились, борода отросла, да грубый загаръ смѣшался на его лицѣ съ болѣзненной блѣдностью. И вдругъ, несмотря на все сознаніе своего положенія, своей гордой семейственности и хозяйственности, Луша мучительно сознала, что такой, похудѣвшій, поблѣднѣвшій, лишенный прежней щеголеватости удалого присковаго конюха, онъ еще краше, милѣй ей. И она не замѣтила, какъ у ней застѣнчиво угрюмо вырвалось:

— Гдѣ пропадалъ?

Она раскаялась въ этомъ ласковомъ вызовѣ на разговоръ, но было уже поздно.

— Шатался, — тряхнувъ головой, глухо отозвался онъ. — Вымоталъ себя, теперичи шелковый буду...

Она чувствовала, что въ этомъ таится намекъ.

— На что твоя шелковитость-то? — угрюмо сказала она и отвела отъ него глаза.

— На что? — какъ-то странно вздохнулъ онъ и сдѣлалъ къ ней два медленныхъ нерѣшительныхъ шага.

Она дрожа поднялась съ куля.

— А на то, что, коль у насъ съ душенькой хозяйшкой любовь да совѣтъ будетъ, чтобъ не вводить ее въ обиду, да чтобъ никому и вдомекъ не было... Вей, теперичи, изъ мѣня веревки, Лукерья Никитишна, — рабъ твой. Выгорѣла во мнѣ вся обида горькая. Полюбовникомъ, такъ полюбовникомъ, все одно. Нанялся, проданъ хозяину въ работнички, — хозяйшкѣ въ любовнички. Потому, какъ слово такое твое было, Лукерья Никитишна... а что зазноба ты моя — по гробъ жизни! И выхожу я рабъ, — говорилъ Дмитрій.

И въ этой смѣси болѣзненнаго глумленія и надъ ней, и надъ собой, въ этой смѣси удалой горькой шутки и еще болѣе горькой приниженности — таилась безконечная

мучительная нѣжность. Глаза его горѣли и, встряхивая густыми кудрями, отвѣшивая ей низкій поклонъ за поклономъ, онъ еще сдѣлалъ два шага къ ней. Она отшатнулась, она чувствовала, что готова броситься ему на шею, у ней потемнѣло въ глазахъ

— Прослышали мы, что у Данилы Авксентьича медовый мѣсяцъ на исходѣ, да-ка-сь и мы медку хлебнемъ, краешкомъ зачерпнемъ, авось мимо рта не пронесемъ! — въ прѣжнемъ тонѣ продолжалъ Дмитрій; глаза его все больше горѣли. — Ну-ка-сь, душенька Лушенька, одолжите пригубить. — И онъ охватилъ одной рукой трепещущій станъ хозяйки.

Она рванулась

— Что я тебѣ? — вырвались у нея невольныя тѣ же слова, какія первыя услышалъ отъ нея мужъ. У Дмитрія опустились руки.

— Прости, Лукерья Никитишна, коли согрубилъ что, — виновато задрожалъ его голосъ. — Не по нраву тебѣ мое слово вольное, такъ вѣдь горько мнѣ, голубка, — махнулъ онъ рукой и отвернулся, — думалъ ужъ оставить, чего, молъ, непутное дѣлать съ милой да съ желанной. Да какъ вспомню, Луша, слово твое послѣднее, да что кабачному выжигѣ досталась ты, да слезы твои дѣвичьи, такъ словно косаремъ полоснетъ... Нѣтъ, думаю, пойду къ ней — возьму свое, пускай мою любовь вѣдаетъ! Вотъ и пришелъ. А посмотрѣлъ на твое хозяйство, да на богатство... эхъ, горько мнѣ! Нѣтъ ужъ, возьму я свое! — злобно ударилъ онъ руками объ полы.

— Митя, Митя, не позорь ты мою голову честную, — умоляюще зашептала она, — глупое то было мое слово... Дѣвчонка я была, не понимала я...

Она робко-умоляюще смотрѣла въ его глаза. Его глаза засверкали, губы скривились.

— А теперь бабой стала? — рѣзко сказалъ онъ. — Вижу, уму разуму понабралась, да и тѣломъ ровно сытѣе да краше стала. Такъ пустое то слово твое было, Лукерья? А? — опять скривилъ онъ губы.

— Самъ знаешь, пустое, — глухо повторила она.

Онъ посмотрѣлъ на нее, оглянулъ амбаръ и вдругъ протяжно засвисталъ. Странно раздался этотъ свистъ въ пустомъ амбарѣ.

— Что-жъ мнѣ тебя силой брать, что-ли? — странно грубо сказалъ онъ, какъ будто подумавши.

— Дѣвкой силой не взялъ, аль теперь возьмешь? — не смотря на него, глухо отозвалась она.

— Не возьму, что-ль? — согнулъ онъ спину и вытянулъ впередъ голову; глаза его горѣли въ полутьмѣ амбара недобрымъ огнемъ.

— Дѣвкой, говорю, не взялъ, бабой не возьмешь, — уже злобно прохрипѣла Луша, встрѣчая также недобрымъ взглядомъ его взглядъ.

— Неужтожь разлюбила? Данила любъ сталъ? — слышался надорванный безсильный голосъ.

— Разлюбила? Стала бы я съ тобой разговаривать, — задрожалъ голосъ женщины.

— Видно, загордѣла? — какъ будто съ облегченіемъ сказалъ, не безъ горечи, Дмитрій.

Она молчала, только грудь ея дышала все прерывистѣй.

— И то загордѣла! — повторилъ онъ безнадежно. — Одначе чѣмъ же мы эту канитель кончимъ? — усмѣхаясь, съ недоумѣніемъ, сказалъ онъ.

— Уходи ты отъ грѣха! — прошептала Луша — и съ завода уходи, отъ насъ уходи! — съ мучительнымъ упорствомъ пояснила она, точно боясь, что онъ не такъ пойметъ.

Онъ молчалъ.

— Уйтить — уйдемъ, да только ладно ли будетъ? — загадочно горько, словно самъ вдумываясь въ то, что говорилъ, сказалъ онъ наконецъ.

— Уйди, Митя, — уже умоляюще шептала она.

— Ладно ли будетъ, я говорю? — повторилъ какъ-то угрожающе онъ.

Она испуганно уставилась на него. Глаза ихъ встрѣтились, но ни тотъ, ни другая не рѣшались повѣрить тому, о чемъ думали.

— Я уйду! — вдругъ, упавшимъ голосомъ, съ подавленнымъ ужасомъ, наконецъ вырвалось у него. Шатаясь, какъ пьяный, пошелъ онъ вонъ изъ амбара. Но вдругъ остановился и глухо прохрипѣлъ:

— Одно мнѣ скажи, Лукерья Никитишна, любъ тебѣ сталъ Данилка, аль нѣтъ? Нѣтъ! лучше не говори! Не повѣрю... не повѣрю я теперь тебѣ! — и онъ быстро, не оборачиваясь, перешагнувъ порогъ амбара.

Она подошла къ двери, она жадно смотрѣла, какъ онъ трясущимися ногами скорѣе свалился, чѣмъ сошелъ по лѣстницѣ, какъ онъ, низко опустивъ голову, волочилъ ноги по безконечной обожженной солнцемъ овпницѣ. Наконецъ онъ исчезъ за плетнемъ. Она обернулась лицомъ въ амбаръ. Переходъ отъ солнечнаго блеска къ умѣренной полутьмѣ амбара ласкалъ ея глаза. Обиліе этого хранилища хлѣба, сыт-

но ароматичный запахъ хлѣбной атмосферы, это воплощеніе ея хозяйственнаго царства, напомнило ей, что она сейчасъ, во имя этого царства, одержала великую побѣду.

И только это сознание, да не покидавшая ее мысль о томъ, что „маменька“ съ утятами ждетъ и небось недоумѣваетъ, гдѣ это она запропала, не дали несчастной женщинѣ повалиться на эти кули и завывать, завывать по-бабьи, раздирающимъ душу воплемъ. Она сама не вѣрила себѣ, что еще любитъ такъ сильно „милаго перовнюшку“. А онъ ей больше не вѣрилъ! Но надо было не медлить: „маменька“ могла хватиться; она, блѣдная, одеревенѣвшая, не помнила, не чувствовала, какъ заперла амбаръ, сошла по лѣстницѣ, перешла овинницу и очутилась близъ „маменьки“.

Старуха перецупала всѣхъ утятъ и теперь, пользуясь минутнымъ отдыхомъ, спдѣла и блаженно созерцала пушистую пискливую мелюзгу, которая копошилась у ея старческихъ ногъ.

— Что больно долго? — освѣдомплась она безучастно у невѣстки.

Та зорко посмотрѣла на нее и, не моргнувъ глазомъ, безъ малѣйшей запинки сказала:

— Мѣшокъ прорвался, за другимъ бѣгалъ, а я ждала.

Но за то „злющая“ и на работу, и сердцемъ, невѣстка просто загоняла въ этотъ вечеръ старуху по хозяйству.

— Да уймись ты, мать моя! Всего въ часъ не передѣлаешь! — ворчала старуха.

Но „молодуха“ не слушалась. Какъ запаленная лошадь, тяжело дыша, повалилась она поздней ночью на постель; и ладно, что Данила Авксептьевичъ ночевалъ эту ночь въ городѣ; и при немъ бы, вѣроятно, также быстро смокла ея подушка отъ неудержимыхъ накипѣвшихъ слезъ, да пожалуй, и не добромъ бы встрѣтили его супружескія ласки, какъ ни деликатенъ былъ онъ теперь въ нихъ. Но онъ пріѣхалъ рано утромъ, походплъ по заводу и пришегъ на займку.

— Эхъ, какое горе-то у меня, Лукерья Никитишна! — жаловался онъ невозмутимо наливавшей ему чай женѣ, — принялъ я, признаться, безъ твоего вѣдома, тутъ одного конюха, парень-то такой, кажись бы, смѣтливый, а онъ три дня пробылъ, да сегодня въ ночь забралъ отрепье свое, да и ушелъ, ничего не сказавъ. Я пашпорта у него еще не успѣлъ спросить.

— Не укралъ ли онъ чего? — обезпокоилась „маменька“.

— Въ томъ-то и дѣло! Все осмотрѣли,

все на мѣстѣ. Диковина! — недоумѣвалъ Данила Авксентьевичъ.

Жена его молча наливала чай.

— Шатуны какой-нибудь!—словно невольно вырвалось у нея пренебрежительно, но голосъ странно дрогнулъ. Счастье ея было, что память у „маменьки“ была слаба и она не стала вслухъ соображать, молъ, не тотъ ли бѣжалъ, который вчера за кормомъ приходилъ.

Но побѣда была все-таки побѣдой; время шло, и Луша все болѣе это сознавала. Иногда, минутами, ее охватывало жгучее воспоминаніе о новыхъ и, какъ она думала теперь, послѣднихъ, невозвратныхъ минутахъ, проведенныхъ съ „милымъ неровнюшкой“, которыя послала ей, такъ жестоко шутящая съ людьми, судьба. Иногда это воспоминаніе было такъ жгуче, страсть такъ сильно просыпалась въ ея сильной натурѣ, что и Данила Авксентьевичъ, и хозяйство становились противны.

Но тѣмъ болѣе, въ инныя минуты, которыхъ было гораздо больше, просыпалось въ ней сознаніе, что побѣда, одержанная ею надъ собой и надъ Дмитріемъ, и ради хозяйства, и Данилы Авксентьевича, не даромъ же одержана. И полная горькаго чувства противъ своихъ новыхъ идоловъ, потому что, въ сравненіи съ милымъ, къ которому рвалось все ея сердце, мужъ и хозяйство были бездушные идолы для нея, полная горькаго чувства, она продолжала служить этимъ идоламъ. Но чѣмъ дальше отодвигалось послѣднее свиданіе съ „шатуномъ“, какъ теперь она мысленно, неискренне пренебрежительно, называла Дмитрія, чѣмъ больше умолкало сердце, тѣмъ больше вступалъ въ свои права разсудокъ.

— Бабой стала, уму разуму научилась, — горько вспоминались ей порой слова „шатуна!“

И иногда, оставшись одна, заглянувъ въ зеркальце, сохраненное ею еще отъ дѣвичьей жизни, на свое красное суровое лицо, она не безъ боли убѣждалась, что изъ зеркальца на нее смотритъ не прежняя хохотунья, пѣвунья, хороводница — дѣвушка, не прежняя зубоскалка, плясунья, а почти чужая ей женщина

— Неужто жъ это я — Лушка Обувалова? — безъ усмѣшки, съ тайной злобой, спрашивала она себя.

И пренебрежительно отодвигала отъ себя зеркало Лукерья Никитишна; какъ будто на зло тому воспоминанію, чѣмъ она была въ дѣвушкахъ, она еще горячѣе влѣзала въ свой новый хомутъ. И горько ей было, и рада она была, что совсѣмъ те-

перь порвала съ прошлымъ, сожгла корабли.

Иногда ею овладѣвали непонятные, ей самой неожиданные капризы. Какъ будто порвавши съ прошлымъ окончательно, она позволяла себѣ то, чего прежде бы не позволяла. Однажды, причесывая свою роскошную русую косу, при почтительно, безмолвно любовавшемся мужѣ, она вдругъ спросила:

— Что, Данила Авксентьевичъ, небось въ дѣвкахъ-то я была краше?

Быль ли это вызовъ, насмѣшка надъ его восхищеніемъ, или что иное, она сама не знала.

— Ну, ужъ это позвольте намъ судить, сколь вы съ тѣхъ поръ раздѣли, Дѣвушка мила, а нѣтъ краше времени, какъ первое, когда дѣвица только женщиной сдѣлалась, — съ развязностью знатока галантерейничалъ какъ будто поощренный на то мужъ.

— Одно въ васъ, — осторожно прибавилъ онъ, — разверту того нѣтъ, бойкости этой женской въ любовномъ дѣлѣ. А въ дѣвушкахъ, кажись, въ васъ достаточно было...

— Достаточно! — съ раздумчивой усмѣшкой повторила Луша, какъ будто взвѣсивая свою тяжелую косу.

— Даже очень! — подхватилъ мужъ, обрадованный, что она заговорила на эту тему. — Конечно, въ вашемъ теперешнемъ положеніи, при нашемъ достаткѣ, солидность нужна; но съ супругомъ-то бы можно и развернуться. Не перестарокъ я какой, и собой изъ ряда не выкинешь, и вы — пригожая да молоденькая, а что мы: Данила Авксентьевичъ, да Лукерья Никитишна, нѣтъ, чтобъ Данилушка да Лушенька. А? Лушенька? — осмѣлился Данилушка и слегка ткнул Лушеньку осторожно подъ бокъ.

Она удивленно подняла на него глаза, не сказавъ ни слова, отошла и отвернулась.

— Только-то и всего? — смущенно почесалъ онъ у себя въ затылкѣ.

— Нежена я вамъ что-ли?.. Врозь что-ль живу съ вами? — вдругъ глухо дрогнулъ угрюмый голосъ неповорачивавшей головы Луши.

— Что-жъ, благодарны и на томъ, — не безъ злобы пробормоталъ онъ. — Что до бойкости — и ладно, что она съ васъ схлынула, а то пожалуй, при ней-то, да при холодной любви-то вашей къ супругу, какъ бы сосѣдямъ не пришлось намъ ворота дегтемъ мазать! — не удержался — уязвилъ онъ.

— Ворота дегтемъ? — медленно проти-

нувъ, повернулась она къ нему. Соболиныя брови сдвинулись, въ глазахъ стаяла гордая гроза. — Да какъ у тебя языкъ-то повернулся сказать мнѣ такое? Пьянъ ты что-ли? Что ты мужъ, да богатый, такъ и смѣешь? Да коли такъ, я тебя къ себѣ не подпущу, къ батюшкѣ уйду, да при всемъ честномъ народѣ — наплюю тебѣ въ глаза! — наступала Луша, скрестивъ руки, на опѣшившаго мужа.

— Что вы, Лукерья Никитишна! Простите слово дурацкое! — бормоталъ смущенно Данила Авксентьевичъ.

— Ну, вѣдьма будетъ у меня жenuшка — въ лѣта войдетъ! — думалъ онъ, уходя отъ грѣха. — Однако, кажись, вѣрять ей можно: не уронить себя. Диво мнѣ, какая это въ ней сила! Да я бы за экую ругань другую за косу отволокъ, а съ этой смолчалъ. И самому-то ровпо пріятно, что она такъ за честь свою вступилась, — радостно соображалъ Данила Авксентьевичъ.

А сила, удивившая его въ женѣ, и было то сознание побѣды надъ страстью, которое неволью окрыляло теперь Лушу, давало ей новую власть надъ мужемъ, надъ „маменькой“, надъ всѣмъ обзаведеніемъ и дѣломъ мужа. И ужъ не онъ вызывалъ ее на совѣтъ въ дѣловыхъ вопросахъ, — она сама являлась на заводъ, помалчивала, приглядывалась и вдругъ строго объявляла мужу, какъ судья подсудимому:

— Данила Авксентьевичъ! а что больно много угараетъ хлѣба-то при куреніи?

— Много что-ль? — виновато прищуривался мужъ.

Она безъ лишнихъ словъ доказывала ему, что много.

— Ну, этого больше не будетъ! — угрожающе для управляющаго заводомъ объявлялъ мужъ, довольный бдительностью жены къ его интересамъ.

— Зоркая баба! спасибо Авдотѣ Ивановнѣ, — одобрительно качалъ онъ головой.

— Что вы думаете, она заткнетъ соколика то за поясъ! — начинала жаловаться „маменька“ кумушкамъ.

— Что же, старушка, ничего мудренаго, твой соколикъ-то только выжига, а она женщина твердая, вся въ отца, — соглашались кумушки, бабы тоже зоркія.

Маменька нѣсколько сердилась на такія ихъ рѣчи, но въ душѣ неволью соглашалась.

И стала Луша окончательно хозяйкой, мужней женой, маткой сытаго улья. Начали показываться и признаки наслѣдника.

— Авось матерью-то станетъ, посягаетъ, — думалъ мужъ.

Но напрасно; она дѣлалась еще строже; новая жизнь, зарождавшаяся въ ней, ласкала ее только мечтой о томъ, для кого она, съ новымъ рвеніемъ, будетъ солить, готовить въ прокъ, копить и беречь. И замѣчательно: съ беременностью въ каменѣвшей Лушѣ какими-то припадками, капризами, пробуждались старые порывы сердца, память о „миломъ неровнюшкѣ“. И всплакивала она иногда.

— Эхъ, кабы его былъ ребенокъ, мѣры бы душѣ моей не было, — больно думалось ей иногда, когда она жадно прислушивалась къ тому, что пробуждалось у ней подъ сердцемъ.

А иногда, иногда — иное приходило ей въ голову съ ужасомъ. Ей вдругъ болѣзненно-ярко вспоминался тотъ безмолвный взглядъ, которымъ они обмѣнялись съ Дмитриемъ въ амбарѣ и который она побоялась понять. Что онъ значилъ? Она и теперь боялась понять его.

— Да неужто-жъ? — задавала она себѣ вопросъ, котораго не хотѣла кончать, и вся холодѣла, и крестилась дрожащей рукой. — И гдѣ теперь онъ, „шатуны“-то? — думала она. — Вотъ глупости! спился, поди, съ кругу, — успокоивала она себя.

Но сердце, прелушиваясь къ жизни другого зарождающагося сердца, тосковало и тосковало. Быть можетъ, оно предчувствовало, что судьба, посредствомъ „шатуна“, сыграетъ съ ней новую и худшую штуку.

Беременность ея уже достаточно выяснилась, когда Луша, вторично въ это лѣто, пріѣхала изъ города на заимку. На этотъ разъ сопровождалъ ее мужъ, оберегавшій въ ней новыя свои надежды. Если она теперь менѣ двигалась, менѣ хлопотала, то глазъ ея еще зорче наблюдалъ за хозяйствомъ, и она еще больше гоняла „маменьку“, огородницу, птичницу и самого Данилу Авксентьевича. И уставала она, хотя отъ одного командованія, не менѣ. Подъ вечеръ она обыкновенно ложилась на диванъ, распустивъ платье, рядомъ съ конторой мужа, и вела съ нимъ изъ-за перегородки, не доходившей до потолка, дѣловыя и хозяйственныя бесѣды, пока глаза не начинали слипаться. Тогда она уходила въ спальню, а мужъ работалъ надъ счетами еще два, три часа.

Сегодня, противъ обыкновенія, сонъ бѣжалъ ея глазъ, ей было какъ-то особенно тоскливо. И она, далеко за полночь, лежала на диванѣ у перегородки. Мужъ нѣсколько разъ отсылалъ ее спать, она не шла, она все находила новыя хозяйственныя темы и соображенія. Полная ночь

ужь глядѣла въ окно. Собаки лѣживо, точно по обязанности, лаяли. Караульщикъ потрещалъ и умолкъ. Ночью вокругъ замки было мертвое царство: заводъ былъ въ верстѣ.

— Знаешь,— вдругъ раздаѣся голосъ мужа изъ-за перегородки,— у меня все нейдетъ изъ головы, что тотъ „шатунь“, какъ ты называешь, высматривалъ у насъ что-нибудь, ограбить что-ли хотѣлъ. Небось и собакъ въ эти три дня, какъ у насъ жилъ, прикормилъ да къ себѣ пріучилъ. А? Какъ ты думаешь?

— Пустяки,— глухо, дрогнувшимъ голосомъ отозвалась Луша,— съ тѣхъ поръ сколько времени прошло.

— Я самъ думаю, пустяки. Время прошло много, а ничего не пропадаетъ,— согласился мужъ и защелкалъ счетами.

— Да винтовка-то у тебя здѣсь?— странно неожиданно спросила Луша.

— Здѣсь, въ спальнѣ, какъ можно безъ острастки, глушь вѣдь здѣсь,— отозвался мужъ.

И опять мѣрно, въ ночной тишинѣ, щелкали счеты. Залаяли собаки, но лай былъ какъ будто не на врага, а ласковый, и скоро смолкъ. Трещетка караульщика не отозвалась на этотъ лай.

— Плохо караулить Степанъ, надо выстойку сдѣлать,— междудѣломъ замѣтилъ, продолжая щелкать костяжками, Данила Авксентьевичъ.

Луша слышала эти слова какъ бы во снѣ. Она, очевидно, задремывала.— Надо бы въ спальню уйти,— подумала она сквозь сонъ. Но сонъ уже такъ охватилъ ее, что ей трудно было шевельнуться.

Вдругъ она очнулась: какой-то странный стукъ заставилъ ее поднять голову. Она поняла, что спала и вдругъ проснулась, чѣмъ-то разбуженная. Чѣмъ, она не могла разобрать сквозь сонъ. За перегородкой было странно тихо, счеты больше не щелкали. Ей сдѣлалось безотчетно страшно. Она хотѣла окликнуть мужа, но голосъ не повиновался: до того ей вдругъ со сна стало страшно. Она встала съ дивана босыми ногами и пошла по ковру за перегородку. Ей хотѣлось увидѣть мужа и успокоиться.

Но едва она ступила за перегородку, ужасъ оковалъ ее. Въ одномъ углу комнаты, какъ-то безобразно согнувшись отъ страха, блѣдный какъ мертвецъ, стоялъ Данила Авксентьевичъ, ухватившись окостенѣвшими пальцами за спинку стула, какъ будто намѣреваясь поднять его для защиты. Изъ другого угла, отъ раскрытаго окна, тоже безобразно согнувшись

отъ сдавленноѣ дикой злобы, кралась къ нему растрепанная фигура мужика. Только пару звѣрски горящихъ глазъ на блѣдномъ исхудаломъ лицѣ, да блескъ топора въ рукахъ мужика мгновенно увидѣла Луша.

И она узнала эти глаза... Что-то словно кинуло ее на средину комнаты...

— А—а! И тебя, змѣю, убью!—раздался дикій хрипъ.

— Луша, Луша,— рвалось изъ горла Данилы Авксентьевича, но виннозаводчикъ, и не подозрѣвавшій до сихъ поръ, что онъ такой трусъ, не могъ извлечь болѣе ни звука изъ своей похолодѣвшей груди, только пальцы его непроизвольно стискивали стулъ.

— Митя! не губи свою душеньку!— сдавленнымъ воплемъ раздалось въ ночной тишинѣ.

Глаза Данилы Авксентьевича широко раскрылись. Злодѣй схватился за грудь, откатнулся, точно ушибленный, ступилъ шагъ, другой, назадъ, и вдругъ стукъ топора, упавшаго точно изъ обезсилѣвшихъ рукъ на полъ, поразилъ Данилу Авксентьевича.

— Говорилъ, говорилъ, что не ладно будетъ, что не стерплю!— хрипѣлъ „шатунь“, бессильно поводя потерянными безумными глазами.

Но Данила Авксентьевичъ, къ которому такъ же скоро возвращалась смѣтливость, какъ и исчезала храбрость, понялъ одно, что топоръ лежитъ на полу, аршина на два отъ „шатуна“. Какъ пантера выпрыгнулъ онъ изъ своего угла, схватилъ топоръ, но сильная, хотя дрожащая рука легла на его руку. Безумно грозящѣ глаза жены смотрѣли въ его остервенѣлые глаза.

— Не тронь, не тронь!— страшнымъ шепотомъ вырвалось изъ ея посинѣлыхъ губъ.

— Злодѣй, грабитель,— бессознательно рвалось изъ губъ Данилы Авксентьевича.

Но рука его съ топоромъ опустилась.

— Хотѣлъ я тебя ограбить, да вотъ она не дала, хотѣлъ и убить, да она же,— безстрашно стоялъ передъ нимъ „шатунь“, блѣдный, потрясенный и измученный.

— Она,— захрипѣлъ виннозаводчикъ и рука съ топоромъ опять поднялась.

Но сильная бѣлая женская рука вырвала топоръ. Топорище такъ и скользнуло изъ пальцевъ. Луша быстрымъ взмахомъ выкинула топоръ за окно, онъ только сверкнулъ въ темнотѣ и мягко упалъ за окномъ на траву.

— Митя... Митя!.. Уходи, ради Хри-

ста! — изнемогая, мучительно шептала, заломивъ руки надъ головой, Луша.

Обезоруженный Данила Авксентьевичъ бесцельно сжималъ кулаки, „шатуны“ вскинулъ глазами.

— Н-ну, — прохрипѣлъ онъ — прощайте, люди добрые, лихомъ не помпнайте, не стану вамъ больше поперекъ дороги. Прости, Лукерья. — Глаза его еще разъ сверкнули, и онъ, оглянувшись, какъ затравленный звѣрь, перемахнулъ черезъ окно и, какъ его топоръ, пропалъ въ темнотѣ.

Данила Авксентьевичъ готовъ былъ закричать, позвать людей, но что-то помѣшало ему сдѣлать это. вмѣсто того, онъ схватилъ жену за косу и повалилъ ее.

— Кайся! — хрипѣлъ онъ. Звѣрь вполне проснулся въ немъ.

И она, подъ пинками его ногъ въ тяжелыхъ подкованныхъ сапогахъ, съ намотанной, какъ вожжи, на его руку косой, покаялась, покаялась во всемъ И когда кончила, повалилась въ безпамятствѣ.

— Ну благо, честна была, коль не врешь, — какъ будто отдыхая, хрипѣлъ мужъ. И тутъ только вспомнилъ, что она „мать“. Но было уже поздно: Луша заболѣла и черезъ нѣсколько дней выкинула.

— Эхъ, не ладно, — качала головой акушерка, — коль перваго выкинешь, и пойдешь выкидывать... Вѣрно, мужъ съ пьяна сердечную побилъ, — кончала она мысленно, видя синяки и подтеки на тѣлѣ Луши.

— А соколикъ-то все-таки укротилъ не-

вѣстку-то! — сообщала кумушкамъ „маменька“; — шелковая стала, не зазнается больше, не командуетъ, а работаетъ сама пуше прежняго. Труженица, что говорить. И вѣдь просто укротилъ, — взялъ да и побилъ. Кого, молъ, люблю, того и бью. Одно не хвалю, забылъ, что на сносяхъ была. Выпивши, что-ли, былъ, кто его знаетъ.

— Ой, бабонька, звѣри вѣдь они во хмѣлю — мужчины-то, — соболѣзновали опытные кумушки.

Одна Авдотья Ивановна Пошелчина, въ хоромы которой стоустая молва донесла смутную вѣсть, что Данила Авксентьевичъ побилъ молодую жену, сообразила нѣсколько близко къ истинѣ. — Вѣрно съ „милымъ неровнюшкой“ нарвалась. Неопытна еще, — цинично подумала Авдотья Ивановна.

Слышалъ тоже что-то смутное и старикъ Обуваловъ. Приѣхалъ къ зятю, посмотрѣлъ.

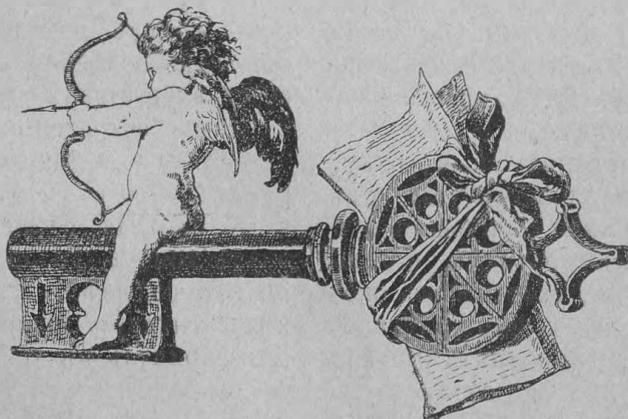
— Уходила, что-ль, Лукерья-то, ровно бы тише стала? — осторожно замѣтилъ онъ зятю.

— Уходила! — нѣсколько мрачно отозвался зять.

— Не нравится, что допытываюсь, — сообразилъ старикъ. — Что-жъ, если и побилъ, вѣрно, на пользу. Отчего мужу жены не побить, — рѣшилъ онъ. О бывшей беременности дочери ему и не сказали.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

В. Михеевъ.

Техника драмы.

Густава Фрейтага.

(Продолженіе *).

III.

Построеніе драмы у Софокла.

Трагедія авинянъ не утратила и до сихъ поръ своего могучаго обаянія для творческаго духа. Не только неувядаемая красота ея содержанія, но и античная форма вліяють на поэтическія произведенія современной эпохи; трагедія древности оказала существенное содѣйствіе нашей драмѣ въ ея стремленіи отдѣлиться отъ средневѣковой сцены и пріобрѣсти болѣе художественную постройку и болѣе глубокое содержаніе.

Античная трагедія выросла изъ весеннихъ аттическихъ празднествъ въ честь бога Діонисія, состоявшихъ изъ соло дифирамбическаго характера, которое пѣлъ актеръ, игравшій роль Діонисія, и изъ отвѣтовъ хора. Мало по малу промежутки между дифирамбами и хоромъ наполнились рѣчами отдѣльныхъ лицъ, распространившихся затѣмъ до размѣровъ дѣйствія. Отъ этихъ зачатковъ трагедія удержала хоръ, пѣніе отдѣльныхъ главныхъ ролей въ минуты наивысшаго волненія, поочередное пѣніе актеровъ и хора. Въ силу естественнаго хода вещей, драматическая часть трагедіи пріобрѣла преобладающее значеніе и оттѣснила хоръ. Въ самыхъ раннихъ пьесахъ Эсхила «Персы» и «Гикетиды» хоры еще занимаютъ чуть ли не главное мѣсто. Они отличаются такою красотой, такимъ величіемъ, такимъ могучимъ драматическимъ движеніемъ, что въ нашихъ ораторіяхъ и операхъ немного найдется мѣстъ, которыя можно было бы поставить рядомъ съ ними. Короткія вводныя предложенія отдѣльныхъ лицъ, не носящія на себѣ лирическаго музыкальнаго характера, служатъ почти исключительно только мотивами, имѣющими цѣлью вызвать новыя настроенія въ солистахъ и въ хорѣ. Но уже во времена Эврипида хоръ отодвинулся на задній планъ, связь его съ усовершенствованнымъ дѣйствіемъ ослабла, онъ утратилъ свое значеніе

спутника и наперника главныхъ лицъ и сдѣлался несущественною частью драмы. Хоральными пѣснями одной драмы начали пользоваться для другихъ пьесъ; подъ конецъ онѣ, повидному, представляли ничто иное, какъ пѣніе, наполнявшее промежутки между актами. Но лирическій элементъ сохранился въ самомъ дѣйствіи. Величавыя, широко выполненныя патетическія сцены, предназначавшіяся для пѣнія или декламации ихъ актерами, остались въ важныхъ мѣстахъ дѣйствія безусловно необходимой составной частью трагедіи. Эти патетическія сцены, вѣнецъ славы перваго актера, самыя лучезарныя точки античнаго сценическаго искусства, содержатъ въ себѣ лирическіе элементы ситуаций въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какихъ мы уже не были бы вправѣ допускать у себя. Здѣсь сосредоточиваются трогательныя воздѣйствія трагедіи. Продолжительное изліяніе душевныхъ чувствъ имѣло такую притягательную силу для слушателей, что менѣе даровитые актеры приносили въ жертву этимъ сценамъ единство и правдоподобіе дѣйствія. Но, при всей красотѣ и полнотѣ звучащаго въ нихъ чувства, драматическое движеніе въ нихъ все же незначительно. Это — поэтическія разсужденія о собственномъ положеніи, мольбы къ богамъ, глубоко прочувствованное изображеніе какихъ-либо выдающихся обстоятельствъ. Ихъ можно бы сравнить съ монологами новѣйшихъ временъ, хотя хоръ представляетъ здѣсь участливаго, а иногда и протестующаго слушателя.

Расширеніе древнихъ дифирамбическихъ пѣнопѣній сначала до размѣровъ ораторій, въ которыхъ солисты выступали въ праздничномъ одѣяніи, съ несложной жестикуляціей, затѣмъ до размѣровъ драмъ съ выработаннымъ искус-

*) См. „Дневникъ Артиста“, № 5 за 1892 г.

ствомъ сценическаго изображенія, осуществилось, благодаря проникновенію въ нихъ дѣйствія, заимствованнаго почти исключительно изъ области эллинскихъ сказаній о герояхъ и эллинскаго эпоса. Единичныя попытки драматическихъ писателей расширить эту область сюжетовъ въ общемъ не имѣли успѣха. Еще до Эсхила тотъ или другой авторъ ораторій пытался, быть можетъ, воспользоваться какими-либо историческими сюжетами; въ самой ранней изъ дошедшихъ до насъ трагедій Эсхила точно такъ же разработана историческій сюжетъ изъ ближайшаго къ нему прошлаго; но въ то время у грековъ и не было еще историографіи въ нашемъ смыслѣ. Какая-нибудь удачная попытка вывести на сцену сюжетъ, возникшій путемъ свободного вымысла, равнымъ образомъ, лишь рѣдко находила подражателей въ эпоху расцвѣта греческой трагедіи.

Такой обычай строго держаться одной определенной области сюжетовъ былъ въ одно и тоже время и счастьемъ, и злополучіемъ для аттической сцены. Онъ ограничивалъ драматическія ситуаціи и воздѣйствія довольно тѣснымъ кругомъ, въ предѣлахъ котораго болѣе древніе поэты, полные непочатыхъ силъ, достигли величайшихъ успѣховъ, но который весьма скоро побудилъ позднѣйшихъ драматиковъ искать новыхъ воздѣйствій окольными путями, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ чего явился упадокъ греческой трагедіи. Дѣйствительно, между міромъ, изъ котораго заимствовались эти сюжеты, и жизненными условіями драмы существовало внутреннее противорѣчіе, которое только высшій гений умѣлъ побѣждать, но подъ вліяніемъ котораго захирѣло даже дарованіе Эврипида.

Особый видъ поэзіи, привлекшій еще до развитія драмы симпатіи народа къ легендарнымъ сюжетамъ, удержался до нѣкоторой степени и въ извѣстныхъ сценахъ драмы. Одна изъ національных чертъ греческаго народа—это страсть къ публичнымъ рѣчамъ, а позднѣе и къ декламациі эпическихъ поэмъ. Эта привычка внесла и въ трагедію болѣе или менѣе длинные рассказы о событіяхъ, имѣвшихъ существенную важность для дѣйствія. И такіе отчеты занимали гораздо больше мѣста, чѣмъ это допускается въ новѣйшей драмѣ. Рассказъ, предназначенный для сцены, надѣляется драматическимъ движеніемъ. Герольды, вѣстники, прорицатели дѣлаются постоянными ролями для такихъ рассказовъ. Сцены же, въ которыхъ они выступаютъ, имѣютъ въ большинствѣ случаевъ одинаковую постройку. Послѣ краткаго введенія начинаются повѣствованія рассказчиковъ, затѣмъ слѣдуютъ болѣе или менѣе длинные, выдержанные въ одномъ размѣрѣ состязательные стихи, быстро чередуются вопросы и отвѣты, и подъ конецъ кратко излагается заключительный выводъ изъ повѣствованія. Рассказъ всту-

паетъ и въ ту часть драмы, гдѣ намъ онъ кажется всего болѣе неумѣстнымъ—въ катастрофу. Иногда мы узнаемъ о конечномъ исходѣ героя только изъ донесенія вѣстника.

Веденіе сценъ подверглось иного рода вліянію со стороны главнаго интереса аттической площади, судебныхъ преній. Народъ со страстнымъ увлеченіемъ прислушивался къ рѣчамъ обвинителей и защитниковъ. Чрезвычайно искусная разработка греческихъ судебныхъ рѣчей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и витіеватость, съ которой ораторы домогались эффектовъ, ихъ тонкое софистическое краснорѣчіе проникли и въ аттическій театръ и опредѣлили содержаніе діалоговъ. Эти сцены, говоря вообще, тоже создавались по твердо установленнымъ правиламъ. Первый актеръ произноситъ небольшую рѣчь, второй отвѣчаетъ репликой по возможности точь-въ-точь такой же длины. Затѣмъ слѣдуютъ состязательные стихи, примѣрно по четыре, потомъ по два и по одному на каждого актера, затѣмъ обѣ стороны иногда вкратцѣ резюмируютъ свое положеніе во второй рѣчи и репликѣ, потомъ снова раздается перебой состязательныхъ стиховъ и, наконецъ, тотъ изъ актеровъ, который долженъ остаться побѣдителемъ, еще разъ кратко излагаетъ свою точку зрѣнія. Послѣднее слово, незначительный перевѣсъ въ количествѣ стиховъ рѣшаютъ дѣло. Эта постройка, иногда прерываемая и расчленяемая краткими вводными рѣчами хора, лишена высшаго драматическаго движенія, несмотря на чередованіе художественныхъ рѣчей и на внѣшнюю сильно повышенную оживленность; она ничто иное, какъ риторическое изложеніе взглядовъ, споръ, уснащенный витіеватыми доводами, и намъ она должна казаться черезчуръ близкой къ пріемамъ ораторскаго краснорѣчія, слишкомъ разсчитанной, искусственной. Рѣдко удается одной партіи переубѣдить другую. Это имѣло, конечно, и другую причину, ибо герою аттическаго театра не легко позволяется мнѣять свое мнѣніе подъ вліяніемъ чужихъ рѣчей. И тогда, когда на сценѣ находился еще третій актеръ, діалоги сохраняли характеръ разговора между двумя лицами; рѣдко случалось, да и то лишь на короткое время, чтобы три роли быстро и неоднократно перебывали одна другую; если третій актеръ вмѣшивался въ разговоръ, то второй отступалъ назадъ; тогда хоръ въ нѣсколькихъ словахъ указывалъ на происшедшую смѣну, чтобы рѣче выдѣлить контрастъ между ними. Массовыхъ сценъ въ нашемъ смыслѣ античный театръ не зналъ вовсе.

Въ этихъ патетическихъ сценахъ, сценахъ вѣстниковъ, діалоговъ, рѣчахъ и донесеній должностныхъ лицъ хоръ проходитъ дѣйствіе драмы. Если прибавить сюда еще перипетіи и сцены узнанія, то окажется, что почти вся совокупность содержанія пьесы расцвѣтана по

твердо установленнымъ техническимъ правиламъ. И дарованіе поэтовъ проявляется въ томъ, насколько они умѣютъ одухотворять эти формы. Софокль и потому еще возвышается надъ всѣми, что онъ больше всѣхъ другихъ поэтовъ разнообразить неизмѣнныя основы и какъ бы прячетъ ихъ отъ глазъ зрителей.

Постройка драмъ опредѣлялась, помимо этого, особыми обстоятельствами, при которыхъ имѣло мѣсто представленіе. Въ великую эпоху аѳинскаго могущества аттическія трагедіи разыгрывались въ дни празднествъ въ честь Діонисія. На этихъ празднествахъ поэтъ, если онъ не выступалъ еще и въ качествѣ актера, боролся со своими соперниками не какъ авторъ драмъ, а какъ режиссеръ, *Didaskalos* (учитель). Какъ таковой, онъ составлялъ со своими актерами и предводителемъ хора отдѣльное товарищество. Каждому поэту принадлежалъ одинъ день праздника; въ этотъ день онъ долженъ былъ разыграть четыре пьесы, изъ которыхъ послѣдняя была обыкновенно сатирической. Трудно рѣшить, что было изумительнѣе: творческая ли сила поэтовъ или неутомимость зрителей. Если мы мысленно присовокупимъ къ сохранившейся трилогіи Эсхила еще сатирическую пьесу и взвѣсимъ продолжительность такого представленія, основываясь на опытѣ нашей сцены, если мы примемъ, кромѣ того, въ расчетъ медленный темпъ дикціи, обусловленный длинными звуковыми волнами громаднаго пространства древней сцены и рѣзкимъ скандированіемъ стиховъ, то придемъ къ заключенію, что это представленіе, при короткихъ перерывахъ между пьесами, должно было длиться никакъ не менѣе девяти часовъ; три трагедіи Софокла вмѣстѣ съ сатирической пьесой должны были наполнять по меньшей мѣрѣ десять часовъ *).

Три серьезные драмы были связаны между собой въ первое время послѣдовательнымъ дѣйствіемъ, заимствованнымъ изъ одного и того же сказанія. Пока существовала эта древняя трилогическая форма, онѣ носили характеръ исполненныхъ актовъ, изъ которыхъ каждый приводилъ къ концу одну часть дѣйствія. Даже и тогда, когда Софокль рѣшился нарушить традицію и представить на состязаніе три самостоятельныхъ, замкнутыхъ въ себѣ драмы, то,

*) Что хоры обыкновенно не пролетали съ неувловимой быстротой, а, наоборотъ, занимали не мало времени, мы можемъ видѣть изъ того, что у Софокла короткій хоръ неоднократно наполняетъ промежутки времени, необходимый актеру для того, чтобы переодѣться за сценой и пройти путь отъ своей двери къ боковому входу, черезъ который онъ долженъ былъ выступить въ новой роли. Тринадцати строкъ и двухъ куплетовъ небольшого хора достаточно для того, чтобъ дать время второму актеру, вышедшему въ заднюю дверь въ роли Юкасты, переодѣться и снова явиться на сцену со стороны поля — въ роли пастуха. Въ Акропольскомъ театрѣ это было порядочное разстояніе.

по всей вѣроятности, эти пьесы имѣли между собой внутреннюю связь. Насколько общее впечатлѣніе усиливалось, благодаря знаменательному сопоставленію идей и дѣйствій, параллельностью и контрастами положеній, судить объ этомъ мы уже не въ состояніи; но сущность всякаго драматическаго изображенія показываетъ, что стремленія поэта должны были быть направлены къ повышенію возможныхъ въ то время воздѣйствій и къ достиженію извѣстной совокупности между ними *).

Соотвѣтственно приподнятому настроенію, съ которымъ зрители присутствовали на священномъ веселіемъ праздникѣ, главные актеры появились на сценѣ праздничныя одѣянныя. Костюмъ отдѣльныхъ ролей былъ издавна въ точности предписанъ праздничными обычаями; актеры надевали маску съ аппаратомъ для усиленія голоса, на ногахъ у нихъ были высокіе котурны, станъ они утолщали посредствомъ ваты и драпировали длинными одеждами. Равнымъ образомъ и обѣ стороны сцены и три двери задняго плана, черезъ которыя входили и выходили актеры, имѣли каждая особое значеніе въ пьесѣ.

Но поэтъ подвизался въ свой театральный день во всѣхъ четырехъ драмахъ съ помощью однихъ и тѣхъ же актеровъ, которые назывались состязателями на призъ. Древнѣйшія аттическія ораторіи имѣли только одного актера, выступавшаго въ разныхъ роляхъ съ перемѣной въ каждой изъ нихъ костюма. Эсхилъ прибавилъ второго, Софокль — третьяго. Въ эпоху своего расцвѣта

*) Что излюбленнымъ порядкомъ былъ переходъ отъ мрачныхъ, ужасныхъ картинъ къ болѣе свѣтлымъ, это мы можемъ вывести изъ того обстоятельства, что „Антигона“ и „Электра“ были первыми пьесами дня. Въ „Антигонѣ“ это видно не только изъ перваго хора, первая чудная строфа котораго есть утренняя пѣсня, но и изъ построенія дѣйствія, отдающаго большой роли патетическаго актера лишь первую половину пьесы и, такимъ образомъ, переносящаго центръ тяжести драмы ближе къ началу. Даже и въ самомъ прекрасномъ поэтическомъ произведеніи было бы неудобно предоставлять столь важныя для приговора судей заключительныя воздѣйствія послѣдней пьесы третьему актеру, не привлекавшему большого вниманія, хотя, впрочемъ, Софокль неоднократно оказывалъ ему особое предпочтеніе. Въ прологѣ „Электры“ точно такъ же упоминаются восходъ солнца и вакхическое праздничное одѣяніе. Равнымъ образомъ и прекрасная, широко выполненная ситуація въ прологѣ къ „Царю Эдипу“ и постройка „Аякса“, центръ тяжести которой лежитъ въ первой половинѣ и которая ясно намекаетъ на раннее утро, являются, повидному, указаніемъ на то, что эти пьесы игрались первыми. „Трагивяпки“ занимали, вѣроятно, среднюю часть представленія. „Эдипъ въ Колонѣ“ съ своимъ величественнымъ заключеніемъ и „Филоклетъ“ съ превосходной патетической ролью и умиротворяющимъ концомъ — послѣднюю. Предположенія, выводимыя изъ техническаго построенія пьесъ, имѣютъ за собою всетаки болѣе вѣроятія, чѣмъ догадки, вытекающія изъ сопоставленія имѣющихся на лицо драмъ съ тѣми, которыя не уцѣлѣли для насъ.

аттическій театр не выходилъ за предѣлы этого послѣдняго числа, установленнаго для актеровъ-солистовъ. Это ограниченіе числа исполнителей опредѣлило болѣе, чѣмъ какое-либо другое обстоятельство, технику греческихъ трагедій. Но оно было не такого свойства, чтобы его могла устранить твердая воля единичнаго поэта. Не только ви́шнія причины — старинныя преданія, право на участіе въ завѣдываніи представленіями, заявлявшееся со стороны государства, — мѣшали прогрессу, но, пожалуй, не менѣе ихъ то обстоятельство, что громадное открытое пространство театра въ Акрополѣ, вмѣщавшее тридцать тысячъ человѣкъ, требовало такой звучности голоса и такой чистоты языка, которыя несомнѣнно, встрѣчались лишь очень рѣдко. Прибавьте къ этому, что по крайней мѣрѣ двое изъ актеровъ, первый и второй, должны были быть вмѣстѣ съ тѣмъ искусными пѣвцами, да еще предъ публикой съ тонкимъ и избалованнымъ слухомъ.

Такимъ образомъ, первому актеру Софокла приходилось произносить среди приблизительно десятичасового напряженія около 1600 стиховъ, выключавшихъ въ себѣ по крайней мѣрѣ шесть крупныхъ и мелкихъ вокальных партій *).

Эта задача, конечно, велика, но для насъ она не можетъ быть непостижимой. Одна изъ сильнѣйшихъ ролей въ нашемъ театрѣ — Ричардъ III; она заключаетъ въ печатномъ текстѣ около 1128 стиховъ, изъ которыхъ, правда, вычеркивается болѣе двухъ сотъ. Наши стихи нѣсколько короче, пѣнія нѣтъ, костюмъ гораздо удобнѣе, напряженіе голосовыхъ средствъ

*) Шесть пьесъ Софокла содержатъ въ себѣ, за вычетомъ рѣчей и пѣсенъ хора, среднимъ числомъ каждая около 1118 стиховъ. Только „Эдипъ въ Колонахъ“ длиннѣе. Если распределить поровну число стиховъ между тремя актерами, то трагедія каждаго дня съ прибавкой сатирической пьесы длиною съ „Циклопа“ (около 500 стиховъ для трехъ актеровъ-солистовъ) давали каждому актеру всего-навсего 1300 стиховъ. Но задача перваго актера была несравненно труднѣе уже вслѣдствіе утомительныхъ патетическихъ сценъ и вокальных партій. Кромѣ того, на его долю, вѣроятно, выпадало и большее количество стиховъ. Если въ трехъ пьесахъ Софокла, въ которыхъ герой страдаетъ ниспосланнымъ на него богами недугомъ („Аяксъ“, „Трахинянки“, „Филоктетъ“), сосчитать партіи перваго актера (Аяксъ, Тевкръ, Лихасъ, Гераклъ, Филоктетъ), то въ нихъ окажется около 1440 стиховъ, слѣдовательно, съ ролью сатирической пьесы болѣе 1600 и при этомъ напряженіе актера длится приблизительно на прострѣствѣ шести ролей и шести вокальных партій. — Не подлежитъ сомнѣнію, что при составленіи своихъ тетралогій Софоклъ принималъ во вниманіе необходимость дать передышку главнымъ актерамъ. Послѣдняя трагедія требовала всякій разъ самаго сильнаго воздѣйствія, а потому болѣе всего работавъ въ ней приходилось обыкновенно первому актеру. Что „Трахинянки“ не были третьей пьесой, это можно предположить на основаніи того факта, что въ нихъ главная роль исполняется вторымъ актеромъ.

у насъ иного рода и сравнительно много слабѣе; за то несравненно болѣе тратится силъ на жестикуляцію; въ общемъ творческая работа каждой данной минуты значительнѣе. Это весьма различный родъ нервнаго напряженія. Нашимъ актерамъ показался бы непреодолимымъ не объемъ античной задачи, а именно то, что профану представляется облегченіемъ — растяженіе работы на цѣлыхъ десять часовъ. И если они справедливо могутъ утверждать, что ихъ современная задача выше задачи древняго сценическаго искусства, потому что они обязаны проявлять свободное творчество не только въ голосѣ, но и въ лицѣ, и въ жестахъ, то все же имъ слѣдуетъ помнить, что скудость греческой мимики, скованной масками и традиционными движеніями и позами, возмѣщалась замѣчательно тонкой выработкой драматической дикціи. Древнія свидѣтельства говорятъ намъ, что *одна* фальшивая интонація, *одно* невѣрное удареніе, *одинъ* гіатусъ въ стихѣ могли возбудить въ слушателяхъ общее негодованіе противъ актера и вырвать изъ рукъ его побѣду, что великій актеръ вызывалъ страстный энтузіазмъ, что, восторгаясь его искусствомъ, афиняне забывали подчасъ о политикѣ и войнѣ. Поэтому мы не имѣемъ ни малѣйшаго права низко оцѣнивать самостоятельную работу эллинскаго художника, хотя намъ и неизвѣстно, какъ совершалась въ душѣ его творческая работа среди традиціоннаго скандированія драматической рѣчи.

Между этими тремя актерами распределялись всѣ роли трехъ трагедій и сатирической пьесы. Въ каждой изъ нихъ актеръ исполнялъ, кромѣ своей главной роли, въ которой онъ, согласно правиламъ, носилъ праздничное одѣяніе, еще второстепенныя партіи, соответствовавшія его характеру, или не совпадавшія съ его появленіемъ на сцену въ главной роли. Но даже и здѣсь поэтъ не могъ пользоваться безграничной свободой.

На сценѣ древности личность поэта не настолько сливалась въ ощущеніи зрителей съ его ролями, какъ это бываетъ у насъ. Несмотря на свои различные костюмы и маски, для афинянъ онъ все же былъ скорѣе патетическимъ декламаторомъ, чѣмъ актеромъ, стремящимся къ тому, чтобы его собственная природа ни на мигъ не проглядывала сквозь характеръ его ролей. Въ этомъ смыслѣ античныя представленія были и во времена Софокла пожалуй ближе къ ораторіи или публичному чтенію какой-либо пьесы съ распределенными ролями, нежели къ нашимъ представленіямъ. Это весьма важное обстоятельство. Драматическія воздѣйствія, хотя и не пошелли отъ этого ущерба, но все же получили иную окраску.

А потому первый актеръ значительно выдѣлялся на сценѣ; для входа и ухода ему принадлежала средняя «царская» дверь задняго плана.

Онъ игралъ знатныхъ лицъ и самыя сильныя характеры; изображать на сценѣ человѣка, подающагося вліянію и руководству какого-либо другаго лица въ пьесѣ — за исключеніемъ боговъ — было бы несогласно съ достоинствомъ опредѣленной ему роли; онъ былъ по преимуществу патетическимъ актеромъ, пѣвцомъ и героемъ, разумѣется, какъ для мужскихъ, такъ и для женскихъ ролей; только его роль могла служить заглавіемъ пьесѣ, если она управляла дѣйствіемъ, въ противномъ случаѣ пьеса получала заглавіе отъ костюма и характера хора. Рядомъ съ первымъ актеромъ стоялъ второй «состязатель», какъ его спутникъ и товарищъ, противъ него становился третій, пользовавшійся меньшимъ вниманіемъ актеръ, какъ исполнитель характерныхъ ролей и интригановъ и представитель параллельнаго дѣйствія.

Это положеніе троихъ исполнителей было удержано и Софокломъ при созданіи и распредѣленіи ролей. Они были въ его пьесахъ: главный герой, наперсникъ, противникъ. Но и второстепенныя роли, которыя каждый изъ нихъ долженъ былъ брать на себя рядомъ съ соответствовавшей его положенію главной ролью въ пьесѣ, распредѣлялись, по мѣрѣ возможности, согласно съ ихъ отношеніемъ къ роли главнаго героя. Представители и единомышленники перваго героя доставались ему самому, друзья и близкіе его — насколько это оказывалось возможнымъ — второму актеру, а чуждыя, враждебныя, противодѣйствующія партіи — третьему актеру, который, конечно, кромѣ того, иногда исполнялъ наравнѣ со вторымъ и вспомогательныя роли.

Въ результатъ достигался замѣчательный видъ сценическихъ воздѣйствій, которыя мы назвали бы, пожалуй, нехудожественными, но которыя для поэта аттической сцены имѣли не малое значеніе. Дѣло въ томъ, что ближайшая задача актеровъ состояла, конечно, въ обозначеніи каждой изъ ихъ ролей различными масками, перемѣной голоса, различіемъ въ декламации и жестахъ. И мы должны признать, что и здѣсь было много традиціоннаго и прочно установленнаго, наприм., въ пріемахъ и въ характерѣ рѣчи вѣстниковъ, въ поступи, осанкѣ, жестахъ молодыхъ и пожилыхъ женщинъ. Но вторая особенность этого неизмѣннаго распредѣленія ролей состояла въ томъ, что тождественность исполнителя просвѣчивала въ его различныхъ партіяхъ и принималась слушателемъ, какъ нѣчто вполне умѣстное и способное произвести сильное воздѣйствіе. Исполнитель различныхъ ролей сливался на аттической сценѣ въ идеальное цѣлое, объединявшее всѣ эти роли; иллюзія, заставлявшая слушателя думать, что предъ нимъ говорятъ разные люди, ступшевалась предъ ощущеніемъ, что въ сущности это одинъ и тотъ

же человѣкъ. Этимъ обстоятельствомъ поэтъ пользовался для особыхъ драматическихъ эффектовъ. Когда Антигона, обреченная на казнь, скрывалась со сцены, то въ угрожающихъ словахъ Тирезія къ Креону звучала свозъ измѣненный тембръ голоса все та же взволнованная человѣческая душа, и тѣ же звуки, та же духовная природа снова трогали сердце слушателей въ разсказѣ вѣстника о печальномъ концѣ Антигоны и Гемона. Антигона, уже отведенная на смертную казнь, снова и снова возвращалась на сцену. Отсюда возникало иногда при представленіи повышеніе трагическихъ воздѣйствій какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ при чтеніи мы замѣчаемъ ихъ пониженіе. Когда въ «Электрѣ» одинъ и тотъ же актеръ изображалъ Ореста и Клитемнестру, сына и мать, убійцу и обреченную на убійство, то сходство голоса напоминало слушателю о кровныхъ узахъ, соединявшихъ этихъ двухъ лицъ, та же холодная рѣшимость и пронзительная рѣзкость тона (это были роли третьяго актера) напоминали о внутреннемъ родствѣ этихъ двухъ натуръ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это единство умѣряло, быть можетъ, и ужасъ, возбуждаемый страшнымъ дѣяніемъ. Когда въ «Аяксѣ» герой пьесы убивалъ себя уже на кульминаціонномъ пунктѣ, то это несомнѣнно представляло въ глазахъ грековъ опасность для сюжета, не потому, чтобъ въ данномъ случаѣ это обстоятельство уменьшало для нихъ единство дѣйствія, а потому, что оно переносило центръ тяжести слишкомъ близко къ началу. Но когда непосредственно затѣмъ изъ-подъ маски Тевкра слышался тотъ же искренній, чистосердечный голосъ, только моложе, свѣжѣе, голосъ, звучавшій еще несломленной отвагой, — тогда афинянинъ не только ощущалъ съ чувствомъ радости кровное родство между ними, но получалъ такое впечатлѣніе, будто душа Аякса принимаетъ живое участіе въ упорной борьбѣ, снова возгорѣвшейся теперь изъ-за его могилы. Особенно привлекателенъ способъ, которымъ Софоклъ — да, впрочемъ, и не онъ одинъ — пользуется этимъ воздѣйствіемъ для потрясающаго изображенія въ катастрофѣ гибели какого-нибудь главнаго лица, гибели, которая можетъ быть только разсказана. Въ каждой изъ четырехъ пьесъ, содержащихъ въ себѣ превосходную роль вѣстника катастрофы (въ «Трахинянкахъ» вѣстницей является кормилица) исполнитель роли того героя, о гибели котораго повѣствуется, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣстника, разсказывающаго трогательныя обстоятельства его смерти, иногда въ удивительно увлекательной рѣчи; въ такомъ случаѣ голосъ усопшаго проникаетъ въ душу афиняня даже изъ нѣдръ Аида, какъ голосъ Юкасты, Эдипа въ Колонѣ, Антигоны, Деяниры. Но всего своеобразнѣе воспользовался поэтъ для драматическаго воздѣйствія возвращеніемъ одного и того же актера въ

различныхъ роляхъ въ «Филоктетѣ»; объ этомъ будетъ рѣчь впоследствии*).

Такое усиленіе эффекта посредствомъ ослабленія сценической иллюзіи хотя и чуждо намъ, но не представляетъ для насъ чего либо неслыханнаго. Съ исполненіемъ женскихъ ролей мужчинами — которое Гёте видѣлъ въ Римѣ — связано подобнаго же рода воздѣйствіе.

Эта особеннoсть аттическаго театра давала поэтому при построеніи дѣйствія нѣкоторыя преимущества, которыхъ мы уже не допускаемъ. Первый герой могъ быть освобожденъ на болѣе или менѣе длинные промежутки дѣйствія отъ появленія къ главной роли, какъ наприм. Антигона и Аяксъ. Если въ «Трахинянкахъ» главный герой Гераклъ выступаетъ лишь въ самой послѣдней сценѣ, то онъ все же съ самаго начала дѣйствовалъ въ лицѣ своихъ представителей. Служанка въ прологѣ, ссылающаяся на отсутствующаго Геракла, его герольдъ Лихасъ, повѣствующій о немъ, говорятъ голосомъ героя, но только смигченнымъ.

И это отступленіе на задній планъ главнаго героя перѣдко оказывалось для древнихъ поэтовъ мудрымъ вспомогательнымъ средствомъ, пускавшимся въ ходъ для того, чтобы скрыть отъ зрителя необходимость для перваго актера, болѣе

*) Въ учѣлѣвшихъ пьесахъ Софокла роли распределялись между актерами слѣдующимъ образомъ. Протагонистъ (первый актеръ), деутерагонистъ (второй актеръ) триагонистъ (третій актеръ) — обозначены цифрами 1, 2, 3.

Царь Эдипъ: 1, *Эдипъ*. 2, Жрецъ. *Иокаста*. Пастухъ. *Вѣстникъ катастрофы*. 3, *Креонъ*. Тирезій. *Вѣстникъ*.

Эдипъ въ Колонѣ: 1, *Эдипъ*. *Вѣстникъ катастрофы*. 2, *Антигона*. *Тезей (сцена кульминаціоннаго пункта) 3, Колонецъ, *Исмена*, Тезей (остальныя сцены) *Креонъ*, *Полвикъ*.

Антигона: 1, *Антигона*. Тирезій. *Вѣстникъ катастрофы*. 2, *Исмена*, сторожъ, Гемонъ, *Эвридика. Служитель. 3, *Креонъ*.

Трахинянки: 1, *Служанка, Лихасъ, *Гераклъ*. 2, *Деянира*, кормилица (какъ *вѣстникъ катастрофы*), Старецъ. 3, *Гимль*, *Вѣстникъ*.

Аяксъ: 1. *Аяксъ*, Тевкръ. 2, *Одиссей*, Текмесса. 3, *Аякса*, *Вѣстникъ*, Менелай, Агамемнонъ.

Филоктетъ: 1, *Филоктетъ*. 2, *Неоптолемъ*. 3, *Одиссей*, Купецъ, *Гераклъ*.

Электра: 1, *Электра*. 2, Воспитатель, *Хризотемида*, Эгистъ. 3, *Орестъ*, Клитемнестра.

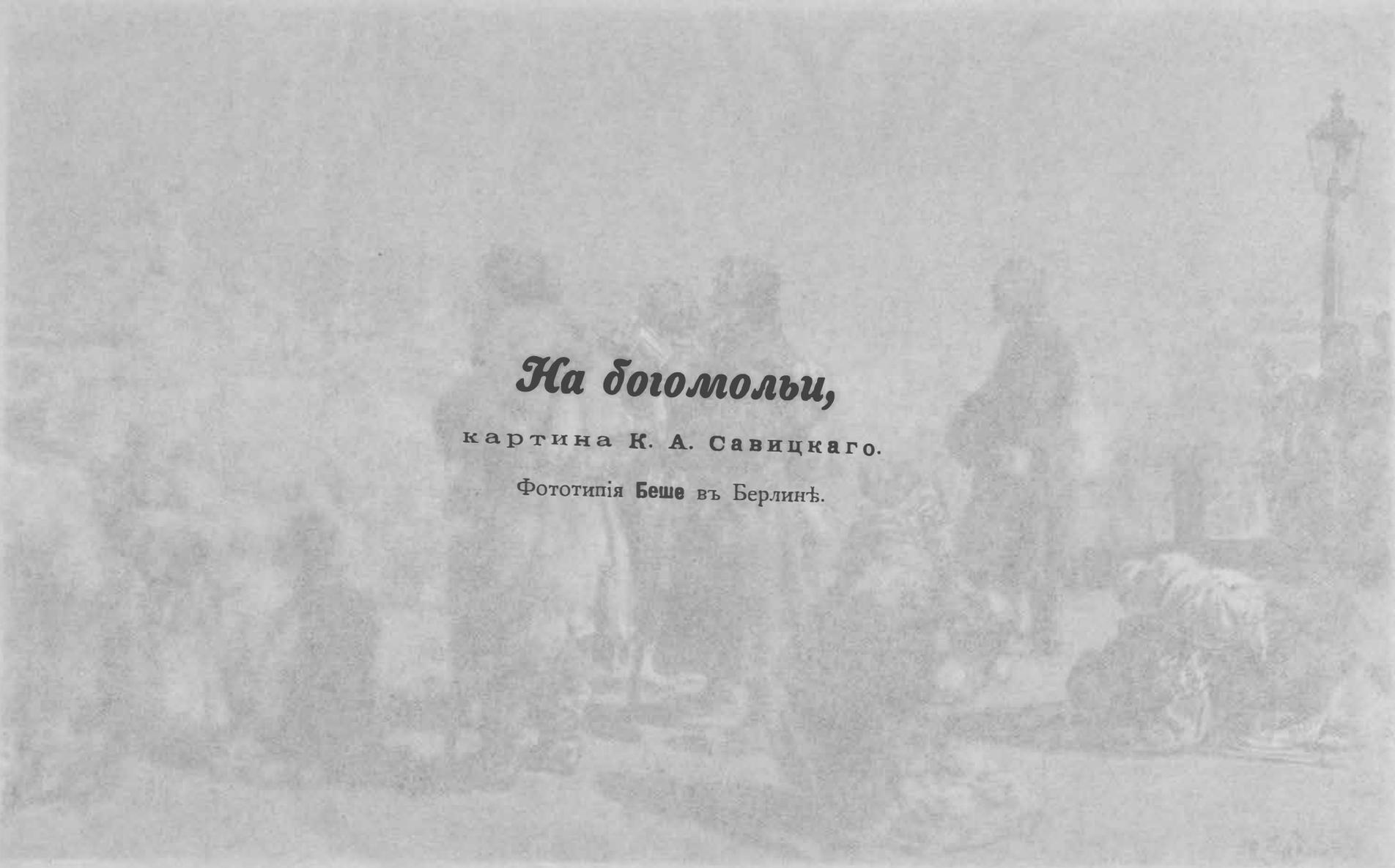
Роли, обозначенныя *, недостаточны. Кроме трехъ актеровъ аттическій театръ имѣлъ, конечно, и нѣсколько второстепенныхъ актеровъ для нѣмыхъ ролей, какъ Пиладъ въ „Электрѣ“, выдающаяся роль Юлы въ „Трахинянкахъ“, въ которой Софоклъ хотѣлъ, быть можетъ, вывести передъ народомъ какого-нибудь молодого высокоцѣннаго имъ актера. По всей вѣроятности главные актеры уступали иногда этимъ второстепеннымъ исполнителямъ мелкія второстепенныя роли, напр. Эвридику въ „Антигонѣ“ изложенную весьма кратко, служанку въ прологѣ къ „Трахинянкамъ“. Иначе, какъ же имѣли бы они возможность пробовать свой голосъ и дарованіе? Это исполненіе второстепенными актерами мелкихъ ролей, которое, благодаря маскѣ, быть можетъ, оставалось

чѣмъ для всякаго другого, щадить по возможности свои силы. Почти сверхчеловѣческое напряженіе, вызывавшееся драматическимъ дѣйствіемъ цѣлаго дня, могло быть выносимо лишь тогда, когда не одинъ и тотъ же актеръ обязанъ былъ исполнить въ каждой изъ трехъ трагедій самую длинную и утомительную группу ролей. Правда, что главною ролью для грековъ всегда оставалась роль протагониста (перваго актера), отличавшаяся достоинствомъ и пафосомъ, если даже случалось такъ, что этой утомительной партіи давалась лишь одна сцена. Но то, что мы называемъ главною ролью, т. е. самую обширную партію, поэтъ бывалъ вынужденъ отдавать въ нѣкоторыхъ пьесахъ праздничнаго дня второму или третьему актеру*), ибо онъ долженъ былъ стремиться къ возможно болѣе равномерному распредѣленію числа стиховъ во всѣхъ трехъ трагедіяхъ между своими тремя соотязателями.

Но по характеру своего дѣйствія сохранившіяся трагедіи Софокла еще больше отличаются отъ драмы германцевъ, чѣмъ по своей постройкѣ. Часть сказанія, которой пользуется Софоклъ для своего дѣйствія, имѣетъ своеобразныя предпосылки. Его драма представляетъ, если разсматривать ее въ ея цѣломъ, возстановленіе нарушеннаго раньше порядка, мести, искупленіе,

иногда тайною для публики, не считалось участіемъ въ представленіи. — Второстепенные актеры были, кромѣ того, необходимы на сценѣ, какъ представители троихъ актеровъ, если въ той или другой сценѣ являлось желательнымъ присутствіе какой-либо маски, исполнитель которой долженъ былъ въ то же время выступить въ другой роли; тогда второстепенные актеры фигурировали въ томъ же костюмѣ и въ соотвѣтствующей маскѣ, по большей части безъ рѣчей; иногда имъ, конечно, приходилось произносить отдѣльныя строки; такъ во второй половинѣ „Эдипа въ Колонѣ“ Исмена изображается второстепеннымъ актеромъ, тогда какъ настоящій актеръ играетъ Тезей и Полника. Эта пьеса имѣетъ ту особеннoсть, что по крайней мѣрѣ на кульминаціонномъ пунктѣ одна сцена Тезея передается исполнителемъ Антигоны второму актеру, между тѣмъ, какъ третій беретъ на себя остальные роли этой партіи; для какой-либо отдѣльной сцены это замѣстительство не представляло большихъ затрудненій, если актеръ успѣвалъ подготовиться къ нему упражненіемъ своего голоса и т. д. Но можно предположить, что исполнитель Антигоны оставлялъ себѣ и первую сцену Тезея. Дѣло въ томъ, что Антигона уходитъ въ рошу, чтобы не упускать изъ виду отца; она весьма легко можетъ выступить снова въ роли Тезея, тогда какъ статистъ въ ея маскѣ будетъ по временамъ показываться изъ-за кустовъ. Еслибъ какъ разъ въ этой пьесѣ появлялся четвертый актеръ въ значительной роли, то, вѣроятно, сохранилось бы извѣстіе о столь еще рѣдкомъ для того времени нововведеніи.

*) На нашей сценѣ каждая пьеса имѣетъ хотя п одного перваго героя, но за то нѣсколько главныхъ ролей. Не часто случается, чтобы какая-либо изъ такихъ ролей была обширнѣе роли перваго героя, какъ напр. роль Фальстафа въ „Генрихѣ IV“.

На богомолъи,

картина К. А. Савицкаго.

Фототипія Беше въ Берлинѣ.

R. SABINOV

примиреніе, слѣдовательно предпосылки ея—это ужаснѣйшее правонарушеніе, смута, злодѣяніе. Драма германцевъ, разсматриваемая въ ея цѣломъ, имѣетъ своею предпосылкой извѣстные, хотя и недостаточные порядокъ и спокойствіе, противъ которыхъ возстаетъ личность героя, производя нарушеніе, смуту, злодѣяніе, пока ее не обуздають противодѣйствующія силы и не установится новый порядокъ. Слѣдовательно дѣйствіе Софокла начинается приблизительно съ кульминаціоннаго пункта нашихъ пьесъ. Сынъ убилъ отца, не зная, что это его отецъ; и въ такомъ же невѣдѣніи женился на матери—это предпосылка; какъ обнаруживается на его судьбѣ это несчастіе, случившееся въ его прошломъ, есть самая пьеса. Молодая дѣвушка надѣется, что юный братъ ея, находящійся на чужбинѣ, явится предъ злою матерью мстителемъ за убитаго отца; какъ она тоскуетъ и надѣется, какъ ее пугаетъ ложное извѣстіе о смерти брата, какое счастье приноситъ ей его появленіе и какъ она принимаетъ фактъ мести—въ этомъ заключается пьеса. Всѣ злополучія, беззаконія, преступленія, предшествовавшія ужасной мести, и даже самый фактъ мести изображены посредствомъ рефлексовъ, западающихъ въ душу женщины, сестры мстителя, дочери убитаго и той, которая совершила убійство. Несчастный государь, изгнанный изъ своего отечества и движимый чувствомъ благодарности къ гостепріимному городу, укрывшему его въ своихъ стѣнахъ, даруетъ этому послѣднему таинственное благословеніе, долженствующее, по изреченію оракула, исходить отъ его могилы. Молодая дѣвушка, вопреки повелѣнію государя, предаетъ погребенію трупъ брата, брошенный на полѣ битвы; за это ослушаніе она приговаривается къ смерти и увлекаетъ за собою въ погибель сына и жену жестокосердаго судьи. Супруга скитающагося по бѣлому свѣту героя, услыхавъ объ его измѣнѣ и желая вернуть себѣ его любовь, посылаетъ ему на чужбину волшебную одежду, которая, какъ пламя, пожираетъ его тѣло. Женщина въ отчаяніи убиваетъ себя, онъ же обрекаетъ себя на сожженіе на кострѣ *). Герой, перебившій въ припадкѣ безумія вмѣсто ненавистныхъ вождей своего народа взятыя въ добычу стада, умерщвляетъ себя, удрученный горькимъ стыдомъ; его друзья совершаютъ надъ его смертными останками почетный обрядъ погребенія. Герой, высаженный своимъ войскомъ на необитаемый островъ, вслѣдствіе того, что его постигла отвратительная болѣзнь, снова увозится оттуда высадившими его злодѣями, потому что оракуль требуетъ его возвращенія на

*) Предпосылки „Трахинянокъ“, по крайней мѣрѣ по отношенію къ самой Деянирѣ, довольно несложны, но Гераклъ—первый герой, и его приготовленіе къ вступленію въ сонмъ боговъ было крупнымъ, потрясающимъ эффектомъ.

блага войска. — Всякій разъ то, что предшествуетъ пьесѣ, представляетъ значительную часть того, что мы должны были бы включить въ самое дѣйствіе *).

Но если намъ будетъ позволено произнести осторожное сужденіе о пьесахъ Софокла на основаніи семи драмъ, уцѣлѣвшихъ изъ сотни и даже болѣе, то мы должны сказать, что эта обработка мифовъ, повидимому, не была свойственна грекамъ вообще, а составляла отличительную черту Софокла. Мы ясно видимъ, что Эсхиль пользовался для своихъ трилогій довольно обширными частями сказанія: преступленіемъ, завязкой и развязкой. У Эврипида мы усматриваемъ, по крайней мѣрѣ, то, что иногда онъ выходилъ за предѣлы заключительныхъ частей сказанія или съ большимъ самоуслажденіемъ, чѣмъ искусствомъ, рассказывалъ предшествовавшія событія въ эпическомъ прологѣ. Въ двухъ лучшихъ его пьесахъ, въ «Ипполитѣ» и «Медеѣ», дѣйствіе построено на предпосылкахъ, которыя были бы возможны и въ новѣйшихъ пьесахъ.

Это расположеніе дѣйствія у Софокла допускало и величайшее возбужденіе страстнаго чувства, и твердую характеристику, но оно исключало, тѣмъ не менѣе, многіе внутренніе перевороты, безусловно необходимые въ нашихъ пьесахъ. Какъ дѣйствуютъ грозныя предпосылки на героевъ, это онъ могъ изображать съ несравненнымъ совершенствомъ, но условія, вліявшія на героевъ, были уже заранѣе данныя и самыя необычайныя состоянія. Сцена Софокла не позволяетъ изображать сокровенную и захватывающую душевную борьбу, которая заставляетъ человѣка переходить отъ сравнительнаго спокойствія къ страсти и къ дѣйствію, не позволяетъ изображать сомнѣнія и движенія совѣсти, и перемѣны, производимыя въ чувствѣ и характерѣ какимъ-нибудь необычнымъ поступкомъ, жертвою котораго является самъ герой. Какъ тотъ или другой человѣкъ узнаетъ мало по малу нѣчто ужасное, какъ онъ дѣйствуетъ, принявъ роковое рѣшеніе, — вотъ что манило поэта къ драматическому изображенію; но какъ онъ борется, чтобъ придти къ рѣшенію, какъ грозный рокъ, обрушившійся на него, готовится его собственнымъ дѣяніемъ, это, повидимому, не казалось драматичнымъ для театра Софокла. Эврипидъ въ этомъ отношеніи болѣе подвиженъ и болѣе сходенъ съ нами, но въ глазахъ его современниковъ это не было безусловнымъ преимуществомъ. — Одинъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ характеровъ нашей сцены — Мак-

*) У Софокла болѣе, чѣмъ у какого другого поэта, невозможно вывести заключеніе о содержаніи затерянныхъ пьесъ на основаніи уцѣлѣвшихъ именъ и стиховъ. То, что, судя по сказанію, мы готовы были бы принять за содержаніе драмы, нерѣдко можетъ оказаться лишь содержаніемъ пролога.

бетъ, но мы можемъ смѣло сказать, что на античной сценѣ онъ былъ бы совершенно невыносимъ и показался бы афинянамъ безхарактернымъ, лишеннымъ геройства. То, что для насъ представляетъ въ немъ высшее проявленіе человечности, то, чѣмъ мы восторгаемся, какъ въѣщомъ поэтическаго творчества, — могучая борьба Макбета съ искушеніемъ, сомнѣніемъ, муки совѣсти, — все это воспринималось трагическому герою грековъ. Греки не терпѣли колебаній воли; величіе ихъ героевъ заключалось прежде всего въ твердости. Первый актеръ врядъ ли согласился бы изобразить характеръ, слѣдующій въ какомъ-либо важномъ обстоятельстве въ внѣшніемъ другіхъ лицъ пьесы. Перемена главными лицами своихъ взглядовъ, хотя бы и въ второстепенныхъ вещахъ, требовала осторожной мотивировки и извиненія. Эдипъ отказывается сыну въ свиданіи, тщетно старается Тезей переубѣдить его серьезными доводами. Антигона должна предварительно объявить зрителямъ: выслушать вѣдь еще не значитъ уступить. Еслибъ Филоклетъ поддался разумнымъ увѣщаніямъ второго актера, то совершенно упалъ бы въ мнѣніи слушателей: онъ не былъ бы больше сильнымъ героемъ. Правда, Неоптолемъ измѣняетъ свое отношеніе къ Филоклету; и публика съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ принимала этотъ переворотъ, но онъ былъ лишь возвращеніемъ Неоптолема къ его настоящему характеру, притомъ же исполнялъ эту роль не первый, а второй актеръ. Мы готовы считать Креопу въ «Антигонѣ» благодарною ролью, — для грековъ она была лишь третьестепенной; въ ихъ глазахъ этотъ характеръ не имѣлъ права обнаруживать пафосъ. Именно та черта, которая приближаетъ его къ намъ, тотъ фактъ, что Тирезій совершенно потрясаетъ его и заставляетъ его придти къ другому взгляду — художественное средство, применявшееся поэтомъ для того, чтобъ вызвать въ дѣйствіи новое напряженіе — именно это ослабляло для грековъ интересъ къ характеру. И то обстоятельство, что та же черта еще разъ встрѣчается въ одной и той же семьѣ и одной и той же пьесѣ, что и Гемонъ послѣ донесенія вѣстника сначала хочетъ убить отца, а потомъ умерщвляетъ самого себя — для насъ равнымъ образомъ весьма знаменательная и человѣчная черта — повидимому, послужило основаниемъ для аттической критики возстать съ упрекомъ противъ поэта, два раза въ одной и той же трагедіи изобразившаго столь недостойное колебаніе. Если въ нѣкоторыхъ пьесахъ тѣмъ не менѣе проводится переходъ одного характера къ взгляду другого, то онъ почти никогда — за исключеніемъ катастрофы «Аякса» — не совершается во время самой сцены, въ продолженіе которой противники ведутъ свое состязаніе при помощи цѣлаго ряда длинныхъ и короткихъ стиховъ, но по большей части пе-

реворотъ переносится за сцену, и затѣмъ дѣйствующее лицо, подавленное постороннему вліянію, вступаетъ въ новую ситуацію уже въ измѣнившемся настроеніи.

Борьба греческаго героя была борьба эгоистическая, цѣлямъ его приходилъ конецъ одновременно съ его жизнью. Отношеніе къ судьбѣ германскаго героя и потому еще совѣмъ иное, что цѣль его существованія, нравственное его содержаніе, его идеальное чувство выходятъ далеко за предѣлы самой жизни, обнимающей любовь, честь, патриотизмъ. У германцевъ слушатель приноситъ въ театръ представленіе о томъ, что герои сцены существуютъ не только ради самихъ себя, и даже не преимущественно ради самихъ себя, но что именно они, съ своимъ свободнымъ самоопредѣленіемъ, должны служить высшимъ цѣлямъ, будетъ ли это высшее, стоящее надъ ними, пониматься, какъ Провидѣніе и міровой порядокъ, какъ гражданское общество или государство. Разрушеніе ихъ жизни явится уже не конечной гибелью, какъ въ античной трагедіи. «Эдипъ въ Колонѣ» глубоко потрясалъ афинянъ величіемъ своего содержанія; они живо ощущали здѣсь гуманность человѣческаго бытія, которое и за предѣлами земнаго существованія оказывало обществу высокую услугу и оказывало ее цѣною собственной жизни. Этому же чувству обязано своимъ происхожденіемъ и заключительное и величавое гоздѣйствіе «Эвменидъ». И здѣсь тяжелый рокъ единичнаго человѣка дѣлается источникомъ общаго блага. Что величайшіе несчастливцы сказанія, Эдипъ и Орестъ, приносятъ такую высокую искупительную жертву за свое преступленіе, въ этомъ греки усматривали новый и въ высшей степени благородный способъ представлять человѣка на сценѣ, способъ, чуждый до тѣхъ поръ не жизни ихъ, а искусству. Намъ, людей современныхъ, не воодушевляетъ лишенное драматизма усиленіе сочувствія практическими, полезными для общества конечными результатами. Но во всякомъ случаѣ поучительно, что оба драматическихъ поэта эллиновъ рѣшились хоть разъ поднять своихъ героевъ до міросозерцанія, которое сдѣлалось нашей духовной атмосферой, и которое мы привыкли видѣть въ герояхъ своего театра.

Весьма замѣчательнъ тотъ способъ, которымъ Софокль, скованный такими традиціями, вырабатывалъ свои характеры и ситуаціи. Его влеченіе къ контрастамъ дѣйствовало со стихійной силой, которой самъ онъ почти не былъ властенъ противиться. Обратите еще разъ вниманіе на жестокосердную, злорадную Аяину въ «Аяксѣ». Она явилась, какъ контрастъ человѣчному Одиссею и съ беспощадной рѣзкостью обнаруживаетъ требуемый пьесой противоположный колоритъ, причемъ богиня, правда, насуетъ, такъ какъ она старается объяснить логически своимъ

божественнымъ происхожденіемъ сходный съ Менелаемъ оттѣнокъ своей природы. Та же драма въ каждой изъ своихъ сценъ позволяетъ глубоко заглянуть въ методъ творчества Софокла, столь самообытный и тѣмъ не менѣе столь властно распоряжающійся всякими воздѣйствіями и съ такою легкостью достигающій высшаго совершенства, что мы хорошо понимаемъ, почему греки видѣли здѣсь нѣчто божественное. Одно настроеніе неизмѣнно вызываетъ другое, одинъ характеръ—другой; точно, чисто, увѣренно каждая краска, каждая мелодія поражаетъ другую, соотвѣтственную. Центромъ пьесы служитъ настроеніе Аякса послѣ пробужденія. Какъ благородно, какъ человѣчно воспринялъ поэтъ характеръ героя, не смотря на причудливыя предпосылки пьесы! Добрый, честный, вспыльчивый герой, облагороженный Берлихингенъ эллинскаго войска, позволяетъ себѣ подчасъ насмѣхаться надъ богами, и вотъ на него обрушилось злополучіе. Потрясающее отчаяніе великой натуры, сломившейся подъ бременемъ стыда и позора, трогательное стараніе скрыть свое рѣшеніе умереть и сдержанный пафосъ война, свободно и обдуманно совершающаго свое послѣднее дѣяніе, — таковы тѣ три движенія въ характерѣ перваго героя, которыя дали поэту три крупныя сцены и обусловливали требованія для всей пьесы. Прежде всего, какъ контрастъ, въ прологѣ образъ самого Аякса. Здѣсь онъ еще дикій звѣрь среди перебитыхъ барановъ, оцѣпенѣлый, какъ въ полусиѣ. Это данный контрастъ проснувшемуся герою и вмѣстѣ съ тѣмъ доказательство необычайной мудрости поэта. Сама по себѣ эта ситуація носила на сценѣ столь же смѣшной, сколько отталкивающей характеръ; поэтъ остерегся сколько-нибудь измѣнить ее. Оба представителя параллельнаго дѣйствія должны были подчиниться ея неотразимому принимающему вліянію. Одиссей получилъ легкій оттѣнокъ комизма, Аѳинѣ была присвоена холодная, язвительная жестокость. Это какъ разъ тотъ самый колоритъ, котораго требовала представленная картина, контрастъ, выработанный съ тою безпощадной строгостью, которая вызывается не холоднымъ расчетомъ, не бессознательнымъ чувствомъ, а создается такъ, какъ творитъ великій поэтъ, съ извѣстной силой необходимости и въ то же время свободно и сознательно.

Въ такой же зависимости отъ главнаго героя созданы и всѣ другія роли пьесы, согласно съ тѣми условіями, по которымъ греческій поэтъ писалъ свою пьесу для трехъ актеровъ—роли наперсника, актера, исполнявшаго второстепенную роль и исполнителя роли врага. Во-первыхъ, второе я Аякса, вѣрный, преданный долгу братъ его Тевкръ, затѣмъ вторыя роли—жена его, жертва его копья, Текмесса, любящая, заботливая, но отлично умѣющая оспаривать героя, и его дружелюбный противникъ Одиссей;

наконецъ, враги, опять-таки три оттѣнка ненависти: богиня, враждебный герою вождь и болѣе разсудительный братъ его, ненависть котораго сдерживается политическими соображеніями. Когда въ послѣдней сценѣ противникъ Аякса и враждебный ему другъ героя примирялись надъ могилой послѣдняго, то мирный договоръ, заключенный ими, весьма опредѣленно являлся для аѳинянъ контрастомъ къ сценѣ вступленія, гдѣ тѣ же голоса раздавались за и противъ безумца.

И отдѣльные характеры Софокла вызываютъ удивленіе необычайной чистотой и силой собственнаго ему чувства гармоніи и тѣмъ же методомъ творчества при посредствѣ контрастовъ. Здѣсь онъ опять-таки чувствовалъ вѣрно и безошибочно, что въ нихъ могло произвести могучее впечатлѣніе и чего онъ не могъ себѣ позволить. Герои эпоса и сказанія страстно противятся превращенію ихъ въ драматическіе характеры; они выносятъ лишь извѣстную мѣру внутренней жизни и человѣческой свободы; если кто захочетъ надѣлать ихъ и тѣмъ и другимъ въ болѣе значительной степени, то непрочную ткань своего міа — производящаго на сценѣ впечатлѣніе варварскаго — они разорвутъ въ негодные для употребленія клочки. Мудрый поэтъ аѳинянъ отлично видитъ внутреннюю жесткость и неподатливость фигуръ, которыя онъ долженъ преобразовать въ характеры. Вслѣдствіе этого онъ включаетъ въ свою драму возможно меньшую часть самого сказанія. Но онъ находитъ весьма несложную и весьма удобопонятную основную черту ихъ природы, пригодную для его пьесы, и съ необыкновенной строгостью и послѣдовательностью заставляетъ ихъ постоянно проявлять это одно характеристическое свойство. Эта опредѣляющая черта—гордость, ненависть, супружеская любовь, чувство долга — неизмѣнно служитъ толчкомъ къ дѣйствію. И поэтъ управляетъ своими характерами отнюдь не какъ кроткій владыка: онъ требуетъ отъ нихъ самыхъ смѣлыхъ и крайнихъ поступковъ въ данномъ имъ направленіи, — больше того, онъ такъ рѣзокъ, жестокъ и неумолимъ, что насъ, болѣе мягкосердечныхъ людей, порой охватываетъ ужасъ при видѣ грозной стремительности, съ какой онъ заставляетъ ихъ подвигаться впередъ, и что сами аѳиняне сравнивали такія воздѣйствія съ нападеніями молосской собаки. Непреклонная сестринская любовь Антигоны, смертельно оскорбленная гордость Аякса, ожесточеніе истерзаннаго недугомъ Филоктета, ненависть Электры — выдвигаются съ суровымъ и могучимъ величіемъ и ставятся въ центръ смертельной борьбы.

Но лицомъ къ лицу съ этой основой характеровъ поэтъ все съ той же изумительной красотой и увѣренностью угадываетъ соотвѣтствующее кроткое и благодушное свойство, возможное для его характеровъ при ихъ необычайной

суровости. Этотъ контрастъ выступаетъ опять-таки въ герояхъ со всей силой властно требуемаго колорита, и это второе, противоположное свойство ихъ личностей—почти всегда мягкая, сердечная, трогательная сторона ихъ природы: любовь рядомъ съ ненавистью, вѣрность въ дружбѣ рядомъ съ враждою, честная прямота рядомъ съ вспыльчивымъ, неукротимымъ нравомъ—надѣлено высшимъ обаяніемъ поэзии и самыми чудными переливами красокъ. Аяксъ, хотѣвшій въ порывѣ безумной ненависти изрубить своихъ враговъ, выказываетъ необычайную силу семейныхъ привязанностей, неизмѣнную, глубокую, задушевную любовь къ своимъ товарищамъ, къ брату, съ которымъ онъ находится въ разлукѣ, къ своему ребенку, къ женѣ. Электра, почти всецѣло отдавшаяся чувству ненависти къ матери, съ нѣжнѣйшими словами любви бросается на шею брата, котораго она такъ страстно ждала; измученный, кричащій отъ нестерпимой боли Филоктетъ, требующій меча, чтобъ собственноручно раздробить себѣ кости, устремляетъ такой безпомощный, благодарный и преданный взглядъ на человѣколюбиваго юношу, который можетъ оставаться свидѣтелемъ отталкивающихъ страданій, не обнаруживая при этомъ своего отвращенія. Только главные характеры выказываютъ это развитіе ихъ мощно созданнаго единства въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, второстепенныя же лица проявляютъ обыкновенно лишь требуемый дополнительный колоритъ: Креонъ три раза, Одиссей два; оба они различно оттѣнены въ каждой изъ своихъ пьесъ, равно какъ и Исмена, Тезей, Орестъ.

Такое соединеніе двухъ противоположныхъ колоритовъ въ одномъ главномъ характерѣ оказалось возможнымъ для Софокла лишь потому, что онъ былъ великій поэтъ и сердцецвѣдецъ, иначе говоря, потому, что его творческая душа ясно ощущала глубочайшіе корни человѣскаго существованія, изъ которыхъ выростали обѣ противуположасія стороны его характеровъ. И это-то увѣренное созерцаніе самаго ядра всякой человѣческой жизни, это-то высшее поэтическое свойство и было причиной того, что простое сопоставленіе въ характерѣ двухъ противоположныхъ колоритовъ производитъ чудное впечатлѣніе богатства, полноты и законченности. Это чарующая иллюзія, и поэтъ умѣетъ держать своихъ слушателей подъ ея властью; она придаетъ его образамъ какъ разъ тотъ родъ жизненности, который только и былъ возможенъ для его сюжетовъ на сценѣ. У насъ характеры великихъ поэтовъ выказываютъ гораздо болѣе искусную обработку, чѣмъ эти античныя характеры, такъ непосредственно выросшіе изъ корня и расположившіеся какъ листья, одинъ противъ другого; Ромео, Гамлетъ, Фаустъ и Валленштейнъ не могутъ быть сведены къ такой простой первоначальной формѣ. И они, во всякомъ

случаѣ, продукты человѣческой среды, достигшей болѣе высокаго уровня развитія. Но это отнюдь не значитъ, чтобъ образы Софокла были менѣе прекрасны и обаятельны, ибо онъ умѣетъ создавать ихъ несложную постройку съ такимъ благородствомъ чувства и съ такой красотой и величіемъ очертаній, которыя и въ древности уже вызывали удивленіе. Въ его главныхъ характерахъ и второстепенныхъ фигурахъ никогда вы не замѣтите недостатка возвышенности и мощи, всюду проглядываетъ въ ихъ осанкѣ прозорливость и неограниченное владычество великой поэтической натуры.

Эсхилъ вкладывалъ въ свои сценическіе характеры одну характеристическую черту, дѣлающую удобопонятной ихъ своеобразность, таковы Прометей, Клитемнестра, Агамемнонъ; Софоклъ углублялъ свои великія роли, надѣляя ихъ двумя съ виду противоположными, но въ сущности вызывавшими и требовавшими другъ друга свойствами; когда Эврипидъ пошелъ далѣе и, подражая дѣйствительности, сталъ создавать образы, имѣвшіе сходство съ живыми людьми, то волокна, составлявшія ткань древняго сюжета, скрутились и разлѣзлись въ его рукахъ, подобно тому какъ подъ лучами солнца испепелилась окрашенная кровью центавра ткань Деянировой одежды.

Та же радостность и чуткое угадываніе коптравствъ помогаютъ Софоклу преодолевать трудность, скрывавшуюся какъ разъ въ тѣхъ мифахъ, которыми онъ пользовался для своихъ пьесъ. Многочисленныя и необычайныя предпосылки его драмъ кажутся особенно неблагоприятными для энергическаго дѣйствія, исходящаго отъ самаго героя. Въ послѣдніе часы предъ рѣшеніемъ своего жребія его герои являются на первый взглядъ почти всегда пассивно ожидающими, а не свободно управляющими своею судьбой.

Но чѣмъ болѣе давить ихъ гнетъ, возлагаемый на нихъ извнѣ поэтомъ, тѣмъ выше поднимается внутренняя сила, съ которой онъ заставляетъ ихъ противоборствовать этому гнету. Даже и тамъ, гдѣ уже въ первой восходящей половинѣ пьесы судьба или постороннія вліянія производятъ натискъ на героя, онъ не стоитъ пассивно, а съ величайшей энергіей противопоставляетъ имъ свой собственный характеръ; въ сущности, онъ все-таки приводится въ движеніе другими, но мы готовы вообразить, что двигатель онъ самъ, а никто другой; таковы царь Эдипъ, Электра, даже Филоктетъ; все это дѣятельныя натуры, которыя поражаются гнѣвомъ, напираютъ на враговъ, повышаютъ драматизмъ пьесы. Если кто былъ поставленъ въ опасное для драмы оборонительное положеніе, такъ это бѣдный царь Эдипъ. Но посмотрите, какъ Софоклъ изображаетъ его до самаго кульминаціоннаго пункта противоборствующимъ среди возрастающаго возбужденія; чѣмъ отчаяннѣе

кажется самому царю то дѣло, за которое онъ борется, тѣмъ стремительнѣе нападаетъ онъ на окружающихъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ условій среди которыхъ эллинскій поэтъ создавалъ свое дѣйствіе. Если пьесы Софокла съ прибавкою хоромъ и требовали для исполненія приблизительно столько же времени, сколько требуютъ среднимъ числомъ наши драмы, то все же его дѣйствіе гораздо короче нашего. Если мы даже выкинемъ хоръ, лирическія и эпическія вставки, то все-таки окажется, что весь планъ сценъ крупнѣе и въ общемъ шире; при такомъ способѣ игры, какъ нашъ, дѣйствіе врядъ-ли наполнило бы половину современнаго вечерняго представленія. Переходы къ слѣдующей сценѣ мотивированы коротко, но точно, уходъ и выходъ новыхъ ролей объясняется, мелкія промежуточные сцены между законченными явленіями встрѣчаются рѣдко. Число перерывовъ не было опредѣлено, лишь въ позднѣйшій періодъ античной трагедіи было установлено пять актовъ. Части дѣйствія отдѣлялись одна отъ другой хорами; каждая подобная часть, обыкновенно соответствующая нашему законченному явленію, отступала по своему содержанію отъ предыдущей, но не такъ рѣзко, какъ наши акты. Можно, кажется, предположить, что отдѣльные пьесы дня — но не части одной и той же пьесы — уже отдѣлялись одна отъ другой поднятіемъ занавѣса. Правда, ситуація въ началѣ «Царя Эдипа» можетъ быть объяснена и иначе, но такъ какъ декорация Софокла уже введена въ эту пьесу — а онъ также охотно указываетъ на свои декорации, какъ Эсхилъ на свои колесницы и летательныя машины — то прикрѣпленіе ея предъ началомъ новой пьесы должно было, конечно, производиться не на глазахъ у зрителей.

Другая особенность Софокла, насколько мы имѣемъ возможность составить о ней понятіе, заключается въ прекрасной симметрической постройкѣ его пьесъ.

Вступленіе и заключеніе древней драмы отдѣлялись гораздо рѣзче, чѣмъ у насъ, отъ остальной постройки. Вступленіе называлось прологомъ, обнимало одинъ или нѣсколько выходовъ солистовъ до перваго появленія хора, содержало въ себѣ всѣ главные факты экспозиціи, а переходомъ отъ него къ восходящему дѣйствію служило пѣніе хора. Заключеніе или исходъ (Exodos), равнымъ образомъ отдѣлявшееся отъ нисходящаго дѣйствія хоральной пѣснью, было составлено изъ тщательно разработанной группы сценъ и обнимало ту часть драматическаго дѣйствія, которую мы, новѣйшіе писатели, называемъ катастрофою. Прологъ Софокла представляетъ во всѣхъ уцѣлѣвшихъ пьесахъ поэта художественно построенную сцену діалога съ довольно значительнымъ движеніемъ, сцену, въ которой появляются два, а иногда и

всѣ три актера, излагающіе свои взаимныя отношенія другъ къ другу. Но онъ заключаетъ въ себѣ во-первыхъ общія предпосылки пьесы, во-вторыхъ то, что было повидимому отличительною чертою Софокла, — особенно яркое наступленіе возбуждающаго момента, который послѣ хоральной пѣсни долженъ дать толчокъ дѣйствію.

За прологомъ слѣдуетъ первая хоральная пѣснь, послѣ нея — дѣйствіе съ проявленіемъ перваго возбужденія, отсюда дѣйствіе повышается чрезъ два уступа или болѣе до кульминаціоннаго пункта. Это повышение достигается иногда у Софокла посредствомъ весьма тонкихъ, въ сущности незначительныхъ мотивовъ. Но зато мощно поднимается вершина дѣйствія; весь блескъ красокъ, высшую силу поэзіи примѣняетъ онъ здѣсь для рельефнаго выдѣленія этого момента. Тамъ же, гдѣ дѣйствіе допускаетъ сильный переворотъ, слѣдуетъ сцена переворота, перипетіи или узнанія, не внезапно и неожиданно, а съ тонкимъ переходомъ, и всякій разъ въ художественной, распространенной картинѣ. Отсюда дѣйствіе быстро низвергается къ концу, лишь иногда передъ исходомъ вставляется еще ступень. Сама же катастрофа построена, какъ особое дѣйствіе; она состоитъ не изъ одной сцены, а изъ цѣлой цѣпи сценъ, и въ нихъ, соединенные короткими переходами, заключаются блестящій разговоръ вѣстника, драматическая сцена мимическаго дѣйствія, а иногда и лирическая патетическая сцена. Не во всѣхъ пьесахъ катастрофа развита одинаково сильно и не вездѣ надѣлена она высоконапряженными воздѣйствіями. При выработкѣ заключенія поэтому могло руководить и отношеніе драмы къ другимъ пьесамъ, назначеннымъ на тотъ же день.

Трагедія „Антигона“ содержитъ въ себѣ — не считая пролога и катастрофы — пять частей, изъ которыхъ три первыя образуютъ повышение, четвертая — кульминаціонный пунктъ, пятая — поворотъ. Каждая изъ этихъ частей, отдѣленная отъ остальныхъ хоромъ, обнимаетъ двучленную сцену. Идея пьесы заключается въ слѣдующемъ: молодая дѣвушка, предающая погребенію, вопреки приказу царя, тѣло своего брата, павшаго въ бою противъ роднаго города, осуждается царемъ на смертную казнь. Въ возмездіе за это рокъ отнимаетъ у царя сына и супругу, собственноручно лишаящихъ себя жизни. Прологъ, излагающій въ сценѣ діалога возраженія героини дружелюбно настроеннымъ по отношенію къ ней пособникамъ, содержитъ въ себѣ основу дѣйствія и объясненіе возбуждающаго момента: рѣшеніе Антигоны похоронить брата. Первая ступень повышения послѣ перваго выхода царя Креона — это докладъ вѣстника о томъ, что Полиникъ тайно преданъ погребенію, гнѣвъ Креона и его приказъ стражамъ найти виновника этого дѣянія. Вторая ступень —

появленіе Антигоны, схваченной стражами, ея возраженія Креону и вторженіе Имены, которая объявляетъ себя сообщницей сестры и хочет умереть вмѣстѣ съ нею. Третья ступень повышенія: мольбы Гемона и отчаяніе влюбленныхъ, вызванное непреклонностью Креона. За сценой вѣстника до сихъ поръ слѣдовали все болѣе страстные діалоги. Кульминаціонный пунктъ образуетъ патетическая сцена Антигоны, пѣніе и декламация; къ ней примыкаетъ приказъ Креона увести Антигону на казнь. Отсюда дѣйствіе быстро падаетъ. Прорицатель Тирезій сулитъ Креону несчастіе и укоряетъ его за его упорство; Креонъ смягчается и отдаетъ приказъ освободить Антигону изъ подземелья, въ которомъ она заключена. И тутъ начинается катастрофа, представляющая обширную группу сценъ: докладъ вѣстника о смерти Антигоны и Гемона и отчаяніе уходящей Эвридики, сѣтованія Креона и новый докладъ вѣстника о смерти Эвридики, заключительныя сѣтованія Креона. Продолженіемъ самой Антигоны являются прорицатель Тирезій и вѣстникъ катастрофы, наперсники — Имена и Гемонъ, роль врага отдана Креону, проявляющему незначительную силу и лишенному паюса. Эвридика не что иное, какъ вспомогательная роль.

Особенно искусной постройкой отличается у Софокла «Царь Эдипъ»; поэтъ надѣлилъ эту драму всѣми тонкими изобрѣтеніями аттическаго театра, не говоря уже о варіаціяхъ въ пѣснопѣніяхъ и хорахъ — перипетіями и сценами узнаванія, патетическими сценами, цвѣтистымъ докладомъ послѣдняго вѣстника. Драма ведется представителями параллельнаго дѣйствія, имѣетъ короткое повышеніе, сравнительно слабый кульминаціонный пунктъ и довольно продолжительное пониженіе дѣйствія. Прологъ выводитъ всѣхъ трехъ актеровъ и кромѣ предпосылокъ: Ѡивы подъ владычествомъ Эдипа во время моровой язвы — излагаетъ и возбуждающій моментъ, изреченіе оракула: городъ избавится отъ чумы лишь тогда, когда законная кара постигнетъ убійцу Лая. Отсюда дѣйствіе повышается чрезъ двѣ ступени. Первая ступень: Тирезій, призванный Эдипомъ, отказывается истолковать изреченіе оракула; жестоко заподозрѣнный запальчивымъ Эдипомъ, онъ указываетъ въ загадочныхъ выраженіяхъ на таинственнаго убійцу и удаляется въ гнѣвъ. Вторая ступень: споръ Эдипа съ Креономъ, прерываемый Иокастой. Затѣмъ кульминаціонный пунктъ: бесѣда Эдипа съ Иокастой; рассказъ Иокасты о смерти Лая и восклицаніе Эдипа: «твои слова, жена, мнѣ душу потрясли!» — представляютъ вершину дѣйствія. До сихъ поръ Эдипъ противопоставлялъ страстный отпоръ осаждавшимъ его догадкамъ, хотя мало-по-малу имъ и овладѣла тревога; теперь предчувствіе безконечной опасности глубоко западаетъ въ его душу. Его роль заклю-

чается въ борьбѣ между непреклонной самоувѣренностью и безмѣрнымъ самопрезрѣніемъ; въ этомъ мѣстѣ пьеса кончается первое и начинается второе. Отсюда дѣйствіе понижается опять — такъ чрезъ двѣ великолѣпно выполненные ступени, напряженіе увеличивается, благодаря параллельной игрѣ Иокасты, ибо обстоятельство, вселяющее въ нее ужасную увѣренность, еще разъ вводитъ въ заблужденіе Эдипа; эффекты узнаванія проведены здѣсь мастерски. Катастрофа распадается на три части: сцена вѣстника, патетическая сцена, заключеніе съ мягкимъ, примиряющимъ аккордомъ.

Постройка „*Электры*“, наоборотъ, замѣчательна своей простотой. Кромѣ пролога и катастрофы, она состоитъ изъ двухъ ступеней повышенія и двухъ ступеней паденія, изъ которыхъ, однакожъ, обѣ, стоящія всего ближе къ кульминаціонному пункту, соединяются съ этимъ послѣднимъ въ большую группу сценъ, мощно выдвигающую центральный пунктъ въ этой трагедіи. Указанная пьеса не только заключаетъ въ себѣ самое захватывающее драматическое воздѣйствіе, сохранившееся для насъ въ драмахъ Софокла, но весьма поучительна и въ томъ отношеніи, что, сравнивая ее съ «Хоэфорами» Эсхила и «Электрой» Эврипида, излагавшихъ тотъ же сюжетъ, мы ясно усматриваемъ тотъ способъ, какимъ эти поэты одинъ за другимъ подвергали драматической обработкѣ знаменитое сказаніе. У Софокла Орестъ, являющійся центромъ Эсхиловской трилогіи, представляетъ не что иное, какъ второстепенную фигуру; онъ совершаетъ ужасный актъ мести по повелѣнію Аполлона и какъ его орудіе, обдуманно, спокойно, безъ малѣйшаго слѣда сомнѣній и колебаній, словно воинъ, выступившій на опасное предпріятіе, и только катастрофа изображаетъ съ драматизмомъ эту основную часть древняго сюжета. Содержаніе пьесы заключается въ душевныхъ движеніяхъ удивительно энергическаго и величественнаго жепскаго характера, но движенія, превосходно приспособленныя къ потребностямъ сцены, благодаря переворотамъ чувства, благодаря проявленію сильной воли и твердой рѣшимости. За прологомъ, въ которомъ Орестъ и его воспитатель даютъ подготовленіе и изложеніе возбуждающаго момента — прибытіе мстителей — который, однако, въ самомъ дѣйствіи сказывается сначала лишь въ сновидѣніи и предчувствіяхъ Клитемнестры, слѣдуетъ первая ступень повышенія: Электра получаетъ отъ Хризотемиды извѣстіе о томъ, что она, не прекращающая своего ропота, будетъ заключена въ темницу; она уговариваетъ Хризотемиду не совершать на могилѣ убитаго отца искупительнаго возліанія, посланнаго матерью. Вторая ступень: борьба Электры съ Клитемнестрой, затѣмъ кульминаціонный пунктъ: воспитатель приноситъ ложное извѣстіе о смерти Ореста. Раз-

личное дѣйствіе этого извѣстія на обѣихъ женщинъ. Патетическая сцена Электры. Сюда же примыкаетъ первая ступень поворота: Хризотемида радостно возвращается съ могилы отца, объявляетъ, что она нашла на ней прядь волосъ, оставленную какимъ-то незнакомцемъ—это благоговѣнное приношеніе доказываетъ близость друга; Электра уже не вѣритъ доброй вѣсти, требуетъ, чтобъ сестра вмѣстѣ съ нею убила Эгиста, негодуетъ на отказъ Хризотемиды и принимаетъ рѣшеніе совершить одна задуманное дѣло. Вторая ступень: Орестъ въ видѣ незнакомца, съ пепельной урной Ореста. Скорбь Электры и исполненная чарующей красоты сцена узнанія. Исходъ заключаетъ въ себѣ изображеніе акта мести, сначала ужасное душевное волненіе Электры, затѣмъ появленіе Эгиста и его умерщвленіе.

Содержаніе драмы «Эдипъ въ Колонѣ», если взглянуть въ идею пьесы, представляется крайне неблагоприятнымъ для драматической обработки. Безпріютный старецъ даруетъ благословеніе, долженствующее, по словамъ оракула, исходить отъ его могилы, не родному городу, отъ котораго онъ видѣлъ только неблагодарность, а гостепріимнымъ чужеземцамъ, — съ такимъ сюжетомъ, казалось бы, можетъ помириться только случайное патріотическое настроеніе слушателей. И, тѣмъ не менѣе, Софокль сумѣлъ вложить и сюда напряженіе, повышеніе, страстную борьбу ненависти и любви. Но эта пьеса имѣетъ одну особенность въ своей постройкѣ. Прологъ расширенъ до размѣровъ довольно крупнаго цѣлаго, соответствующаго катастрофѣ и по внѣшнему объему; онъ состоитъ изъ двухъ частей, а каждая часть изъ трехъ мелкихъ сценъ, соединенныхъ патетическимъ моментомъ: пѣніемъ, въ которомъ чередуются солисты и выступающій уже въ этомъ мѣстѣ хоръ. Первая часть пролога заключаетъ въ себѣ экспозицію, вторая—возбуждающій моментъ, извѣстіе, приносимое Исменой престарѣлому Эдипу о томъ, что его отечественный городъ Фивы постановилъ преслѣдовать его. Отсюда драма повышается чрезъ одинъ только уступъ—на сценѣ появляется Тезей, повелитель страны, и обѣщаетъ свое покровительство, — до кульминаціоннаго пункта, большой воинственной сцены съ энергическимъ мимическимъ дѣйствіемъ: выступаетъ Креонъ и увлекаетъ съ собою дочерей Эдипа, грозя и ему насиліемъ, если онъ не согласится вернуться на родину; но Тезей доказываетъ на дѣлѣ свое могучее покровительство и удаляетъ Креона. Затѣмъ слѣдуетъ поворотъ въ двухъ ступеняхъ. Тезей спасаетъ дочерей Эдипа и возвращаетъ ихъ отцу; Полиникъ, изъ своекорыстныхъ видовъ, умоляетъ отца о примиреніи и возвращеніи въ Фивы. Эдипъ отсылаетъ его, не примирившись съ нимъ, и только Антигона въ трогательныхъ словахъ

выражаетъ отцу преданность своей сестры. Затѣмъ начинается катастрофа: таинственное похищеніе Эдипа, короткая сцена рѣчей и хора, потомъ большая сцена вѣстника и заключительное пѣніе. Вслѣдствіе распространенія пролога и катастрофы, пьеса оказывается стиховъ на двѣстидлиниѣ остальныхъ сохранившихся драмъ Софокла. Болѣе свободное отношеніе къ установленной сценической формѣ, равно какъ и содержаніе, показываютъ, что эта трагедія, какъ это впрочемъ извѣстно намъ и изъ памятниковъ древности, была однимъ изъ послѣднихъ твореній маститаго поэта.

Самой ранней изъ уцѣлѣвшихъ пьесъ Софокла можно, пожалуй, считать его драму «Трахинянки». И здѣсь есть нѣчто необыкновенное въ постройкѣ: прологъ содержитъ въ себѣ лишь вступленіе: Деянира тоскуетъ по скитающемуся на чужбинѣ супругъ своему Гераклѣ и посылаетъ своего сына Гилла на поиски отца. Возбуждающій моментъ заключается въ самой пьесѣ и образуетъ первую половину двучленнаго повышенія: извѣстіе о прибытіи Геракла. Вторая ступень: Деянира узнаетъ, что посланная ею супругомъ въ качествѣ вѣстницы плѣнная рабыня есть его возлюбленная. Кульминаціонный пунктъ: движимая искреннимъ чувствомъ, Деянира принимаетъ рѣшеніе послать горячо любимому мужу приворотное средство, завѣщанное ей павшимъ отъ руки Геракла врагомъ. Она передаетъ герольду волшебную одежду. Нисходящее дѣйствіе въ одной ступени излагаетъ ея тревогу и раскаяніе; она испробовала волшебное средство и видитъ, что въ этихъ чарахъ кроется что-то зловѣщее. Возвратившійся сынъ въ жесткихъ словахъ рассказываетъ ей, что посланный ею подарокъ причинилъ ей мужу смертельную болѣзнь. Затѣмъ наступаетъ двучленная катастрофа: сначала сцена вѣстника, объявляющаго о смерти Деяниры, затѣмъ выводится самъ Гераклъ, главный герой пьесы, и, среди смертельныхъ, нестерпимыхъ мученій, требуетъ отъ сына, послѣ величественной патетической сцены, чтобъ онъ предалъ его сожженію на горѣ Этѣ.

Трагедія «Аяксъ», послѣ трехчленнаго пролога, содержитъ въ себѣ повышеніе въ трехъ ступеняхъ: во-первыхъ, сѣтованія и выраженія семейныхъ чувствъ Аякса и его рѣшеніе умереть; затѣмъ скрытіе этого плана во вниманіе къ скорби друзей, наконецъ, очевидно все въ той же сценѣ, докладъ вѣстника о томъ, что Тевкръ умоляетъ Аякса не выходить въ этотъ день изъ шатра, и уходъ супруги Аякса и хора на поиски исчезнувшаго героя. Затѣмъ идетъ кульминаціонный пунктъ—патетическая сцена Аякса и его самоубійство, — имѣющій ту отличительную черту, что хоръ раньше удаленъ изъ оркестры, вслѣдствіе чего эта сцена получаетъ характеръ монолога. Затѣмъ слѣдуетъ

поворотъ въ двухъ частяхъ: сначала находятъ умершаго, и раздаются сѣтованія Текмессы и входящаго на сцену брата Аякса, Тевкра, затѣмъ возгорается споръ между Тевкромъ и Менелаемъ, запрещающимъ совершеніе погребальнаго обряда. Наконецъ, катастрофа: повышение этого спора въ діалогъ между Тевкромъ и Агамемнономъ, посредничество Одиссея и примиреніе.

«Филоктетъ» отличается особенно правильной постройкой; дѣйствіе повышается и падаетъ съ безукоризненной симметрией. Послѣ изложенія въ прологѣ, въ разговорной сценѣ между Одиссеемъ и Неоптолемомъ, предпосылокъ и возбуждающаго момента, — слѣдуетъ первая часть — повышение — въ группѣ изъ трехъ соединенныхъ сценъ, затѣмъ кульминаціонный пунктъ и трагическій моментъ въ двухъ сценахъ, изъ которыхъ первая есть великолѣпно проведенная двучленная патетическая сцена, затѣмъ третья часть — поворотъ — точь-въ-точь соотвѣтствующій первой части и представляющій опять-таки группу изъ трехъ соединенныхъ сценъ. Такъ же строго соотвѣтствуютъ одинъ другому и хоры: какъ въ первой пѣснѣ второй актеръ чередуется съ хоромъ, такъ въ третьей съ хоромъ чередуется первый актеръ. Только въ серединѣ есть полная хоральная пѣснь. Участіе хора въ болѣе драматически-страстной совмѣстной игрѣ, какъ въ «Филоктетѣ», такъ и въ трагедіи «Эдипъ въ Колонѣ», по всей вѣроятности не случайно. Увѣренное обращеніе съ формами и мастерское веденіе сценъ даютъ намъ поводъ заключить, что эта драма относится къ позднѣйшей эпохѣ дѣятельности Софокла *).

И здѣсь первая патетическая роль принадлежитъ первому актеру, Филоктету; его страстные движенія, изображенные съ чудной красотой и съ необычайнымъ богатствомъ отдѣльных штриховъ, проходятъ черезъ обширный кругъ настроеній и поднимаются въ кульминаціонномъ пунктѣ, большой патетической сценѣ пьесы, съ потрясающей всю душу силою; никогда столь рискованное для драмы состояніе

*) Прологъ: Неоптолемъ и Одиссей.

Хоръ и Неоптолемъ, чередующеся въ пѣніи.

Повышеніе	}	1. Сцена вѣстника съ узнаніемъ Филоктетъ, Неоптолемъ.
		2. Сцена вѣстника. Препіе. Купецъ.
дѣйствія	}	3. Сцена узнанія (лука) Филоктетъ, Неоптолемъ.
		Пѣніе хора.
Кульминац. пунктъ.	}	1. Двойная патетическая сцена. Филоктетъ, Неоптолемъ.
Трагическій моментъ.		2. Сцена діалога. Препіе. Одиссей.

Хоръ и Филоктетъ чередуются въ пѣніи.

Нисходящее дѣйствіе и катастрофа.	}	1. Сцена діалога. Неоптолемъ, Одиссей.
		2. Сцена діалога. Филоктетъ, Неоптолемъ и затѣмъ Одиссей.
		3. Возвѣщеніе и заключеніе. Филоктетъ, Неоптолемъ, Гераклъ.

ужасныхъ физическихъ мукъ и, непосредственно затѣмъ, гложущей душевной пытки не изображалось съ такою смѣлостью и величіемъ. Но честный, ожесточенный, упорный Филоктетъ не давалъ самому дѣйствію матеріала для драматическаго прогресса. А потому этотъ прогрессъ заложенъ въ душу второго актера, и Неоптолемъ является носителемъ дѣйствія. Поддавшись, хотя и не безъ внутренней борьбы, лукавымъ совѣтамъ Одиссея въ прологѣ, онъ пытается въ первой части дѣйствія увести Филоктета обманомъ. Филоктетъ довѣрчиво опирается на него, какъ на спасителя, сулящаго ему возвращеніе на родину, и вручаетъ ему священный лукъ. Но зрѣлище тяжкихъ страданій больного, трогательная благодарность Филоктета за оказанное ему челоуѣколюбіе, пробуждаютъ лучшія чувства въ благородномъ сердцѣ Ахиллесова сына, и, внутренне борясь съ собою, онъ открываетъ страдальцу свое намѣреніе привести его вмѣстѣ съ священнымъ лукомъ въ станъ грековъ. Упреки разочарованнаго Филоктета обостряютъ его угрызения и, когда подоспѣвшій Одиссей пускаетъ въ ходъ силу, чтобы заставить больного остаться, тогда возбужденіе Неоптолема принимаетъ еще болѣе размѣры. При наступленіи катастрофы, честность Неоптолема побуждаетъ его возстать противъ самого Одиссея: онъ возвращаетъ Филоктету смертоносный лукъ, снова убѣждаетъ его послѣдовать за нимъ къ войску, и когда тотъ отвѣчаетъ отказомъ, то онъ великодушно общаетъ ему на этотъ разъ исполнить свято слово, данное имъ съ такимъ коварнымъ умысломъ въ первой части дѣйствія, и, рискуя возбудить противъ себя ненависть всего греческаго войска, посадить бѣднаго страдальца на корабль и отвезти его на родину. Такъ, благодаря переворотамъ, происходящимъ въ характерѣ руководящаго героя, дѣйствіе достигаетъ драматическаго заключенія, но достигаетъ его, конечно, въ прямомъ противорѣчій съ древнимъ сказаніемъ, и, ради того, чтобы согласовать недопускавшія измѣненія части сюжета съ драматической жизнью своей пьесы, Софоклъ прибѣгнулъ къ маневру, какимъ онъ не пользуется ни въ одной изъ другихъ уцѣлѣвшихъ пьесъ своихъ: въ заключительной сценѣ онъ вызываетъ образъ Геракла и заставляетъ его измѣнить рѣшеніе Филоктета.

Это заключеніе, представляющееся намъ неорганическимъ, поучительно, однако, въ двойномъ смыслѣ: оно показываетъ, до какой степени еще Софоклъ чувствовалъ себя скованнымъ эпическою жесткостью стариннаго мифа и какъ упорно стремилось его высокое дарованіе преодолѣть опасности, въ борьбѣ съ которыми такъ скоро послѣ него суждено было погибнуть греческой трагедіи. Затѣмъ, это заключеніе открываетъ намъ средство, употреб-

ленное мудрымъ поэтомъ для того, чтобы побѣдить педочеть, котораго мы, конечно, не ощущаемъ, но который должны были ощущать современники Софокла при видѣ призрака, заставляющаго героя измѣнить свое рѣшеніе. Прежде всего, онъ успокоилъ свою художественную совѣсть, приведя заранѣе къ полному заключенію внутреннее драматическое движеніе. Пьеса, поскольку она разыгрывается между Неоптолемомъ и Филоклетомъ, уже кончена. Послѣ бурной борьбы оба героя пришли къ благородному соглашенію. Но они стали на такую точку зрѣнія, которая противорѣчитъ волѣ боговъ и выгодамъ эллинскаго войска. Представителемъ этого высшаго интереса является теперь третій актеръ, хитроумный, безпощадный политикъ Одиссей. Въ силу пристрастія, какое Софоклъ и въ другихъ своихъ пьесахъ обнаруживаетъ подчасъ къ третьему актерю, онъ особенно тщательно воспроизвелъ здѣсь его личность; послѣ того, какъ третій актеръ пространно изложилъ въ прологѣ общеизвѣстный характеръ Одиссея, онъ появляется непосредственно затѣмъ въ маскѣ, не только позволяющей зрителю угадать заранѣе, что незнакомый образъ есть хитрая выдумка Одиссея, но дающей ему возможность узнать и голосъ Одиссея, и его лукавыя приемы. И еще три раза послѣ того выступаетъ онъ въ дѣй-

ствіи, какъ Одиссей, чтобъ указать на общую выгоду, на необходимость активнаго вмѣшательства; все громче и настойчивѣе становятся его возраженія. Подъ конецъ, въ катастрофѣ, незадолго до того, какъ въ вышнѣй появляется божественный Гераклъ, снова раздается голосъ и показывается фигура предостерегающаго Одиссея (вѣроятно стоящаго подъ защитою скалы), чтобъ еще разъ заявить свой протестъ, и теперь его угрожающій призывъ звучитъ сурово и побѣдоносно. Когда, вскорѣ послѣ того, быть можетъ, надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ показывался минутами Одиссей, поднимался просвѣтленный образъ Геракла и голосомъ третьяго актера, но на этотъ разъ кроткимъ, умиротворяющимъ, заявлялъ все то же требованіе, то зритель въ самомъ Гераклѣ видѣлъ какъ бы повышеніе Одиссея и при этомъ послѣднемъ повтореніи все того же приказанія, онъ не только чувствовалъ вступленіе извѣснаго новаго явленія, но еще живѣе ощущалъ неотразимую силу здраваго человѣческаго разума, боровагося на пространствѣ всей пьесы съ страстной стремительностью другихъ дѣйствующихъ лицъ. Расчетъ и преднамѣренность, усматриваемые въ этомъ повышеніи, духовное единство трехъ ролей третьяго актера, навѣрно составляли для зрителя одну изъ красотъ этой пьесы.

Изъ Haendschel's Skizzenbuch.

Провинціальныя корреспонденціи.

Бахмутъ (отъ нашего корреспондента). Въ концѣ мая въ театрѣ, арендуемомъ мѣстнымъ общественнымъ собраніемъ, начались спектакли Товарищества драм. артистовъ подъ управленіемъ Я. М. Горина. Въ него входятъ: г-жи Вечера—*ingénue-dramatique*, Потапова—водевильная и опереточная, Радова—*ingénue-comique* и Погожева—*grande coquette*; гг. Горинъ—комикъ, Кручининъ—*jeune premier*, Потаповъ—простакъ и фатъ и Томскій—драматическій резонеръ. Г-жа Вечера—артистка еще очень молодая и неопытная, обладаетъ сценической наружностью и дарованіемъ; но отсутствіе школы даетъ себя чувствовать, г-жа Погожева актриса весьма опытная, толковая, добросовѣстно относится къ дѣлу. Г. Горинъ—весьма недурный комикъ, но съ сильною склонностью къ шаржу, г. Томскій—актеръ весьма опытный, толковый, и съ сценической наружностью. Въ общемъ труппа приличная, относительно, конечно, хотя ансамбль часто отсутствуетъ вслѣдствіе незнанія ролей. Сборы порядочные.

Гродно (отъ нашего корреспондента). Спектакли здѣшняго Товарищества драматическихъ артистовъ дали самые грустные результаты. По своему составу труппа не можетъ существовать въ Гроднѣ, гдѣ до сихъ поръ играли сносные артисты; затѣмъ очень много значитъ въ провинці репертуаръ, чѣмъ больше новинокъ, тѣмъ охотнѣе публика посѣщаетъ театръ, но при этомъ не нужно забывать того, что зрителями являются

большею частью люди интеллигентные, какъ болѣе достаточные, и на этихъ зрителей такія пьесы, какъ „Арина—мужчина“, шутка нѣкоего г. Высокаго, производить впечатлѣніе не можетъ. Г. Власовъ не принялъ этого во вниманіе и за все время держался такого репертуара: „Поѣздка на востокъ“, „Студентъ и гризетка“, „Маленькая война“, „Въ погоню за прекрасной Еленой“, „На порогъ великихъ событій“, „Арина—мужчина“, „На всѣ четыре стороны“, „Супружеское счастье“, „Женское любопытство“ и нѣк. др., и два-три литературныхъ вечера. Въ началѣ сезона сборы были болѣе или менѣе сносны, по крайнѣй мѣрѣ, хоть покрывались вечеровые расходы, но черезъ мѣсяцъ сборы упали такъ, что Товариществу нѣтъ возможности покрыть самыхъ необходимыхъ расходовъ; за послѣдніе спектакли сборы едва достигали 30—40 рублей, и за все это время Товарищество получило по 8 коп. на рубль. Чтобы поправить хоть какъ-нибудь сборы, Товарищество раза два ѣздило въ сосѣдній городокъ, Бѣлостокъ, но и тамъ повторилось то же, что и въ Гроднѣ.

Гуляй-Поле, Екатеринославской губ. (отъ нашего корреспондента). Замѣчающееся въ послѣднее время стремленіе устраивать театры, преимущественно народные, въ большихъ мѣстечкахъ и селахъ, не миновало и нашего села. Основателемъ театра у насъ явился молодой артистъ М. И. Разсудовъ, благодаря энергіи и таланту котораго гуляй-польцы нынѣшнимъ лѣтомъ имѣютъ

благоустроенный театр. Театральное здание, небольшое, деревянное, все крытое, приспособлено на 200 человек. Стена довольно помѣстительная, около 9 аршинъ по рампѣ, освѣщеніе лампами и свѣчами; есть пѣсколое перемѣнъ декораций и много разныхъ пристановокъ. Въ общемъ театръ производитъ вполне благоприятное впечатлѣніе. Первый спектакль былъ данъ 4 апрѣля, а затѣмъ спектакли давались по воскресеньямъ. Репертуаръ нашего театра можно назвать очень хорошимъ. Г. Разсудовъ артистъ съ университетскимъ образованіемъ и потому обращающій большое вниманіе на качество репертуара. Всѣхъ спектаклей было дано до сихъ поръ восемь; поставлены были: „Женитьба Бѣлугина“, „На хуторѣ“, „Медвѣдь“, „Горящія письма“, „Побѣдителей не судятъ“ и лучшія пьесы водевильнаго репертуара. Кромѣ того исполнялись монологи, діалоги, сцены изъ большихъ классическихъ пьесъ и проч. Въ дивертисментахъ всегда отводилось мѣсто бытовымъ разсказамъ для народа. Труппа небольшая, оркестръ изъ 9 человекъ. Въ составъ труппы входятъ гг. Разсудовъ, Ильинъ, Вольскій, г-жи Марченко, Кармина, Анетина и др. По исполненію выдѣляются г. Разсудовъ—талантливый исполнитель главныхъ ролей, мастерски также читающій бытовые разсказы и сцены; г-жа Марченко—ingénue, г-жа Кармина и г. Ильинъ. 6 іюня былъ данъ спектакль на устройство въ Гуляй-Полѣ дешевой чайной. Спектакль имѣлъ большой успѣхъ, театръ былъ переполненъ и на устройство чайной выручено было чистаго сбора 161 руб. Благодаря этому спектаклю, у насъ теперь существуетъ дешевая чайная, въ которой село давно уже нуждалось. Спектакли всѣ проходятъ замѣчательно гладко, вслѣдствіе добросовѣстной сретовки. Среднимъ числомъ за каждый спектакль выручено по 50 р., что для Гуляй-Поля можно считать очень хорошими сборами. Мѣстная интеллигенція, къ сожалѣнію незначительная, поддерживаетъ театръ, но, главнымъ образомъ, онъ долженъ быть предназначенъ для народа. Здѣсь, кромѣ крестьянъ, много рабочихъ съ двухъ чугуно-литейныхъ заводовъ; они усердно посѣщаютъ театръ и остаются, какъ видно, очень довольны спектаклями. Г. Разсудовъ предполагаетъ сдѣлать театръ еще доступнѣе для народа. Теперь цѣны мѣстамъ отъ 2 р. до 20 к., по г. Разсудовъ намѣренъ значительно увеличить число дешевыхъ мѣстъ. Надо пожелать даровитому артисту подлаго успѣха въ этомъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Екатеринбургъ (отъ нашего корреспондента). Лѣтній театральный сезонъ открылся у насъ лишь въ іюлѣ мѣсяцѣ. Приѣхала труппа драматическаго Товарищества, составленная г. Бабошъ-Королевымъ. Товарищество играетъ на сценѣ Общественнаго Собранія, въ саду котораго устраиваются гулянья, играетъ маленькій оркестръ, подъ управленіемъ театральнаго капельмейстера г. Гойера. На этой же эстрадѣ бывають и дивертисменты, въ которыхъ выступаютъ, въ качествѣ разсказчиковъ и куплетистовъ, артисты Товарищества. Труппа составлена почти исключительно изъ молодыхъ, начинающихъ артистовъ, между которыми имѣются и опытные артисты въ лицѣ г-жи Бабошъ-Королевой и г. Бабошъ-Королева. Изъ артистокъ выдѣляются осмысленной игрой г-жи Мусатова (ingénue dramatique) и г-жа Ланина—водевильная ingénue, обладающая педурнымъ голосомъ. Въ мужскомъ персоналѣ выдающихся, кромѣ самого распорядителя труппы, артистовъ вѣтъ. Репертуаръ спектаклей почти исключительно состоитъ изъ легкихъ, небольшихъ комедій и водевилей съ пѣніемъ. Сборы плохіе,

мѣшаетъ ненастная погода. Гастролировала у насъ г-жа Горева (Е. П.), которая алоисировала о себѣ какъ о знаменитости. На эту приманку публика откликнулась, и нѣсколько спектаклей дали порядочные сборы, не замедливше скоро унать. Играла г-жа Горева съ труппой антрепренера „Владивостокскаго и Благовѣщенскаго театровъ“ г. Семашко-Орлова. Пѣвучая декламация, естественность игры, переигрываніе не покинули г-жу Гореву,—она не измѣнилась къ лучшему за послѣдніе годы,—всѣ ея недостатки сдѣлались еще рельефнѣе. Труппа, игравшая съ г-жей Горевой, очень плоха. Mise en scène ниже всякой критики, и зачастую въ публикѣ слышался смѣхъ въ самыхъ драматическихъ мѣстахъ драмы.—На зиму предполагается оперетка.—Музыкальный Кружокъ, на лѣто, прекратилъ свою дѣятельность, которая, вѣроятно, возобновится не ранѣе сентября. Въ настоящее же время екатеринбургжцы имѣють лишь спектакли драматическаго Товарищества.

Кишиневъ (отъ нашего корреспондента). Кишиневъ навѣрное единственный городъ въ Европѣ, который при населеніи въ 130 тысячъ не имѣетъ собственнаго театра. Зданіе, которое носитъ у насъ это званіе, принадлежитъ частнымъ лицамъ (наслѣдникамъ доктора Гросмана) и не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ: оно очень тѣсно, полный сборъ при довольно высокихъ цѣнахъ не превышаетъ 500 рублей, лишешо самыхъ необходимыхъ удобствъ и построено вопреки элементарныхъ требованій гигиены. Лѣтняя публика страдаетъ въ вемъ отъ жары и духоты, а зимою отъ холода и угара. Освѣщеніе керосиновое. Антрепренеры находятся въ полной зависимости отъ владѣльца зданія. Въ будущемъ никакихъ перемѣнъ къ лучшему не предвидится, такъ какъ владѣльцы театра получили отъ городского управленія монополию на пять лѣтъ, лишашуюю городъ права построить въ теченіе этого срока собственныи театръ. Взамѣнъ этой монополии владѣльцы театра обязались предъ городомъ предоставлять театръ бесплатно для народныхъ чтеній. Не смотря на такія неблагопріятныя внѣшнія условія, все-таки рѣдкій годъ къ намъ не наѣзжаютъ драматическая, оперная или опереточная труппы. Въ позапрошломъ году поддержалась цѣлый сезонъ драматическая труппа А. М. Крамскаго. Не смотря на хорошій составъ (г-жа Карина, гг. Тройницкій, Головинъ и друг.) и разнообразный репертуаръ, антрепренеръ понесъ большіе убытки, а артисты должны были прибѣгнуть къ благотворительной подпискѣ, чтобы выѣхать изъ города. Эту труппу смѣнила мало-россійская труппа г. Саксаганскаго. Послѣдній—бессарабедъ и вмѣстѣ съ братомъ своимъ г. Садовскимъ подвизался у насъ въ прежніе годы съ большимъ успѣхомъ. На этотъ разъ ему не повезло: гопаки и вечерницы давно подоѣли публикѣ, и театръ пустовалъ цѣлый сезонъ. Не выдержавъ до конца его, г. Саксаганскій покинулъ Кишиневъ. На смѣну ему приѣхала изъ Одессы драматическая труппа г-жи Петровской, и съ такимъ же успѣхомъ. Составъ труппы былъ очень порядочный, но публика въ театръ не ходила. Сборы нѣсколько поднялъ извѣстный артистъ г. Ивановъ-Козельскій, но его гастроли обходились антрепризѣ черезчуръ дорого: онъ получалъ чуть не половину валоваго сбора. Во время поста гастролировала у насъ оперная труппа г. Труффи съ г-жей Тамаровой, г. Медвѣдевымъ и друг. Она поставила десять спектаклей, и если и не потеряла, то навѣрное и ничего не заработала. 29 іюня открыла свои спектакли петербургская труппа съ г-жей Самойловой-Мичуриной, гг. Давы-

довымъ, Ленскимъ, Апполопскимъ и проч. Успѣхъ имъ обезпеченъ вполне, такъ какъ кишиневская публика, равнодушная къ театру вообще, вовсе не равнодушна къ громкимъ именамъ и установившимся репутациямъ. Лѣтняго театра у насъ нѣтъ, онъ хотя и былъ когда-то, по его заветхостью разобрали. Публика наша проводитъ свои вечера въ такъ называемомъ „павильонѣ“, хорошепкомъ садикѣ, устроенномъ при мѣстномъ Благородномъ Собраніи. Садикъ освѣщается электричествомъ и имѣетъ собственный педурный оркестръ. Есть въ немъ и открытая эстрада, когоруо можно обратиться въ случаѣ нужды въ лѣтнюю сцену для небольшихъ пьесъ и т. п. Охотниковъ устроить въ павильонѣ кафе-шантанъ достаточно, но къ счастью, мѣстная администрація противится этому. Въ прошломъ году на этой сценѣ подвизалась заѣзжая малороссійская труппа, но безъ особеннаго успѣха, а въ настоящей сезонъ сцена пустуетъ. Успѣху лѣтней сцены много вредитъ то, что члены Благороднаго Собранія, составляющіе главный континентъ мѣстной публики, имѣютъ по уставу клуба бесплатный входъ въ павильонъ со своими семействами. Кромѣ павильона, Благородное Собраніе имѣетъ собственный, очень хорошій и новенькій концертно-танцевальный залъ, открытый только въ зимній сезонъ для концертовъ. Концерты довольно часты, такъ какъ знаменитости музыкальнаго міра, на пути въ Одессу или изъ Одессы заѣзжаютъ къ намъ. Въ прошлый сезонъ были концерты г-жъ Долиной и Михайловой, гг. Фигнера, Михайлова и Яковлева, Каракина, Тартакова и мн. другихъ. Почти всѣ они давали артистамъ полный сборъ (700—800 рублей). Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о дѣятельности мѣстныхъ Обществъ—драматическаго и музыкальнаго. Основанные почти одновременно, лѣтъ 12 тому назадъ, они дѣлать затѣмъ судьбу всѣхъ почти русскихъ Обществъ этого рода: большой сенсационный успѣхъ на первыхъ порахъ, обиліе членовъ и матеріальныхъ средствъ, и послѣ короткаго періода сочувствія и процвѣтанія, продолжительный періодъ охлажденія публики, разложенія и упадка. На музыкальные вечера и драматическіе спектакли этихъ Обществъ собирався бывало весь городъ и касса была полна; теперь же, при исполненіи не только не хуже, а лучше прежняго, на нихъ едва собираются собственные члены, а въ кассѣ всегда пусто. Музыкальное Общество поставлено въ сравнительно лучшее положеніе, такъ какъ къ услугамъ его всегда имѣется концертный залъ, гдѣ оно можетъ давать свои вечера. Драматическое же Общество крайне стѣснено отсутствіемъ собственнаго помѣщенія и можетъ проявлять свою дѣятельность только въ краткіе промежутки, когда театръ не занятъ какой-нибудь труппой. Въ послѣднемъ случаѣ антрепренеръ не допускаетъ въ театръ своихъ конкурентовъ, да и конкуррировать Обществу съ постоянной труппой довольно трудно. Одно время Общество, пользуясь отсутствіемъ постоянной труппы, съ большимъ успѣхомъ ставило общедоступные утренніе спектакли, но публика вскорѣ и къ нимъ охладѣла и они должвы были прекратиться. Въ настоящемъ году, пользуясь тѣмъ, что помѣщеніе свободно, Общество поставило уже шесть вечернихъ спектаклей довольно легкаго репертуара, въ пользу мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли матеріальныхъ успѣхъ, другіе—никакого, но успѣхъ во всякомъ случаѣ не зависѣлъ отъ интереса публики къ Обществу и его спектаклямъ, а обусловливался энергіей распорядителя, распространявшихъ билеты въ кругу своихъ знакомыхъ. Есть нѣсколько причинъ

малоуспѣшной дѣятельности вашего драматическаго Общества, и изъ нихъ нѣкоторыя общаго, а другія чисто мѣстнаго характера. Причина общаго характера, свойственная почти всѣмъ артистическимъ Обществамъ, это непомѣрное самолюбіе „членовъ-исполнителей“ и борьба между собою разныхъ премьеровъ, а особенно премьершъ за первенство. Постоянное явленіе, что участвуютъ въ спектакляхъ только члены извѣстной „партіи“, захватившей распорядительную власть въ свои руки, а „оппозиція“ уклоняется отъ участія. Силы Общества, и безъ того небольшія, дробятся такимъ образомъ и растрачиваются даромъ. Вторая причина, тоже довольно общаго характера, та, что отъ участія въ Обществѣ, какъ учрежденія всесловнаго, уклоняются представители мѣстнаго бомонда и предпочитаютъ скучать въ своихъ салонахъ, лишь бы не встрѣчаться съ людьми другого общества. Но главной причиной непрочиванія какъ нашего драматическаго Общества, такъ и театра вообще, является конечно векультурность и разпоязычность кишиневской публики. Собственно городской классъ населенія здѣсь очень немногочисленъ и на половину состоитъ изъ инородцевъ-евреевъ, молдаванъ, армянъ, грековъ, которые очень мало интересуются театромъ вообще, а русскимъ въ особенности, такъ что послѣдній поддерживается исключительно немногочисленнымъ русскимъ населеніемъ (чиновники, офицеры и т. п.).—Къ учрежденіямъ художественнымъ нужно отнести также рисовальные классы, которыхъ у насъ было два. Одинъ изъ нихъ, открытый на средства города, продержался съ небольшимъ годъ и за отсутствіемъ учениковъ недавно прекратилъ свое существованіе. Другой, содержимый на частныя средства учителя г. Степанковскаго, тоже не процвѣтаетъ. Осенью предполагается открытіе частной музыкальной школы, воспитанника консерваторіи г. Гутора. Музыка во всякомъ случаѣ болѣе популярна у насъ, чѣмъ всѣ другія искусства, такъ что начинаю г. Гутора можно предсказать успѣхъ.

Бурекъ (отъ нашего корреспондента). Въ театрѣ городского сада за май сборы были незначительны. Изъ труппы драматическихъ артистовъ г. Галицкаго къ концу іюня вышли гг. Наумовскій, Соколовъ и г-жа Алексѣева. Но не смотря на нхъ выходъ, труппа продолжала быть порядочной, и немногочисленные поспитители драматическаго театра радужно принимали артистовъ. За іюнь были поставлены: „Парцъсъ“, „Иппа“, „Охъ, ужъ эти первы“, „Жребій па жизнь и смерть“, „Мертвыя души“, „Король и поэтъ“, „Семья преступника“, „Заколдованный домъ“, „Мужья одолѣли“, „Въ старыя годы“, „Въ чужомъ пиру похмѣлье“, „Чародѣйка“ и „Русская свадьба“; послѣдніе двѣ пьесы шли съ участіемъ кавеллы и семейства г. Агренева-Славянскаго. „Русская свадьба“ дала сбора 803 руб. Кромѣ того г. Славянской далъ три концерта, часть сбора съ которыхъ пошла въ пользу труппы г. Галицкаго, которая къ концу іюня не только не распалась, какъ это ожидали многіе, но усилась. Не то съ опереткой клубскаго театра. Благодаря неопытности антрепризы, не смотря на порядочные сборы оперетки, къ концу іюня стала распадаться. Лучшіе артисты оставили ее, и въ началѣ іюля, клубъ, чтобы помочь остаткамъ оперетки выбраться изъ затруднительнаго положенія, самъ сталъ вести дѣло, но, поставивъ двѣ оперетки, закончилъ свои дѣятельность, потому что оперетки шли такъ, что даже ярыя оперетоманы не рѣшались ходить въ театръ. Съ половины іюня начали свою дѣятельность и загородные театры; ихъ въ окрестно-

стях Курска три: на минеральныхъ, желѣзисто-щелочныхъ источникахъ, при курзалѣ и на дачахъ Зелена и Самойлова, послѣдніе два открыты. На сценахъ ихъ играютъ любители и привлекаютъ массу зрителей изъ крестьянъ сосѣднихъ деревень.

Новочеркасскъ (отъ нашего корреспондента). Стремленіе давать оперы съ опереточными силами — большая ошибка со стороны администраціи опереточнаго Товарищества, играющаго у насъ въ этотъ лѣтній сезонъ. Безъ сомнѣнія публика охотнѣе пойдетъ смотрѣть хорошую опереточную труппу въ опереткѣ, чѣмъ ту же труппу въ оперѣ. Для исполненія оперной партіи надо имѣть и хорошій голосъ, и серьезное музыкальное образованіе; наши же артисты, за исключеніемъ развѣ одного г. Боброва, не имѣютъ ни того, ни другого. Съ 1-го іюля антрепренеръ г. Крыловъ рѣшилъ покинуть Новочеркасскъ и перевезти свою труппу на мѣсяць въ Екатеринодаръ и Поворосіискъ; къ намъ же овъ думаетъ пригласить на этотъ мѣсяць какою-либо изъ большихъ малорусскихъ труппъ г. Садовскаго или г. Саксаганскаго.

Островъ, Псковской губ. (отъ нашего корреспондента). У насъ уже лѣтъ десять существуетъ небольшой Кружокъ любителей драматическаго искусства. Въ прежнее время имъ устраивались публичные спектакли съ благотворительною цѣлью. Въ настоящее же время дѣйствія Кружка ограничались такъ называемыми «исполнительными вечерами», которые устраиваются въ помѣщеніи клуба и преимущественно для его членовъ. Репертуаръ этихъ вечеровъ держится большей частью на водевиляхъ. Забѣгаютъ къ намъ и профессиональные актеры, но довольно рѣдко.

Серпуховъ (отъ нашего корреспондента). Въ нашемъ городѣ, вотъ уже лѣтъ 30, время отъ времени, ежегодно, въ зимній сезонъ, собирается Кружокъ любителей и даетъ спектакли, въ помѣщеніи общественаго собранія, съ благотворительною цѣлью. За послѣдніе годы Кружокъ увеличился настолько, что стало необходимымъ его организовать на болѣе прочныхъ началахъ. Въ 1892 г. для Кружка исходатайствовано утвержденіе устава. Кружокъ давалъ свои спектакли въ общественномъ собраніи съ платою по 35 руб. по-спектакльно. Декорациі лѣса и занавѣсъ исполнены однимъ изъ любителей, учителемъ рисованія В. С. Ващенко, безвозмездно. Въ началѣ 93-го года распорядители, собравъ съ членовъ Кружка (которыхъ около 80-ти человекъ) взносы за годъ впередъ, выстроили свою сцену въ новомъ помѣщеніи. Первый спектакль состоялся 6-го февраля и далъ сборъ 184 р., а затѣмъ литературный вечеръ 7-го марта далъ 63 р. 35 к. и наконецъ 2-го апрѣля была поставлена комедія „Карьера“, которая дала сбору 71 р. 10 к. Теперь нашъ Кружокъ въ своемъ помѣщеніи имѣетъ хорошо обставленную сцену и декорациі. Залъ вмѣщаетъ 180 человекъ, и любителями сдается также и для пріѣзжихъ артистовъ, такъ какъ Кружокъ ставитъ только 6-ть спектаклей въ годъ и 24 субботнихъ вечера. Плата за помѣщеніе стоитъ Кружку 300 р. въ годъ. Въ отчетномъ 92—93 году Кружкомъ были поставлены: „Денежные тузы“, „Въ чужомъ пиру похмѣлье“, „На зыбкой почвѣ“ и „Фотографъ-любитель“. Изъ исполнителей выдѣлился Л. М. Редриковъ, М. Б. Астаховъ, А. С. Тихомировъ, Н. Н. Ващенко и А. С. Красовская. Всѣ члены Кружка по уставу раздѣляются на почетныхъ и исполнителей или дѣйствительныхъ. Почетныхъ членовъ одинъ, а дѣйствительныхъ 22, остальные же — члены посѣтители. Дѣйствительные члены вносятъ 3 р., а посѣтители мужчины 10 р. и дамы 5 р. въ годъ. Кружокъ, кромѣ спектак-

лей и литературныхъ вечеровъ, еще каждую субботу даетъ литературно-музыкальные вечера, съ платою для постороннихъ лицъ по 30 к. Вечера эти пока еще мало развились какъ въ музыкальномъ, такъ и литературномъ отношеніяхъ.

Таганрогъ (отъ нашего корреспондента). Таганрогъ, не смотря на солидное количество населенія (свыше 60 тыс.), — производитъ впечатлѣніе совершенно пустыннаго и мертваго города; когда цвѣтущій и богатый торговый центръ приазовскаго края, онъ представляетъ изъ себя теперь самый обыкновенный провинціальный городокъ, въ которомъ общественная жизнь и художественные интересы положительно отсутствуютъ. По старымъ традиціямъ здѣсь существуетъ еще тяготивнѣе къ оперѣ, и вообще къ музыкѣ (когда-то процвѣтала въ Таганрогѣ весьма хорошая итальянская опера), къ русскому же драматическому искусству населеніе этого интернаціональнаго города болѣе чѣмъ равнодушно; оно и не мудро, ибо населеніе города носитъ пестрый характеръ; его составляютъ по преимуществу греки, итальянцы, англичане, армяне, евреи и затѣмъ уже русскіе. Очень понятно, что всѣ эти преобладающія націи не интересуются русскимъ искусствомъ, да и къ тому же иностранцы эти заняты почти исключительно торговыми предпріятіями и спекуляціями. Поэтому ни одна труппа не оканчивала здѣсь зимняго сезона вполнѣ благополучно. Впрочемъ, Товариществу г. Любова прошлую зиму удалось, все-таки, свести концы съ концами, о чемъ въ свое время сообщалось въ *Артистѣ*. — Лѣтніе сезоны еще хуже. Въ маѣ, былъ всего одинъ концертъ г. Михайлова, Черпова и Корякина, артистовъ петербургской Императорской оперы. Программа была составлена довольно интересно. Сборъ былъ далеко не полный. Въ іюнѣ состоялся второй за все это время случайный спектакль Товарищества г. Никулина съ участіемъ гг. М. Петипа и Л. Петипа. Данъ былъ „Тартюфъ“. Черезъ два дня труппа сыграла „Свадьбу Фигаро“. Нельзя не порадоваться выбору этихъ пьесъ классическаго репертуара; но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ умолчать о томъ, что классическія пьесы всемирной литературы требуютъ болѣе внимательнаго къ себѣ отношенія и пріличной постановки. Къ сожалѣнію, ни того, ни другого не было въ исполненіи труппы г. Никулина. Мы не говоримъ уже о костюмахъ, декорациахъ и вообще обстановкѣ; все это, быть можетъ, трудно достигнимо въ провинціальномъ театрѣ, да еще при игрѣ „на-ѣздами“. Но уваженія къ *тексту* произведенія во всякомъ случаѣ требовать мы вправѣ. Намъ удалось видѣть „Свадьбу Фигаро“. Всѣ второстепенныя роли были сокращены, подогнаны лишь для антуража двухъ главныхъ ролей — Фигаро и Розины; но даже и эти двѣ „гастрольныя“ роли гг. Петипа были сильно сокращены и не очень-то твердо разучены. Г. Петипа игралъ монотонно и будто нехотя; г. Ягелловъ (судья) переигрывалъ до непопозволительнаго шаржа. Лучше всѣхъ были: г-жа Петипа, очень граціозно, мило и оживленно сыгравшая Розину, и г. Райчевъ — изображавшій доктора Бартоло. Объ остальныхъ исполнителяхъ умолчимъ. Третьимъ спектаклемъ должна была идти комедія Шекспира — „Укрощеніе строптивой“, но была замѣнена „Гувернеромъ“ Дьяченко. Роль Жоржа Дорси — лучшая роль репертуара г. Петипа и дѣйствительно исполняется имъ образцово. Въ матеріальномъ отношеніи всѣ три спектакля имѣли успѣхъ средний. Послѣ этихъ трехъ спектаклей, потревожившихъ мирный сонъ Таганрога, городъ, вѣроятно, не проснется до глубокой осени, до зимняго сезона...

Тифлисъ (отъ нашего корреспондента). Лѣт-

ний сезонъ у насъ въ полномъ разгарѣ. Въ Банковскомъ театрѣ идутъ гастролы пѣвицы г-жи Клеръ-Кордье, а въ Пушкинскомъ саду подвизается опереточная труппа съ г-жей Аптоповой во главѣ. Спектаклей г-жи Кордье было пока четыре: „Травиата“, „Кармень“, „Фаустъ“, „Риголетто“. Алсамбль Банковского театра оставляет желать многого. Въ „Риголетто“ дебютировалъ баритонъ г. Чабанъ, оказавшійся очень недурнымъ исполнителемъ какъ въ вокальномъ, такъ и въ сценическомъ отношеніяхъ. Хоры и оркестръ плохи до нельзя. На ряду съ оперой тифлисы имѣютъ возможность слушать весьма порядочную оперетку Пушкинскаго сада. Между отдѣльными персонажами выдаются г-жа Аптопова, гг. Мерисонъ и Панинъ. Публика почти вовсе не посѣщаетъ единственный пашъ лѣтвій садъ-театръ. На дняхъ состоялся 4-й и послѣдній концертъ молодого скрипача г. Налбандяпа (уч. проф. Ауэра); рѣдкая задушевность въ игрѣ и очень пріятный топъ смычка создали ему у насъ хорошій успѣхъ; но нельзя сказать про такой же успѣхъ въ матеріальномъ смыслѣ.

Царицынъ (отъ нашего корреспондента). Городъ пашъ обладаетъ до 40 т. населеніемъ, съ бюджетомъ 200 т., при двухъ гимназіяхъ и до десяти другихъ учебныхъ заведеній, но не имѣетъ театра! Нельзя назвать этимъ именемъ какой-то принадлежащій частному лицу сарай, въ которомъ даются представленія только въ лѣтнее время. Товарищество артистовъ подъ управленіемъ г. Бибина строго держится развѣнчанной программы и знакомитъ публику съ пьесами, имѣющими болѣе или менѣе художественный интересъ. Исполненіе пьесъ болѣе чѣмъ удовле-

творительно. Между тѣмъ сборами Товарищество похвалиться не можетъ, и какъ одна изъ причинъ этого несомнѣнно служитъ неудобство театра. При полномъ валомъ сборъ свыше 500 р., вечеровой въ среднемъ получается отъ 30—40 руб., только въ праздникъ сборы доходятъ до 200 р., при постановкѣ феерій. За прошлый мѣсяцъ, погасивъ расходъ содержателю театра вмѣстѣ съ музыкою и освѣщеніемъ 600 р. и др., отчисливъ въ эмеритальную кассу Товарищества 4⁰/₆, пришлось на руки получить по 5 коп. па марку. Представленія даются 4 раза въ недѣлю. Репертуаръ за истекшій мѣсяцъ былъ слѣдующій: „Безъ вины виноватые“, „Соколы и вороны“, „Цѣли“, „Бѣшеная деньги“, „На всякаго мудреца довольно простоты“, „Честь“, „Гибель Содома“, „Василиса Мелентьева“, „Чародѣйка“, „Вторая молодость“, „Расточитель“, „Сыщикъ“, „Гласный городской думы“, „Послѣдняя жертва“, „Велизарій“, „Керимъ Гирей“, „Дитя“, „На жизненномъ пиру“ и др. Численность труппы простирается свыше тридцати человекъ, при двухъ балеринахъ и одномъ балетмейстерѣ, участвующихъ въ фееріяхъ. Лучшими исполнителями въ труппѣ являются: Г-жи Вронская-Бориславская, Виноградская, Косицкая-Славянская, Гурьева, Гаевская; гг. Горинъ-Гульшинъ, Бибинъ, Виноградскій, Угрюмовъ-Прохоровъ, Тугановъ, Бориславскій и Пузипскій. Пользуются особымъ расположеніемъ публики: г-жа Вронская-Бориславская и г. Горинъ-Гульшинъ. Драма у насъ идетъ значительно лучше комедіи, водевили же исполняются плохо, за пемѣніемъ подходящаго персонала, такъ что ихъ стали замѣнять дивертисментами или балетомъ.

Сборы съ школы, эльдъ Eduard Frère'a.

Художественныя новости.

Рисунки А. А. Иванова, автора известной картины, „Явление Мессии народу“, находившиеся в распоряжении Пруссаго археологическаго института, который издалъ ихъ еще въ 1882 г., возвращены въ Румянцевскій музей. Теперь они хранятся въ кабинетѣ изящныхъ искусствъ и важнѣйшіе изъ нихъ въ скоромъ времени будутъ изданы въ фототипіяхъ въ печатающемся „Опытѣ биографіи Александра Андреевича Иванова“. Это изданіе будетъ напечатано всего въ 200 экземплярахъ. Кромѣ иллюстрацій къ Библии и къ Евангелію, въ альбомахъ Иванова имѣется еще нѣсколько довольно законченыхъ эскизовъ къ его картинамъ: „Братья Иосифа“, „Явленіе Христа Магдалипѣ“ и „Явленіе Мессіи“, а также эскизъ къ запрестольному образу въ храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ—„Воскресеніе Христова“, который остался неисполненнымъ и до сихъ поръ вовсе не былъ извѣстенъ, такъ какъ другихъ эскизовъ этой картины нѣтъ.

Въ **Петербурѣ**, послѣ годового отсутствія, пріѣхалъ А. А. Рицconi и привезъ съ собою изъ Рима массу новыхъ своихъ работъ, отличающихся топкостью исполненія.

Извѣстное собраніе картинъ и рисунковъ покойнаго банкира Зака купилъ за 130,000 р. владѣлецъ эстампнаго магазина г. Фельтенъ.

Академикъ скульптуры Бахъ дѣлать въ настоящее время статую „Спаситель благословляетъ всѣхъ, обращающихся къ Нему труждающихся и обремененныхъ“. Спаситель изображенъ стоящимъ. Высота фигуры 4 арш.

9-го іюня въ Петергофѣ скончался бывшій конференцъ-секретарь Императорской академіи художествъ и директоръ канцеляріи по управленію всѣми дѣтскими пріютами, т. с. *Дмитрій Ивановичъ Ребезовъ*. Онъ получилъ образованіе въ академіи художествъ. Его слишкомъ пятидесятилѣтняя служба началась 12-го марта 1832 года въ департаментѣ государственнаго хозяйства. Затѣмъ Д. П. Ребезовъ послѣдовательно состоялъ на службѣ въ комиссаріатскомъ департаментѣ морскаго министерства, въ контролѣ министерства государственныхъ имуществъ, былъ ярославскимъ окружнымъ начальникомъ и чиновникомъ особыхъ порученій при ярославскомъ губернаторѣ. 14-го декабря 1859 г. онъ былъ причисленъ для особыхъ порученій къ министерству Императорскаго Двора, гдѣ на него возлагались, между прочимъ, такія порученія, какъ обревизованіе хозяйственной части московскихъ театровъ и академіи художествъ, составленіе, совмѣстно съ другими лицами, сборника дѣйствующихъ постановленій министерства Императорскаго Двора. Въ мартѣ 1865 онъ занялъ должность конференцъ-секретаря академіи художествъ и чрезъ два года оставилъ ее. Замѣстителемъ его былъ г. Песевъ. Въ 1869 г. Д. П. былъ назначенъ помощникомъ директоръ канцеляріи по управленію всѣми дѣтскими прі-

ютами, а въ 1877 году, въ чинѣ д. с. совѣтника, былъ назначенъ директоромъ той-же канцеляріи. Будучи конференцъ-секретаремъ академіи художествъ, онъ немало потрудился надъ перестройкой главнаго академическаго зданія, и между прочимъ—залъ для академическихъ галлерей, бібліотеки, конференціи, церкви, а также помѣщенія для древне-христіанскаго музея. При его участіи организовалъ былъ отдѣлъ русской живописи для всемірной парижской выставкы, а также вполне удавшаяся выставка этого отдѣла въ Петербургѣ, до отсылки его въ Парижъ. Временно завѣдуя дѣлами и хозяйствомъ мозаическаго заведенія, Д. П. направилъ на эту всемірную выставку такіе образцы пашей мозаики, которые заслужили похвалу на международномъ судѣ. Академія художествъ 4-го сентября 1866 г. избрала его своимъ почетнымъ вольнымъ общникомъ. Въ послѣдніе годы Д. П. состоялъ почетнымъ попечителемъ петергофской прогимназіи Императора Александра П. 12-го іюня, въ Петергофѣ, въ улапской церкви св. Петра и Павла, состоялся обрядъ отпѣванія тѣла покойнаго Д. П. Ребезова. На гробъ его возложенъ былъ вѣнокъ отъ учащихся и учащихся петергофской прогимназіи.

Варшава. *Общество поощренія художествъ.* На выставкѣ слабо была представлена собственно—живопись, но зато гораздо полнѣе и богаче архитектура и скульптура. Особеннымъ успѣхомъ пользовались особо-выставленныя работы недавно, такъ безвременно, умершей художницы Анны Билінской. Портретъ ея работы на парижской выставкѣ награжденъ золотой медалью. За послѣднее время художница занялась пейзажемъ, исключительно почти моремъ, и достигла здѣсь большихъ успѣховъ. Вѣдомъ ея работъ въ этомъ родѣ надо признать „Ожиданіе“. На темномъ фонѣ неба и моря рѣзко обрисовывается фигура челоуѣка, наклонившагося и жадно глядящаго впередъ въ необъятную даль.—Хороши картины: Брандта,—„Возвращеніе казаковъ съ набѣга“, знакома уже читателямъ „Артиста“, по отзыву о прошлагодной академической выставкѣ въ Петербургѣ; „Предъ разсвѣтомъ“ г. Хелмонскаго, „Пригородъ“ г. А. Рапацкаго и два портрета г. Ад. Бадовскаго.

Въ **Антверпенѣ** открылась выставка аквареллюстовъ.

Изъ Базеля 12 марта начало свое путешествіе **Общество швейцарскихъ художниковъ**. Оно предполагаетъ объѣхать: Шаффгаузенъ, Цюрихъ, Кларусъ, Констанцъ, Бернъ и 23 октября закончить путешествіе въ С. Галенъ. Изъ немногихъ аквареллей обращаетъ на себя вниманіе „Хоровое пѣніе“ Хоузе Белліура; хороши статуэтки Мазучелли изъ Милана.

Открывшаяся 14 мая п. с. **Берлинская** художественная выставка закроется не въ первыхъ числахъ августа, какъ предполагалось раньше, а только 17 сентября.

Въ Берлинѣ на художественной выставкѣ въ настоящее время привлекаетъ вниманіе тенденціозная картина Шершевскаго, по происхожденію русскаго, но воспитавшагося и живущаго въ Мюнхенѣ. Картина пазывается „Auf dem Wege nach Sibirien“ и представляетъ сцену въ одной изъ пересыльных тюремъ въ Сибири. Подчеркнутое угнетенное состояніе арестантовъ и звѣрское отношеніе къ нимъ караульныхъ солдатъ производятъ сепсацію. Но во всемъ этомъ пѣтъ той правды, какая свѣтится въ разсказахъ Достоевскаго изъ „Мертваго дома“ и ясно чувствуется фальшь въ современно-германскомъ духѣ.

Въ Берлинѣ открылась, наконецъ, „выставка забракованныхъ художниковъ“, т. е. тѣхъ, картины которыхъ не приняты были на текущую художественную выставку. Всѣхъ картинъ и статуй около 400. Больше всего публика останавливается на „восточныхъ сценахъ“ художника Мекеля, недавнее самоубійство котораго вызвало большую сепсацію. Покойный много путешествовалъ, особенно по Востоку. Родился онъ въ Берлинѣ, но студию имѣлъ въ Карлсруэ. Затѣмъ останавливается передъ копною статуей Вильгельма I, работы Клейпа, тоже отвергнутой академическимъ жури, несмотря на премію, которой она въ прошломъ году удостоилась. Отмѣтимъ также картину извѣстнаго шведскаго поэта Стриндберга — морской пейзажъ, написанную въ импрессионистскомъ духѣ.

Въ Брюсселѣ, согласно королевскому указу, въ августѣ этого года откроется большая международная выставка картинъ всѣхъ еще находящихся въ живыхъ художниковъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ и подвѣдомственная ему учрежденія озабочены о привлеченіи возможно большаго числа экспонентовъ.

На 22-ой **Вѣнской ежегодной выставкѣ**, Леопольдъ Горовицъ выставилъ два превосходныхъ портрета: Франца Пульшкаго и князя Лобанова; изъ четырехъ портретовъ вѣнскаго художника Каз. Похвальскаго особенно выдѣляется портретъ князя Чарторыйскаго. Карлъ Марръ выставилъ великолѣпный портретъ своего отца. Бензуръ нарисовалъ припадъ Фердинанда Кобургскаго, блестящая, но больше эффектная, чѣмъ живая вещь. Затѣмъ идутъ: Эжеспъ Блазъ, Карлъ Бенпевицъ, фонъ Ледгенъ и др. портретисты. Людвигъ Деттманъ выставилъ свой триптихъ (тройной складень) „Рождественская почъ“, возбудившій много толковъ. На лѣвой части картины представлены замкнутые врата рая и передъ ними змѣй-искуситель. По срединѣ ладшафтъ: воздухъ полонъ голубовато-фіолетовыхъ ангеловъ, призывающихъ толпу пастуховъ для поклоненія, къ центральному на полотнѣ, яслямъ, гдѣ покоится Младенецъ Спаситель. На правой сторонѣ представлена мрачная Голгоа, при чемъ лучи угасающей зари напоминаютъ цвѣтъ крови. Кромѣ того выдѣляются: картины Гольца: „Порывъ творчества“, жапровыя сцены „На вокзалѣ“ Брюта; Тигамера фонъ Маргитай „Первый вексель“ сцена изъ жизни венгерскаго дворянства; „Инвалиды за пашками“ Фридлелера и др.

Дублинскій музей приобрѣлъ: „Вѣчаніе Дѣвы“ Карпачіо „Toyseller“ Вильяма Мплъреди, художника прошлаго вѣка, и 4 превосходныхъ рисунка Калто.

Въ **Дюссельдорфѣ** проф. Петръ Япсенъ окончилъ большую картину „Эпизодъ изъ битвы при Воррингенѣ, 5 іюня 1288 г.“ Крестьяне деревенки при рѣкѣ Дюссель (Dorf an der Düssel) помогли графу Адольфу фонъ Бергъ и послѣдній въ благодарность даровалъ деревнѣ права города. Битва при Воррингенѣ рѣшила борьбу за Лимбургское пслѣдство. Разгаръ древняго скапдинаво-герман-

скаго рукопашнаго боя очень ярко выражёнъ художникомъ.

Въ **Кельнѣ** распродалась 5 и 6 іюля п. с. у I. Геберле богатая коллекція картинъ, наслѣдство послѣ умершей рейхсграфини, фонъ Анрепъ-Эльмптъ. Вотъ болѣе значительныя изъ именъ: Айвазовскій, Галле, Е. I. Вербекгофэнъ; Вилимъ Санъ Эльстъ, Питеръ де Гохъ, Ф. Боль, Якобъ Геррицъ-Гипъ, Г. Гольбейнъ Ст.; Францъ фонъ Міерисъ Ст., П. Мипляръ, К. Нетшеръ, А. Ванъ Остаде, Д. Рибейра; Сальваторъ Роза, Дав. Теньеръ и Вуверманъ. У Геберле же распродался коллекція покойнаго главнаго врача д-ра Гэке, по большей части, старинныхъ мастеровъ, какъ-то: Ж. Асселина, Р. Бракенбурга, А. Броуера, П. Клеза, Ал. ванъ Эвердингева, I. ванъ Гойсна, Ф. Міериса Мл.; П. Молина, А. Паламедеса; Корнелия де Во, I. Уикса, Ад. ванъ деръ Вервъ.

Бембриджскій Фиц-Вилліама Музей обогатился старинной картиной Сіенскаго художника XIV ст., „Голова Христа“, взятой изъ церкви въ окрестностяхъ Перузы, и другими.

Миланъ. Для открытія международной выставки каррикатуры и комикографическаго искусства ждуть только отвѣтовъ на разосланные во всѣ страны нрпгашенія участвовать въ выставкѣ.

Въ **Мюнхенскомъ** Королевскомъ Хрустальномъ дворцѣ устраивается выставка всѣхъ матеріаловъ и пособій для рисованія въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Историческое развитіе и современное состояніе красокъ со всѣми ихъ особенностями и недостатками, равно и всѣхъ другихъ техническихъ приспособленій для живописи будетъ здѣсь показано паглядно. Знатокъ и практикъ въ этомъ дѣлѣ Лепбахъ ознакомитъ желающихъ съ результатами своихъ долгодѣтнихъ опытовъ.

Выставленный у Неймапа въ Мюнхенѣ Фавретто: „Венеціанскій продавецъ картинъ“ куплець королевской Пинакоотеки.

Въ началѣ іюля скончался пзвѣстный германскій художникъ **Ю. Шольцъ**. Покойный родился въ 1825 г. въ Вроцлавѣ и художественное образованіе получилъ въ Дрезденѣ и Антверпенѣ.

Портретистъ **Отто Кауфманъ** скончался въ своей мастерской отъ разрыва сердца.

Въ **Парижѣ** на считываются слѣдующія выставки: Salon aux Champs Elisée, Salon aux Champs de Mars, les Independants, l'Union Artistique, l'Epantant, la Cercle Volnay, les Inquiets, les Femmes peintres et Sculpteurs, les Parisiens de Paris, les Aquarellists, les Pastellists, le Blanche et Noir, le Salon de la Rose Croix, l'Exposition de l'atelier Cormon, Plume et Poil, les Impressionistes, les Pointellists, les Peintres et Sculpteurs des chevaux, l'Union Liberal—итого 19, не считая разныхъ маленкихъ выставокъ. Аукціонъ произведеній Мейсопье, составляющихъ его художественное наслѣдство, далъ въ общемъ итогъ 2.216.101 франкъ. „Граверъ на мѣди“ пошелъ за 272.100 ф.; „Генералъ Шампионъ“ за 21.200 фр.; „Солдатъ 1-й Республики“ за 11.500 фр.; „Трубачь 1807 года“ за 17.500 ф.; „Маршалъ Ланпъ“ и „Bessieres“— по 50.000 ф. и т. д. Акварели и рисунки дали всего—475.416 фр.; изъ нихъ „Проводникъ“ пошелъ за 58 000 франкъ.; „Испанскій драгунъ“ за 38.005 ф. и т. д. Часть сбора съ продажи обращена сыповьями Мейсопье на благотворительныя цѣли.

Въ Парижѣ открылась выставка портретовъ и бюстовъ литературныхъ и газетныхъ знаменитостей.

Société des artistes litographes français устроило въ Парижѣ выставку покойнаго живописца Шарлэ, специалиста по изображенію военнаго быта.

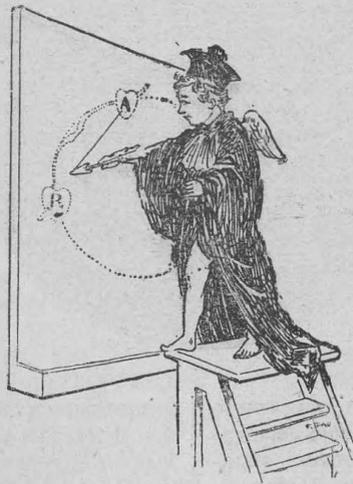
Въ августѣ откроется въ Парижѣ выставка му-

сульмалскаго искусства. Среди экспонентов называют художников ориенталистов прежних: Лепранса, Лютара, дю-Тертра и новейших: Делакруа, Декана, Марилья.

На выставкѣ въ **Прагѣ** Венцель Брожекъ на этотъ разъ далъ жанровыя картины. Полная жизни и богатая техникой его „Испанка“ отличается колоритностью и отдѣлкой. Миниатюры „Курильщикъ“, „Голландскій прокуроръ“ и „Пьющій“ — очень удачныя работы виртуоза по этой части — Ондричека. Габріель Максъ выставилъ небольшую, но прекрасную работу „Голова Мадонны“. Реальная, полная свѣта и воздуха картина Зохора „Въ полѣ“ привлекаетъ общее вниманіе. Оскаръ Рексъ и Іозефъ Ролечекъ — выставили тоже нѣсколько жанровъ. Многіе художники, какъ Бартошекъ, Карлъ Тума и др. — взяли сюжеты изъ деревенской жизни. „Видѣніе“ І. Гретша, иллюстрирующее одно чешское народное сказаніе, очень поэтичная, но мало понятная для зрителя картина. „Трое“ Рудольфа Оттенфельда картина въ томъ же родѣ, но врѣзанный въ раму стихъ изъ баллады Ленау поясняетъ ее немного. Изъ ландшафтовъ первыми идутъ марины Б. Кнюпфера, лѣсные виды К. Либшера, а за ними Главачекъ, Ярославъ Везинъ и А. Кохъ. Картины Грипенкерля въ античномъ духѣ и Рота „Павзіасъ и Гликера“ очень не дурны. Выдѣляются, кромѣ того: Шрама — „Возвращеніе Максимліана I въ

Гентъ“, Похвальскаго — два портрета, и ландшафты Р. Губера, Р. Русса и А. Шеффера. Великія картины выставлены белгійцемъ Ф. Куртенсомъ, нидерландскимъ художникомъ Лео ванъ-Акеномъ и Р. Стортебекеромъ; очень хороша картина „Вечеромъ“ Шарля Эд. Фрера, сцена изъ жизни земледѣльца, полная захватывающаго впечатлѣнія. Изъ парижскихъ мастеровъ выдѣляется К. Дюранъ своимъ „Blue Boy“ („Мальчикъ въ синемъ“) излюбленной художникомъ симфоніей красокъ въ томъ же цвѣтѣ „pour épater le bourgeois!“ какъ говорить художникъ. Спокойнѣе и глубже по впечатлѣнію П. Сайэ „Въ кузницѣ“. Изъ нѣмецкой живописи нѣтъ ничего выдающагося.

Восьмая выставка произведеній **римскаго Общества** художниковъ „In arte libertas“ состоялась, по обыкновенію, въ мартѣ мѣсяцѣ въ павильонѣ Палаццо Колона, предоставленнаго въ распоряженіе художниковъ владѣльцемъ княземъ Авелла. На этотъ разъ выставка не отличалась блескомъ и повизною. Джузеппе Челлини выставилъ „Дуэро близъ Оппорто“, видъ рѣки съ мирно стоящими на якорѣ судами; Карневали „Весенній вечеръ“; Наполеоне Паризани далъ недурной „Видъ съ Петушо“; Карланди, Калемавъ и Сарторусъ выставили новые недурные ландшафты Кампаньи. Мрачная по колориту, но полная силы картина Джузеппе Раджіо, „Очистка болота быками“, и „На берегу Тибра“ Винч. Кабианка очень не дурны.

И. Н. Ге.

Въ ночь на 30-е іюня въ Кіевѣ скончался отъ разрыва сердца нашъ сотрудникъ *Иванъ Николаевичъ Ге*. Покойный происходилъ изъ почтенной дворянской семьи и родился въ Подольской губерніи, гдѣ было имѣніе его родителей. И. Н. былъ французскаго происхожденія. По словамъ покойнаго, семья ихъ состояла въ родствѣ съ Бальзакомъ и съ писательницей Софіей Ге

(Gay). Въ Россіи изъ семьи Ге, кромѣ знаменитаго художника И. Н. и покойнаго И. Н., вышли многіе полезныя дѣятели театральнаго искусства. По полученіи образованія въ среднеучебномъ заведеніи, И. Н. поступилъ на военную службу и былъ произведенъ въ офицеры въ одинъ изъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, гдѣ занимался сельскимъ хозяйствомъ, а годъ черезъ три послѣ того переѣхалъ въ Одессу, гдѣ занялся дѣломъ по экспорту за границу. Но въ одинъ день пожаръ уничтожилъ все его имущество и И. Н. остался безъ всякихъ средствъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ И. Н. посвятилъ себя литературѣ и началъ работать во многихъ журналахъ и газетахъ, помѣщалъ свои рецензіи въ „Голосѣ“, писалъ повѣсти, рассказы. Написанныя имъ драмы, комедіи и водевили и теперь еще даются на нашихъ сценахъ. Изъ московскихъ изданій И. Н. Ге, кромѣ нашего журнала, сотрудничалъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ появилась его статья „О Шекспирѣ“, въ „Московской Газетѣ“, въ „Новостяхъ Дня“. Въ послѣднее время покойный страдалъ астмой и сердцебіеніемъ и скончался на 52-мъ году жизни, оставивъ жену и троихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ.—И. Н. былъ большимъ знатокомъ сцены, и пьесы его всегда отличались сценичностью. У него были несомнѣныя режиссерскія способности, благодаря чему пьесы его сочиненія обыкновенно мастерски, съ боль-

шимъ ансамблемъ разыгрывались. Его хорошо зналъ весь театральнй міръ. Его всѣ знали и всѣ любили. Это былъ душевный, отзывчивый человѣкъ.

Въ Одессѣ и Кіевѣ, въ періодъ съ 1887 по 1890 годъ, онъ занимался преподаваніемъ лекціи, открывалъ даже драматическіе курсы и одно время режиссировалъ одесскимъ драматическимъ Кружкомъ.

Любовь къ искусству, особенно къ театру, была отличительной чертой покойнаго. Передѣлокъ для сцены и пьесы, написанныхъ покойнымъ единолично или въ сотрудничествѣ, имѣется не меньше 25.

Особенно было дорого въ покойномъ его доброта и добродушіе, его готовность всегда и во всякое время помочь, чѣмъ только возможно, не только товарищу, но и постороннему человѣку. Онъ постоянно о комънибудь и для кого-нибудь хлопоталъ, даже въ такія минуты, когда больше всего ему слѣдовало бы похлопотать о самомъ себѣ. Сколько пугающихся онъ поддерживалъ, сколько молодыхъ писателей выдвинулъ, сколько артистовъ обязаны ему своимъ успѣхомъ! Это былъ человѣкъ благородный сердцемъ и рѣдкой душевной добротой! И. Н. съ самаго начала изда-

нія нашего журнала выказывалъ живѣйшій интересъ къ нему. Въ И. Н. „Артистъ“ потерялъ искренняго и преданнаго друга.—Чтобы придти на помощь семьѣ И. Н., оставшейся безъ всякихъ средствъ, мы охотно присоединяемся къ мысли изданія въ ея пользу особаго сборника и обращаемся къ нашимъ сотрудникамъ съ приглашеніемъ откликнуться на нашъ призывъ почтить память покойнаго И. Н., столь много потрудившагося для дѣла русскаго театра, и придти на помощь его семьѣ. Мы получили уже заявленіе отъ И. А. Салова о его желаніи принять участіе въ сборникѣ имени И. Н.

Х р о н и к а.

МОСКВА.

Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала будетъ напечатанъ переводъ, обратившей на себя большое вниманіе за-границей, драмы молодого писателя Макса Гальбе „Jugend“ („Юность“).

Мы слышали, что прослужившая одинъ сезонъ на сценѣ Александринскаго театра, актриса г-жа Тираспольская въ началѣ осенняго сезона будетъ дебютировать на сценѣ пажего Малаго театра въ комедіяхъ „Надо разводиться“ и „Женитьба Бѣлугина“. Въ Малый театръ переведены изъ Александринскаго, кончившіе въ 1892 г. курсъ московскаго театральнаго училища, г-жа Островская и г. Корсакъ.

Помѣщеніе прошлогодней электрической выставки заново и со вкусомъ отдѣлано и превратилось въ увеселительный садъ „Чикаго“. Онъ открылся 1 июля, и въ его театрѣ подвизается русская опера. Не смотря на дожди первыхъ июльскихъ вечеровъ, лѣтнюю оперу посѣщали хорошо. Главная тому причина, конечно, въ симпатіи, какую москвичи питаютъ къ антрепризѣ неутомимаго г. Лентовскаго (въ день открытія публика сдѣлала ему самую шумную овацію). Въ настоящемъ бѣгломъ отчетѣ мы коснемся лишь первыхъ двѣнадцати спектаклей. Репертуаръ вертѣлся, главнымъ образомъ, на „Трубадуръ“, „Риголетто“ и „Кармэнъ“, причемъ обѣ оперы Верди шли по три раза, а опера Бизе дана пять разъ. Словомъ, культивировались пока иностранные авторы, и русскую музыку вспомнили только разъ, когда наполнили вечеръ 4 июля отрывками изъ „Жизни за Царя“ и „Русалки“. Практика прежнихъ частныхъ оперныхъ антрепризъ въ Москвѣ достаточно уже выяснила вопросъ о репертуарахъ: только то на частной сценѣ имѣетъ дѣйствительный и прочный успѣхъ, что ново, или что, по крайней мѣрѣ, не входитъ въ репертуаръ Большаго театра и не претендуетъ на непосильную конкуренцію съ богатствомъ его обстановки и роскошью его хоровыхъ и оркестровыхъ средствъ. Все это, разумѣется, не безызвѣстно такому опытному антрепренеру, какъ г. Лентовскій; а потому прямо объявляемъ репертуаръ первыхъ 12 дней жизни „Чикаго“ не установившимся. Онъ, безъ сомнѣнія, блеснетъ новинками; если же пока пробавляется тѣмъ, что большинство публики знаетъ наизусть, то дѣлаетъ это единственно изъ любезности къ артистамъ, помогаая имъ выступать на новомъ мѣстѣ въ ихъ любимыхъ партіяхъ. При повтореніяхъ той же оперы составъ исполнителей, большею частью, мѣнялся, что до извѣстной степени сообщало спектаклямъ интересъ, но и наводитъ на двоякія соображенія: или труша „Чикаго“ очень велика и изобилуетъ дублерами (соображеніе, всегда имѣющее рядомъ съ собою страхъ за средства антрепризы—опер-

ные пѣвцы очень дорого оплачиваются), или и по отношенію къ персоналу пѣвицъ и пѣвцовъ въ „Чикаго“ не все еще установилось и выяснилось (одни артисты попоютъ, да и уйдутъ для того, чтобы смѣниться другими, вновь приглашенными). На послѣднемъ соображеніи приходится, пожалуй, остановиться прочтѣе, въ виду недостаточности ансамбля въ спектакляхъ „чикагской“ оперы. На пемъ, впрочемъ, лежитъ отпечатокъ спѣшности ренетцій. Особенно чувствуется она въ оркестрѣ, исполненіе котораго небрежно и пестритъ промахами почти корректурнаго значенія, несмотря на то, что за дирижерскимъ пультомъ мы тамъ видѣли гг. Эспозито и Шимана, людей съ несомнѣнными знаніями, опытностью, способныхъ, музыкальныхъ, хорошо чувствующихъ темпъ. Хоры, впрочемъ, разученные г. Шиманомъ, тверже оркестра.

Подробно разматривать труппу „Чикаго“ не будемъ; она почти сплошь состоитъ изъ именъ, знакомыхъ Москвѣ или по Большому театру, или по оперѣ г. Прянишникова. Кто не знаетъ покипущихъ съ этой весны казенную сцену г-жъ Дворецъ, Караффа, а тѣмъ болѣе г. Преображенскаго? И, понятно, когда уже обѣ названныя пѣвицы имѣли съ переселеніемъ въ „Чикаго“ нѣкоторый успѣхъ, то любимецъ-теноръ вызвалъ здѣсь фуроръ въ роли Манрико. Г-жа Караффа спѣла Азучену и Кармэнъ и, если не была типична, то во всякомъ случаѣ старалась сдѣлать все возможное. Г-жа Бруно (Леонора, Антонида, Микаэла)—такая же добросовѣстная, опытная работница безъ устали. Неизмѣнно надеженъ нашъ старый знакомецъ, музыкальный г. Фюреръ. Красивый голосъ и красивое пѣніе у г-жи Негринъ-Шмидтъ (Микаэла, Джильда); г-жа Андреева-Вергина (другая Джильда), хотя по всему и уступаетъ ей, но тоже пользуется заслуженнымъ успѣхомъ. Очень любятъ г. Гончарова (Эскамилло) и его молодой металлическій баритонъ. Г. Давѣрина-Кравченко принимаютъ тоже хорошо: онъ талантливѣе обоихъ другихъ Хозэ—гг. Гарденина и Богатырева, изъ которыхъ первый—недурной тенорикъ, повидимому, совсѣмъ еще въ началѣ карьеры, а второй—давнишній пѣвецъ съ когда-то великолѣпнымъ могучимъ голосомъ, лишній разъ теперь доказывающій, что онъ подходитъ къ такимъ партіямъ какъ Сабининъ, но что „герцогъ“ и вообще роли, требующія топкаго изящества и пѣжной выразительности, совершенно не въ его средствахъ. Не болѣе какъ посредствененъ „герцогъ“—г. Сачинари, пентальянецъ, все еще не могущій разстаться съ птальянскимъ языкомъ въ русскихъ спектакляхъ. Изъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ въ Москвѣ укажемъ на г. Островидова (Сусанинъ), отличнаго, по нѣсколько форсирующаго и ферматололюбиваго баса, на г. Мамина („князь“ въ „Русалкѣ“) недурного, но уже поблекшаго тенора съ вульгарно открытой манерой пѣнія, на г-жу Левицкую, та-

лантивую Мадалену („Риголетто“) съ голосомъ, умѣньемъ и огонькомъ, на г-жъ Джульяни и Верховскую, милые, свѣжіе голоса которыхъ производятъ очень пріятное впечатлѣніе въ партіяхъ двухъ подругъ Карманъ, и наконецъ на г. Миллера. О немъ скажемъ нѣсколько болѣе: онъ особаго вниманія стоитъ. Опъ учился въ филармоническомъ училищѣ у г. Николаева, въ качествѣ тенора; въ качествѣ же такового участвовалъ въ маленькихъ партіяхъ частной оперы г. Мамонтова и затѣмъ ухъхалъ совершенствоваться въ Италію, гдѣ даже разъ выступилъ съ успѣхомъ въ первоклассномъ миланскомъ театрѣ „La Scala“ въ отвѣтственной партіи Лоэнгрипа. Но въ самое послѣднее время г. Миллеръ заболѣлъ и, выздоровѣвъ, почувствовалъ, что голосъ его понизился и изъ тенора перешелъ въ баритонъ. Вотъ почему бывший Лоэнгринъ поетъ теперь въ „Чикаго“ графа Луну, Риголетто и Эскамилю. Послѣдняя партія ему низка, да и вообще его баритонъ не характеренъ. Но, во всякомъ случаѣ, это голосъ очень пріятный, хорошо обработанный, къ тому-же г. Миллеръ фразируетъ ярко и музыкально, дикція его безупречна и пѣвіе его, если не въ мѣстахъ, требующихъ звуковой силы по преимуществу, то во всѣхъ широкихъ cantabile и речитативахъ, толко отдѣлано, прочувствовано и производитъ цѣльное, законченное и даже трогательное впечатлѣніе. Актеръ г. Миллеръ почти такой же талантливый, какъ и пѣвецъ. Успѣхъ онъ имѣетъ большой.

За время отъ 13 до 20 іюля въ оперный репертуаръ включены „Фаустъ“ и „Паяцы“. Обѣ Маргариты, г-жи Бруно и Негриш-Шмидтъ, были болѣе, чѣмъ приличны. Ни по пѣнію, ни по внѣшности г-жу Шлотвицкую нельзя назвать удачнымъ Зибелемъ. Г. Богатыревъ грубъ для партіи Фауста. Г. Гончаровъ (Валентинъ) и г. Фюреръ (Мефистофель) выдѣлялись—первый свѣжестью голосовыхъ средствъ, второй музыкальностью, опытностью и примѣрной добросовѣстностью. По спектаклямъ у г. Прянишникова и отчасти въ саду „Эрмитажъ“ большинство исполнителей оперы Леонкавалло въ „Чикаго“ москвичамъ знакомы. Обходя поэтому г-жу Бруно (Недду), гг. Давѣрина-Кравченко (Каніо) и Гончарова (Сильвіо), скажемъ лишь о г. Раевскомъ (Пеппе) и г. Миллерѣ (Тоніо). Первый мило поетъ свою серенаду; второй еще разъ доказалъ, что опъ артистъ съ талантомъ, умомъ и нервами. Обѣ оперы, какъ и всѣ оперные спектакли въ „Чикаго“ за послѣднее время, шли подъ управленіемъ г. Шимана. Очевидная спѣшность постановки неблагоприятно отозвалась на ихъ ансамблѣ. На мѣсто ушедшаго г. Эспозито приглашенъ г. Труффи. Одновременно съ „Паяцами“ ставили сцену изъ „Жизни за Царя“: Суанина съ успѣхомъ изображалъ г. Островидовъ.

Вечеръ 18 іюля ознаменовался уклоненіемъ отъ оперы къ опереткѣ: давали „Корневильскія колокола“ съ г-жами Зельвей, Джульяни, гг. Максимовымъ, Раевскимъ, Фаваръ, Леонидовымъ и Тарховымъ, при капельмейстерѣ г. Вивенѣ. Хорошъ былъ собственно одинъ г. Фаваръ (маркизь).

Кончаемъ нашу замѣтку сожалѣніемъ новому дѣлу г. Лентовскаго развиваться и крѣпнуть. При болѣе выяснившейся фizioноміи репертуара, при болѣе устойчивости персонала и меньшей спѣшности репетицій, опера „Чикаго“ можетъ рассчитывать на сочувствіе публики и утвердиться въ Москвѣ прочно.

К. В. С.

Симфоническіе и общедоступные концерты въ „Зоологическомъ саду“ посѣщались со второй половины іюня очень усердно. Г. Буллерьяномъ продирижированы слѣдующія симфоніи: „Въ лѣсу“ и

„Ленора“—Раффа, „шотландская“ (№ 3) — Мендельсона, *пятая*—Бетховена, *ромѣтическая*—Гамерика. Изъ болѣе интересныхъ пьесъ другихъ формъ, назовемъ *третью* „Леонору“ Бетховена, „Камарпскую“ Глипки, увертюру „Ромео и Джульетта“ г. Чайковскаго и сюиту г. Безекирскаго. Все это блестяще проведено талантливымъ дирижеромъ, завоевавшимъ себѣ прочныя симпатіи москвичей. Съ цѣлью нѣсколько оживить эти до сихъ поръ исключительно оркестровые концерты, ихъ администрація рѣшила привлечь къ участию и солистовъ разнаго рода. На этомъ основаніи въ концертахъ г. Буллерьяна уже выступали, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, г-жи Бруно, Лаубъ, гг. Гончаровъ, Островидовъ и др.

Музыкальные вечера въ ротондѣ „Сокольничьяго круга“ продолжали все время пользоваться большимъ успѣхомъ. До 16 іюля дано *восемь* вечеровъ. Въ *четвертомъ* (18 іюня) г. Арендсъ продирижировалъ увертюрой „Эгмонтъ“—Бетховена (была повторена), „кroatскими“ танцами—г. Ильинскаго, неоконченной симфоніей (h-moll)—Шуберта и маршемъ изъ „алжирской“ сюиты Сенъ-Санса. Солистами явились г-жи Чарлоне (наши извѣстные виртуозки на арфахъ) и пѣвецъ—г. Калпкстъ (изъ Парижа). Это—баритонъ средней силы и мало пріятнаго тембра. Особеннымъ умѣньемъ артистъ тоже похвалиться не можетъ. Сообразно съ тѣмъ и успѣхъ его не былъ великъ. Очень интересенъ былъ *пятый* вечеръ 25 іюня: у оркестра—мейер беровская увертюра „Струнзе“ и „испанское“ каприччио г. Римскаго-Корсакова; солисты—г. Соколовъ (бывшій артистъ Императорской московской оперы) и г-жа Лентовская (пianistka, талантливая ученица г. Шостаковскаго). Г. Соколова очень дружно принимали послѣ отличнаго исполненія арій изъ „Бала-маскарада“, „Тангейзера“ и „Князя Игоря“; г-жа Лентовская, отчетливо и музыкально исполнившая вариаци Шопена (op. 12), очень понравилась.—Въ программу *шестого* вечера (2 іюля) вошли—увертюра къ „Эврипидъ“ Вебера, сюита *miniature* г. Кюн, „Иванъ Грозный“ г. Рубинштейна и „Аррагонская хота“ Глипки. Солистой была г-жа Бруно.—Въ *седьмомъ* вечерѣ выступили двѣ солистки: pianistka г-жа Шервинская и оперная артистка г-жа Соколова-Фрѣлихъ. Г-жа Шервинская (бывшая ученица г. Пабста) съ виртуознымъ блескомъ, но торопливо недостаточно выдержанно сыграла фортепианный концертъ (A-dur) Гиллера, вальсъ Штрауса-Гольдштейна, „Жаворонокъ“ Глипки-Балакирева и, лучше всего (на bis),—мазурку Лешетицкаго; г-жа Соколова-Фрѣлихъ выказала большой, очень красивый по тембру голосъ и вполне развившееся умѣнье въ третьей пѣснѣ Леля изъ „Слѣгурочки“ г. Римскаго-Корсакова и цѣломъ рядѣ романсовъ Даргомыжскаго, Лассена и др. Обѣ артпетки имѣли выдающійся, заслуженный успѣхъ, какъ и исполненныя оркестромъ увертюра къ „Свадьбѣ Фигаро“, „гимнъ св. Цециліи“ Гуно и сюита „Щелкунчикъ“ г. Чайковскаго.—*Восьмой* вечеръ (16 іюля) г. Арендсъ освятилъ „Ромео и Джульеттѣ“ г. Чайковскаго, „малороссійскому казачку“ г. Панравника и „легендѣ“ собственнаго сочиненія и дѣлилъ успѣхъ съ г-жей Ратмировой (ученицей г. Кедрина), весьма опрятно спѣвшей трудную арію изъ „Нормы“ („Casta diva“) и еще того лучше романсъ Давыдова и болеро Дессауэра, и скрипачомъ г. Ю. Конюсомъ, который въ *четвертомъ* концертѣ Вьетана, „элегіи“ Эрнета, *Culabrese* Баццини и сыгранныхъ на bis венгерскомъ танцѣ Брамса и *andante* г. Чайковскаго, щегольнула, хотя и нѣсколько холодной, но изящной и безупречно чистой игрой.

Въ театрѣ **Фантазія** съ большимъ успѣхомъ прошелъ новый большой балетъ „Золотой вуаль“, въ которомъ впервые выступила въ роли Ниди, прима-балерина г-жа Пьерина Ленъяни.

Московское общество **кунеческихъ приказчиковъ** получило разрѣшеніе устроить для своихъ сочлеповъ хоровые классы и членскій любительскій оркестръ.

Театральная газета „**Театръ и Жизнь**“, издававшаяся въ Москвѣ, признана окончательно прекратившеюся.

11 августа въ 30-ю годовщину со дня смерти знаменитаго артиста **М. С. Щепкина**, по почину и на средства Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ, будетъ совершена по покойномъ артистѣ заукопная литургія, а по окончаніи ея панихида на его могилѣ.

Въ с. **Богородскомъ** исполнена была комедія Зудермана — „Честь“. Роль Роберта исполнилъ г. Роцинъ-Инсаровъ.

Спектакли въ **Кусковскомъ** театрѣ отличаются хорошимъ подборомъ репертуара. Съ начала лѣтняго сезона, при постановкѣ двухъ спектаклей въ недѣлю, было дано около десяти пьесъ А. И. Островскаго: „Безприданница“, „Въшенныя деньги“, „Гроза“, „Лѣсъ“, „Бѣдность не порокъ“, „Послѣдняя жертва“ и др. Кромѣ того были поставлены: „Дармоѣдка“ И. А. Салова, „Въ старые годы“ П. В. Шпажинскаго, „Женитьба Бѣлугина“ Н. Я. Соловьева, „Нашъ другъ Неклюжевъ“ А. И. Пальма и др. Изъ мелодрамъ была поставлена лучшая изъ старинныхъ пьесъ этого рода „Материнское благословеніе“. Въ качествѣ гастролеровъ выступали г-жи Степанова и Рыбчинская, гг. Киселевскій, Шуваловъ и Роцинъ-Инсаровъ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ составъ профессоровъ С. -Петербургской **Консерваторіи**, по классу фортепіано, приглашена г-жа Есипова.

Въ театрѣ **Кононова** въ теченіе зимняго сезона будетъ играть Товарищество русскихъ оперныхъ артистовъ подъ управленіемъ капельмейстеровъ гг. Дудышкина и Безносикова. Сезонъ откроется въ сентябрѣ оперою „Жизнь за Царя“.

1 іюля открылся сезонъ въ **Красносельскомъ** театрѣ, въ этомъ году значительно ранѣе обыкновеннаго. Было дано въ 1-й разъ „*Juste fixe*“ или „У насъ на кухнѣ гости“, „Змѣя подколотная“ и балетный дивертисментъ.

Г. Роцинъ-Инсаровъ, гастролирующій въ настоящее время въ Москвѣ, оканчиваетъ свое служеніе на провинціальной сценѣ и съ начала будущаго сезона переходитъ на петербургскую казенную сцену. Первая роль, въ которой артистъ выступитъ на подмосткахъ казенной сцены, въ будущемъ октябрѣ мѣсяцѣ, будетъ роль Чацкаго, за Чацкимъ послѣдуетъ роль Глумова въ пьесѣ Островскаго „На всякаго мудреца“, и третьей дебютной ролью г. Роцинъ выбралъ роль Прохорьева въ „Цѣпяхъ“, кн. Сумбатова.

Въ дирекціи Императорскихъ театровъ въ настоящее время введено новое правило. Весною, по окончаніи спектаклей, главными режиссерами представляется директору театровъ отчетъ, съ обозначеніемъ, кто изъ артистовъ въ продолженіе сезона сколько разъ былъ занятъ въ спектакляхъ, степени успѣха каждаго артиста въ новыхъ или старыхъ роляхъ, кто и сколько разъ былъ оштрафованъ за неаккуратное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и пр. По этому отчету г. ди-

ректоромъ дѣлается резолюція о наградахъ бенефисамъ, прибавкамъ или о сокращеніи жалованья.

По петербургской драматической труппѣ утверждены прибавки къ получасому годовому содержанію слѣдующимъ лицамъ: г. Осокину—400 р., гг. Шемаеву, Никольскому, Новинскому, Шевченко, Шаповаленко, суфлеру Корневу и г-жѣ Ленской по 300 руб. и г. Глазунову—100 руб. Г-жѣ Александровой 1-й годовое содержаніе убавлено на 900 руб. Утвержденіе награды бенефисами послѣдуетъ осенью, по пріѣздѣ въ Петербургъ директора театровъ.

Въ концертѣ 18-го іюня, въ **Павловскѣ**, имѣла выдающійся успѣхъ новая симфонія г. Шенка.

Въ **Аркадіи** въ балетѣ „Эмма Флурансъ“ выступила московская балерина г-жа Гейтень.

Для закрытаго театра на **Громовской дачѣ** образовалось Товарищество русскихъ драматическихъ артистовъ, въ составъ котораго вошли г-жи Глама-Мещерская, Дагмарова, Линовская, Ручкина, Кондырева, Снѣжина, Лидина, Ольгина и гг. Аяровъ, Жуковский, Милославскій, Мильскій, Двинскій и др. 4-го іюля, былъ данъ первый спектакль Товарищества русскихъ драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Милославскаго. Поставлена была пьеса г. Мясническаго „Крахъ банка“. Въ Товарищество вошли почти все артисты, подвизавшіеся въ только что закрывшемся „Эрмитажѣ“ и теперь соединившіеся вмѣстѣ для того, чтобы ставить спектакли уже на свой собственный рискъ и страхъ. Предположена постановка въ 1-й разъ въ Петербургѣ новой пьесы Зудермана „Родина“. Тамъ-же была поставлена комедія И. Л. Щеглова „Мамаево нашествіе“.

Въ **Лѣсномъ общественномъ собраніи** 20-го іюня была поставлена драма „Въ неравной борьбѣ“ г. Вл. Александрова. Главную роль Лизы съ успѣхомъ сыграла г-жа Волгина.

Драма О. К. Нотовича „Темное дѣло“, экспромптомъ поставленная г-жей Глѣбовой въ **Озеркахъ**, прошла съ успѣхомъ. Она написала 18 лѣтъ тому назадъ, на пари, въ теченіе одной недѣли.

Въ **Ораніенбаумскомъ** театрѣ 27-го іюня данъ былъ „Гувернеръ“ съ участіемъ г. Форкатти, имѣвшимъ большой успѣхъ, и 4-го іюля шла пердѣлка изъ повѣсти И. А. Салова „Самородокъ“. Въ этомъ спектаклѣ выступилъ въ 3-й разъ г. Форкатти въ роли Любомудрова.

Эрмитажъ прекратилъ свое существованіе. Дирекція созвала всѣхъ артистовъ и объявила имъ, что вслѣдствіе отсутствія матеріальныхъ средствъ она отказывается отъ дальнѣйшаго веденія дѣлъ. Что же касается жалованья, то оно будетъ уплачено изъ хранящагося въ канцеляріи градоначальника залога въ размѣрѣ 4,000 рублей. Изъ этихъ денегъ будутъ, прежде всего, удовлетворены служащіе, а оставшіяся деньги будутъ разверстаны между артистическимъ персоналомъ. На полную уплату жалованья артистамъ надеждъ очень мало, ибо залогъ не великъ. Накаупѣ краха „Эрмитажа“ директора его были оштрафованы градоначальникомъ на 250 руб. за помѣщеніе въ афишу неразрѣшенной фразы.

Вышли первые нумера обновленной „**Театральной Газеты**“ (бывшій „Театральный Мирокъ“), подъ редакціею П. И. Вейнберга и при издательствѣ г. Остолопова.

Въ Швейцаріи скончался, около 40 лѣтъ отъ роду, отъ чахотки, **И. П. Зазулинъ**, авторъ многихъ водевилей, а также антрепренеръ частной русской оперы въ петербургскомъ Панаевскомъ театрѣ и въ Ораніенбаумѣ. Это былъ всѣми любимый, честный и добрый человекъ.

Провинціальная хроника.

Армавиръ. Въ іюнь мѣсяцъ давала здѣсь представленіе малорусская труппа подъ управленіемъ г. Пономаренко.

Игравшее въ **Астрахани** Товарищество оперныхъ и драматическихъ артистовъ г. Перовскаго окончательно распалось вслѣдствіе раздоровъ въ труппѣ и плохихъ сборовъ.

Изъ **Двинска** пишутъ въ „Новости“, что мѣстное Общество любителей драматическаго искусства, хотя не часто выступаетъ передъ публикой, но зато каждый его спектакль составляетъ для мѣстной интеллигенціи истинный праздникъ. Общество основано было товарищемъ прокурора г. Туганъ-Мирзой-Барановскимъ и вербуетъ своихъ членовъ во всѣхъ сословіяхъ, начиная съ мировыхъ судей и кончая офицерами. На дняхъ любители дали спектакль въ кумысолѣчебномъ заведеніи Погулянкѣ, съ благотворительной цѣлью. Шла комедія „Ни минуты покоя“. Г. Ковригинъ въ роли стараго археолога былъ замѣчательно хорошъ. Г. Емельяновъ съ обычною живостью исполнилъ благодарную роль стараго ловеласа, штабъ-ротмистра въ отставкѣ. Изъ остальныхъ исполнителей пмѣли успѣхъ г-жа Пальмова и г. Русановъ въ роли актера.

Екатеринбургъ. Ежегодный концертъ, устраиваемый студентами въ пользу своихъ товарищей, прошелъ 30 іюня съ большимъ успѣхомъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи. Публика всегда симпатично относится къ этимъ концертамъ, въ которыхъ участвуютъ мѣстные музыкальныя силы.

Екатеринославъ. Баритонъ г. Уиковскій, подвизающійся въ настоящее время съ опернымъ Товариществомъ въ Перми, на зиму взялъ театръ Капылова въ Екатеринославѣ, гдѣ у него будетъ оперное Товарищество.

Казань. Съ 15-го іюля, въ Казани, въ лѣтнемъ Панаевскомъ театрѣ, будетъ играть труппа опереточныхъ артистовъ, подъ управленіемъ самого владѣльца театра, г. Панаева.

Составъ труппы, сформированной г. Бородаемъ для зимняго сезона, слѣдующій: г-жи Свободина-Барышева, Строева-Сокольская, Анненская, Шенша, Терехова, Ливанская, Александрова-Дубровина, Соловьева, Лебедева, Гондати и др., г- Шуваловъ, Самойловъ, Константиновъ, Неждановъ, Гаринъ, Разсудовъ, Корали-Торцовъ, Чернышевъ, Степановъ, Соловьевъ, Петровъ и чр.; режиссеръ г. Лясъ.

Въ началѣ іюля въ театрѣ Панаевского сада гастролировало Товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Мировъ-Ведюхъ.

Кіевъ. Въ одномъ изъ оркестровыхъ концертовъ подъ управленіемъ М. И. Черняховскаго (давасмыхъ въ саду Русскаго Купеческаго Собранія), 10 іюня, исполнялась „Арабская сюита“ г. Кочетова. Въ виду крупнаго успѣха композиціи, она была повторена въ концертѣ 21 іюня. Послѣдній концертъ состоялъ исключительно изъ произведеній русскихъ и славянскихъ композиторовъ: увертюра къ „Руслану“, „Итальянское каприччио“, Andante изъ квартета (ор. 11), вальсъ изъ балета „Спящая красавица“ и „Пѣсня безъ словъ“—г. Чайковского, лезгинка изъ оперы „Кавказскій плѣнникъ“ г. Кюи, „Арабская сюита“ г. Кочетова, Русская національная пляска г. Направикиа и „Вечеръ“ Моношки (для струннаго концерта). Въ качествѣ солистовъ участвовали скрипачъ г. Шутманъ и виолончелистъ г. П. Федоровъ. Симфоническіе вечера г. Черняховскаго начались съ 22 мая. Оркестръ, численностью въ 50 человекъ, хорошо сработованъ. Недостаетъ нѣсколькихъ смычко-

выхъ инструментовъ для надлежащаго соотношенія между различными инструментальными группами. Г. Черняховскій ведетъ оркестръ умѣло и концерты его посѣщаются очень охотно. Программа составляется разнообразно, интересно и состоитъ изъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ разныхъ эпохъ и направленій.

Товарищество петербургскихъ артистовъ во главѣ съ В. Н. Давыдовымъ и подъ распоряженіемъ г. Ленскаго, въ Кіевѣ, вмѣсто обѣщанныхъ пяти спектаклей, сыграла 11 спектаклей и уѣхала въ Одессу по настоятельному приглашенію дирекціи городского театра. За 23 спектакля съ 9-го мая до 9-го іюня валовой сборъ достигъ почтенной цифры въ 21,458 р. 11 спектаклей сдѣлало валового сбору 10,028 рублей. На кругъ каждый спектакль далъ почти 912 рублей.

Артистическое Товарищество во главѣ съ г-жею Мичуриной-Самойловой, гг. Давыдовымъ и Ленскимъ закончило въ пятницу, 2-го іюля, спектакли въ **Кишиневѣ**. Городской театръ въ Кишиневѣ представляетъ собою ветхій сарай, скверно освѣщенный и плохо обставленный въ пожарномъ отношеніи. Сцена лишена свѣтовыхъ эффектовъ, располагаетъ грязными декорациями и скудной обстановкой. Для того, чтобъ какъ слѣдуетъ обставить спектакль, Товариществу пришлось собирать мебель при помощи комиссіонеровъ у городскихъ обывателей. Арендаторъ театра г. Гроссманъ не позаботился даже предоставить Товариществу достаточное количество прислуги на сценѣ и артисты были принуждены сами переставлять мебель и декорировать сцену. Г. Давыдовъ въ одномъ изъ антрактовъ прощальнаго спектакля заявилъ публикѣ о такомъ плохомъ условіи представленій, затягивающемъ антракты. Театръ огласилъ шиканьемъ по адресу г. Гроссмана.

Ковровъ. Въ „Русск. Листокъ“ сообщаютъ изъ Коврова (по Нижегородской желѣзной дорогѣ): Въ нашемъ городѣ помѣщаются главныя мастерскія Нижегородской желѣзной дороги и поэтому здѣсь проживаетъ масса рабочихъ. Чтобы доставлять послѣднимъ развлеченіе, устроенъ, по инициативѣ управляющаго мастерскими, О. Б. Шуберта оркестръ исключительно изъ мастеровыхъ. Результаты получились очень хорошіе: оркестръ, существующій всего нѣсколько мѣсяцевъ, играетъ уже столь твердо и стройно, что можно его слушать съ большимъ удовольствіемъ. Два раза въ недѣлю онъ играетъ въ паркѣ (при мастерскихъ), и кромѣ того приглашается для концертовъ въ городскомъ саду. Дирижируетъ оркестромъ И. С. Милицъ, служившій прежде капельмейстеромъ во 2-й гренадерской артиллерійской бригадѣ.

Конскъ, Радомской губерніи. 21 іюня здѣсь состоялось первое представленіе Товарищества драматическихъ артистовъ, пгравшихъ зимою въ Варшавѣ, въ театрѣ „Эльдорадо“. Прибытіе труппы въ глухой городокъ составило нѣкое событіе. На поддержку русской труппы со стороны польскаго общества разсчитывать нечего, говорить „Варш. Дневн.“, оно сторонится отъ всего, въ чемъ принимаютъ участіе русскіе люди. Товарищество предполагаетъ дать всего двадцать пять спектаклей. Театровъ въ Конскѣ нѣтъ, и для представленій обыкновенно приспосабливается одно изъ казарменныхъ помѣщеній, занимаемыхъ полкомъ.

Для **Нижегородскаго Ярмарочнаго** театра на время ярмарки (съ 25 іюля по 1 сентября), г. Бѣльскимъ приглашено оперное Товарищество Н. В. Унковскаго. Для начала данъ былъ „Демонъ“. Участвовали: г-жа Палице (Тамара) и г. Унковскій (Заглавная роль). Затѣмъ поставлены были „Фаустъ“,

„Лидя“, „Русалка“ и „Вражья Сила“. Въ „Фаустъ“, „Лидя“ и „Русалка“ съ большимъ усиломъ участвовала г-жа Лавровская (драматич. сопрано).

Въ составъ оперной труппы входятъ: г-жи Свѣщницкая, Андреева, Чарди, Паллице, Пермьякова, и др., гг. Рѣзуновъ, Писаревъ, Унковскій, Пермьяковъ, Петровъ, Городцовъ и Дубровинъ.

До прѣѣзда сюда Товарищество гастролировало въ Оренбургъ.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утверждены уставъ **Новгородскаго** музыкально-драматическаго Кружка.

Новороссійскъ. Товарищество драматическихъ артистовъ, подъ управленіемъ г. Деркача, закончило въ концѣ іюня свои спектакли и отправилось въ Керчь; отсюда оно переѣдетъ въ Феодосію, затѣмъ въ Севастополь и Симферополь. Осенью же Товарищество предполагаетъ отправиться на гастроли въ Константинополь, а оттуда въ Болгарію, Румынію и славянскія земли.

Новочеркасскъ. Опереточная труппа, организованная г. Крыловымъ, предпріяла путешествіе на гастроли въ Ростовъ, Екатеринодаръ и Харьковъ.

Въ гор. театрѣ въ **Одессѣ** закончились гастроли артистовъ петерб. Импер. театровъ, съ В. Н. Давыдовымъ во главѣ. Сдѣланные Товариществомъ сборы выразились въ слѣд. цифрахъ: „Ревизоръ“ далъ 1,215 р. 70 к., „Жертва“ г. Шпажинскаго—749 р. 20 к., „Кому весело житься“—960 р. 60 к., „Безъ предразсудковъ“ г. В. Крылова—1,006 р. 60 к., „Денежныя тузы“—1,126 р. 90 к., „Горе отъ ума“—963 р. 20 к., „Завоеванное счастье“—1,005 р. 70 к., „Коварство и любовь“—519 р. 20 к., „Новое дѣло“—522 р., „Тайна“—513 р., „Свадьба Кречинскаго“—1,447 руб.

Товарищество опереточныхъ артистовъ подъ управленіемъ А. З. Бураковскаго и г. Лени за два съ половиной мѣсяца въ Одессѣ, Николаевѣ и Севастополѣ выработало 24,000 рублей.

По инициативѣ городского головы, Г. Г. Марзалл, изъ воспитанниковъ одесскаго сиротскаго дома организуется городской духовой оркестръ.

Оренбургъ. Товарищество оперныхъ артистовъ подъ управленіемъ г. Унковскаго, съ усиломъ давало здѣсь въ теченіе іюня оперные спектакли.

Пермь. Драматическо-опереточная труппа, сформированная Н. Е. Максимовымъ на зимній сезонъ, составлена изъ слѣдующихъ персонажей: г-жи Пальчикова, Краснова, Волинцева, Чарская, Панаева, Голодкова, Лавровская, Ляпина, Милпа, Фратини, Кармина, Востокова и Осипова; гг. Палормовъ-Сокольскій, Черновъ, Блажевъ, Николенко, Иконниковъ, Агаповъ, Востоковъ, Царевичниковъ и др.

Ревель. Сформированная въ прошломъ году артисткою Н. С. Васильевою драматическая труппа изъ бывшихъ учениковъ и ученицъ театральнаго училища, и въ нынѣшнемъ году даетъ представленія въ дачной мѣстности Катериненталь.

Рига. Начиная третій сезонъ дѣятельности драматическаго театра въ Ригѣ, имѣя въ виду серьезный репертуаръ и желая достигнуть возможнаго для провинціи ансамбля, антреприза, въ лицѣ артиста Императорскихъ театровъ А. А. Фаддѣва, поставила себѣ задачей: соединить въ труппѣ, на ряду съ опытными, уже сложившимися провинціальными актерами—молодыя силы, изъ числа учениковъ Императорской школы, достаточно зарекомендовавшихъ себя на экзаменаціонныхъ спектакляхъ, и затѣмъ въ теченіе 2 лѣтъ въ провинціи. Составъ труппы

слѣдующій: роли драматич. и характерныя г-жа Азагарова, *grande coquette* г-жа Борисова (класса г. Давыдова), *ingenue comique* г-жа Новикова (класса г-жи Васильевой), *ingenue dram.* г-жа Самарина, пожилыхъ *grande dame* г-жа Фаддѣва, комич. старухъ г-жа Славина, характерныя г-жа Зиповьева, драм. старухъ г-жа Степанова и др.; драм. любовникъ г. Добровольскій (класса г. Давыдова), фатъ г. Павловъ, комикъ-резонеръ г. Уваровъ, характерныя роли г. Травинскій (класса г. Сазонова), драм. резонеръ г. Фаддѣвъ, 2 ком. резонеръ г. Хворостовъ, комикъ г. Головинъ, простакъ г. Степановъ, 2 ком. роли гг.: Богатиловъ, Скобѣвъ, Голубицкій, помощникъ режиссера г. Тамаринъ, суфлеръ г. Старховъ. Въ составъ репертуара войдутъ пенитенціальныя въ предыдущіе 2 сезона, пьесы: „Горячее сердце“, „Волки и овцы“, „Таланты и поклонники“, „Невольницы“, „Безъ вины виноватыя“, „Трудовой хлѣбъ“, „Не въ свои сапоги садись“, „Ваалъ“, „Плоды просвѣщенія“, „Перемелется мука“, „Нора“, „Месть женщины“, „Блуждающіе огни“, „Валька Ключникъ“, „Хворая“, „Выгодное предпріятіе“, „Счастливецъ“, „Венецкій стукачъ“ г. Гнѣдича, „Осколки минувшаго“, „Компаньоны“, „Мѣсяць въ деревнѣ“, „Провинціалка“, „Родина“ Зудермана и всѣ новѣйшія пьесы.

Изъ отчета нѣмецкаго театра за сезонъ 1892/93 годъ видно, что сезонъ открылся 21-го августа 92 года, закрылся 20-го мая 93 года. Всего дано 278 спектаклей. Изъ нихъ 32 драмы (68 спектаклей), 26 комедій (72 спектакля), 48 оперъ и оперетъ (135 спектаклей), 9 шутковъ съ пѣніемъ (28 спектаклей). Въ первый разъ поставлено было: 6 драмъ „Schlimme Saat; Giges und sein Ring; Vasantasena, An Hochzeitabend; Meister Balzer, Coriolanus; 8 комедій—Unter vier Augen; Gefährliche Mädchen. Die Orientreise; Der Lehemann. Das Wunderkind; Zwei glückliche Tage. Nach dem Ball, Ein Muster-gatte. 5 оперъ и оперетъ: Das Sonntagskind, Gringoire, Jioconda, Der Vogelhändler, Der Dämon; 2 шутки съ пѣніемъ, Die wilde Donna и König Krause.

Ростовъ на Дону. Съ 4-го іюля въ театрѣ г. Любова начались спектакли малорусской труппы подъ управленіемъ г. Саксаганскаго. Съ половины іюля въ этомъ театрѣ предполагались гастроли опереточной труппы, игравшей съ начала лѣтнаго театра въ Новочеркасскѣ.

Рязань. Съ начала іюля здѣсь выступило Товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Дворниченко. Городской рязанскій театръ, въ которомъ уже восемь лѣтъ не давалось спектаклей, на предстоящій зимній сезонъ предполагаетъ снять артистка М. Е. Фролова. Внутренность театра будетъ отдѣлана заново. Спектакли предполагаются опереточныя.

Саратовъ. Съ 7-го іюля здѣсь начались гастроли польской драматической труппы, составленной въ Варшавѣ для артистической поѣздки по Россіи.

Севастополь. Съ 8 іюля въ лѣтнемъ театрѣ начались спектакли драматическаго Товарищества при участіи М. Г. Савиной.

Товарищество провинціальныя артистовъ, съ участіемъ артиста Императорскихъ театровъ М. М. Петина и жены его Л. П. Петина, въ теченіе марта, апрѣля и мая совершило поѣздки по югу Россіи, посѣтивъ **Симферополь**, **Новороссійскъ**, **Екатеринодаръ**, **Ставрополь-Кавказскій**, **Керчь**, **Бердянскъ**, **Мариуполь**, **Ейскъ**, **Таганрогъ**, **Новочеркасскъ** и **Мелитополь**. За три мѣсяца Товарищество взяло валового сбора около 23-хъ тысячъ рублей. Члены его заработали по 80-ти кои. на рубль. Гг. Петина получали одну треть съ ва-

лового сбора. Составъ труппы былъ слѣдующій: г-жи Шейна, Самарова, Таманцева, Большакова, Разовичъ и г. Ягелловъ, Сквозниковъ, Соловьевъ, Нпкулпнъ, Житовъ, Смирновъ, Липскій-Неметти (умеръ 12-го юня) и др.

Смоленскъ. Товарищество драматическихъ артистовъ, подвизающееся въ театрѣ Европейскаго сада, потерпѣло, какъ мы слышали, въ юнѣ мѣсяцѣ убытку болѣе тысячи рублей. Главная причина отсутствія хорошихъ сборовъ—очень частые дожди.

Таганрогъ. 2 и 4 юля здѣсь дало два спектакля Товарищество драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Синельникова; поставлены были „Въ неравной борьбѣ“ и „Ева“.

Умань. Драматическое Товарищество составлено П. А. Скуратовымъ изъ любителей кievскаго Драматическаго Общества: П. Н. Рѣшимова, П. В. Николаева и Н. Д. Лелева - Агѣва; г-жъ Свободиной, Ильиной, Раевской; изъ артистовъ: Е. М. Рахимова, теперь уже выбывшаго изъ Товарищества, Скуратова и А. Ф. Саanova, артистокъ Я. М. Лариной и М. С. Корольковой. Сезонъ открытъ 2 мая пьесой „Отъ судьбы не уйдешь“. Сборъ 64 р. Второй спектакль, „Соколы и вороны“ былъ отмѣненъ за отсутствіемъ сбора. Были благотворительные спектакли. Одинъ въ пользу недост. учен. прогимназіи 5 мая. Сборъ 203 р., второй 8 мая въ пользу Дамскаго Кружка, сборъ 214 р. и третій 21 мая „Гибель Содома“ въ пользу недост. студент. кievскаго университета Св. Владиміра,—сборъ 218 р. Кое-какъ существовать было бы можно, еслибъ не такое неправильное распредѣленіе марокъ: г. Скуратовъ получаетъ почти $\frac{1}{4}$ сбора и кромѣ того полный бенефисъ. По 22 юня Товарищество получило по 25 коп. за рубль. Самый большой сборъ былъ въ бенефисъ г. Скуратова—275 р. Самый малый 29 р. 13 мая, когда шла „Горькая судьбина“.

Неодосія. 20 юня состоялся первый спектакль Товарищества малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Сакаганскаго. Гастроли труппы прошли съ хорошимъ матеріальнымъ успѣхомъ.

Заграничная хроника.

Въ истекшемъ сезонѣ въ Берлинѣ шла съ чрезвычайнымъ успѣхомъ драма изъ индiйской жизни „Васантасена“ Емиля Поля, выдержавшая свыше 50 представлений. (Мы надѣемся познакомить нашихъ читателей съ этой пьесой, которую переводитъ Э. Э. Матернъ—въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашихъ журналовъ). Подъ вліяніемъ этого успѣха теперь явилась въ свѣтъ новая пьеса изъ индiйской жизни, Франца Зиккига, предназначенная для будущаго сезона. Герой пьесы „Калидаза“, величайшій индiйскій поэтъ, авторъ „Сакунталы“. Онъ совершаетъ два преступленія: во-первыхъ возстаетъ противъ дѣленія на касты, во-вторыхъ, любить королевскую дочь и пользуется взаимностью. За это, по настоянію браминовъ, онъ подвергается изгнанію.

„Гроза“, переведена недавно на нѣмецкiй языкъ: „Das Gewitter“, Drama in fünf Aufzügen von Alexander Ostrowsky, aus dem Russischen von Dr. Alexis Markow und Dr. R. Zeyss“. Слогъ перевода очень гладкій, мѣстами даже красивый; переводъ сдѣланъ довольно точно. Совсѣмъ непреодолимая и неподдающаяся пересказу мѣста переводчики опустили. Одно явленіе совсѣмъ опущено, а другія сокращены на половину. Доходъ

отъ изданія предназначается на памятникъ нашему талантливому драматургу.

Новая четырехъактная опера Р. Штибица „Der Zigeuner“ (Цыганъ) довольно успѣшно прошла въ первый разъ на Берлинской оперной сценѣ. Юю и закончился оперный сезонъ этого года.

Въ „Kroll's-Theater“ готовится къ постановкѣ новая опера въ 3 актахъ: „Der Schmiede von Greta-Green“ (Кузнецъ изъ Гретна-Гринъ). Музыка І. Дѣббе, текстъ Ф. Дана.

„Allgemeine Kunst-Chronik“, посвятила цѣлую интересную статью о возникновеніи и развитіи театра въ Россіи, написавшую очень обстоятельно и подробно извѣстнымъ нѣмецкимъ критикомъ Бернгардомъ Штернъ.

Гастроли вѣнской оперетки подъ дирекціей Баумана въ Adolph-Ernst-Theater не пользуются успѣхомъ.

Уго Герлахъ написалъ новую пьесу „Das natürliche Recht“ (Право природы).

Е. Раабенъ (подъ псевдонимомъ Е. Вранъ) написалъ новую комедію: „Вольтеръ и Лессингъ“.

„Гибель Содома“ Зудермана запрещена къ представленію на сценѣ Брауншвейгскаго театра мѣстной цензурой. Въ то же время она идетъ на сценѣ въ Килѣ, гдѣ раньше была запрещена.

Приводимъ два интересныхъ анекдота объ Аделинѣ Патти изъ книги импресаріо Шюрмана: „Les Etoiles en voyage“. Дива всегда отличалась капризами. И вотъ она однажды объявила Шюрману, что ни за что не поѣдетъ въ Бухарестъ, въ эту жалкую столицу ничтожнаго государства, хотя раньше дала слово п въ билеты были взяты на расхватъ за баснословную цѣну. Что дѣлать? Но импресаріо нашелся. Вдругъ получается изъ Бухареста, отъ бывшаго уже тамъ давно агента, телеграмма слѣдующаго содержания: „Итальянское и румынское дворянства готовятъ дивѣ великолѣпную встрѣчу: сани, кортежъ, музыка. Правительство высылаетъ представителя. Когда приѣздъ?“ Польщенная дива сейчасъ же тронулась въ путь. Всю послѣднюю станцію передъ Бухарестомъ, не смотря на жестокий холодъ, она ѣхала разряженная, въ брилліантахъ и декольте. И, правда, на вокзалѣ ожидала ее великолѣпная встрѣча. Гремѣлъ оркестръ музыки, почтенный старецъ говорилъ рѣчь и 60 человекъ провожало ее до гостиницы. Но едва дива вошла въ свой номеръ, всѣ провожатые вошли въ помѣщеніе агента, который обиралъ у нихъ фраки, отдавалъ имъ ихъ поношенное платьѣ и уплачивалъ „разовые за выходъ“. Штюрмеръ былъ самъ восхищенъ этой выдумкой. Другой случай въ томъ же Бухарестѣ, но болѣе трагичный. Заслушавшись пѣнія Патти, одинъ зритель свалился съ галереи внизъ, придавивъ тамъ кого-то п самъ разбился едва не на смерть. Поднялся ужасный шумъ. Оркестръ остановился. Пѣвица спокойно допѣла арію, выводя свои неподражаемыя трели и рулады, а когда все пришло въ порядокъ, какъ ни въ чемъ ни бывало допѣла партію „Лючін“, которую давали въ тотъ вечеръ. Публика отъ восторга чуть не разнесла залъ. Когда потомъ восхищались хладнокровіемъ пѣвицы, она сказала: „За мое пѣніе и надо платить или большими деньгами, или жизнью“.

Вѣна. Готовится къ постановкѣ новая оперетка венгерскаго композитора Конти „Давидъ п Голиаѣ“. Текстъ Р. Женѣ.

Прията къ постановкѣ па сценѣ Вѣнскаго „Residenz Theater“ новая пьеса Эжена Цабеля, публициста и знатока русской литературы. Названіе пьесы „Raskolnikow“, сюжетъ взятъ изъ романа Достоевскаго „Преступленіе п наказаніе“.

Театральнiй журналъ „Wiener Kunst“, из-

дающийся въ Вѣнѣ, организуетъ серію спектаклей, съ цѣлью познакомить публику съ произведениями новѣйшихъ авторовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, Гауптманнъ (авторъ пьесы „Ткачи“), публикѣ уже извѣстны. Каждому представленію будетъ предшествовать объяснительное чтеніе. Всему начинаію присвоено названіе: „Спектакли свободной сцены“.

Дефицитъ вѣнскихъ придворныхъ театровъ за послѣдній годъ составляетъ, сверхъ субсидіи въ 300,000 гульденовъ, еще полмилліона гульденовъ. Почти всю эту сумму поглощаетъ опера; драматическій театръ (Burg-theater) не даетъ убытковъ.

11 іюня н. с. скончался Р. Бухгольцъ, главный режиссеръ **Гамбургскаго** городского театра, на 56 году отъ рожденія.

Новая пьеса Зудермана „Heimat“ („Родина“),— успѣла обойти всѣ главнѣйшіе театры **Германіи** и вездѣ встрѣчала самый восторженный пріемъ. Во Франціи „Journal des Debats“, посвятилъ цѣлый фельетонъ Зудерману. Въ Англии „Честъ“ переведена на англійскій языкъ и поставлена подъ заглавіемъ: „Birth and Breeding“.

На сценѣ **Дрезденскаго** королевскаго театра готовится къ постановкѣ очень оригинальный и интересный по музыкѣ балетъ „Meissner Porzellän“ Голпелли и Гельмесбергера.

Скончалась въ Дрезденѣ младшая сестра Р. Вагнера, Цецилія Авенариусъ, 79 л. отъ роду.

Новѣйшія оперетки въ **Италіи**: „Carrador“ Сконьямили, „Il matrimonio di Cornelio“ Апатры и „La rivista militare“ Герци.

На сценѣ **Копенгагенскаго** театра готовится къ постановкѣ новая пьеса Э. Брандеса „Ueberwacht“ („Перевѣсъ“).

26 іюня закончились очень удачныя гастроли труппы берлинскаго „Deutsche Theater“ въ **Копенгагенѣ**.

На сценѣ **Лиссабонскаго**, „Avenida“ съ успѣхомъ прошла новая комич. оп. Діаца да Кости „O Sultão do cha preto“.

Въ **Лондонѣ** скончался м-ръ Вильямъ Госсенъ, одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ русскихъ авторовъ на англійскій языкъ.

Въ Лондонѣ great attraction для наступающаго театральнаго сезона составятъ дебютъ настоящей индѣйской принцессы. Она происходитъ изъ королевскаго дома Дели и, говорятъ, обладаетъ феноменальнымъ голосомъ. Имя ея—Ахмадже.

„Ревизоръ“ Гоголя переведенъ на англійскій языкъ Артуромъ Сейксомъ (Sykes) подъ заглавіемъ: „The Inspector General“. Въ рецензіи на переводъ „The Spectator“ находитъ комедію забавной, но не отвѣчающею всѣмъ требованіямъ комическаго жанра.

„Sins of the Nigt“—новая пьеса, съ успѣхомъ прошла на сценѣ Лондонскаго Grand-Theatre.

Въ Лондонѣ, на домѣ, гдѣ жилъ К. М. фонъ Веберъ, помѣщена мраморная доска съ надписью. Знаменитой пѣвицѣ Дженни Линдъ будетъ воздвигнутъ роскошный памятникъ въ Вестминстерѣ.

Рядъ нѣмецкихъ оперныхъ спектаклей въ Лондонѣ открытъ представленіемъ „Тристана и Изольды“ Вагнера въ Ковентгарденскомъ театрѣ. Г-жа Мораль-Ольденъ и г. Альвари выступили въ главныхъ роляхъ.

Въ Лондонѣ, на ряду съ Ибсеновскимъ Обществомъ, образовалось Стриндберговское. Послѣдній теперь живетъ въ Лондонѣ, группируя вокругъ себя своихъ почитателей.

Въ Лондонскомъ Ковентгарденскомъ театрѣ съ большимъ успѣхомъ поставлены „I Pagliuzzi“ Леонавалло.

Саразате даетъ въ Лондонѣ нѣсколько концер-

товъ; онъ же отклонилъ предложеніе комитета Чикагской выставки дать тамъ рядъ концертовъ за вознагражденіе въ 500 т. франковъ, объясняя свой отказъ тѣмъ, что какъ разъ во время назначенное для концертовъ въ Чикаго, онъ обязался участвовать на нѣсколькихъ религіозныхъ празднествахъ въ Испаніи.

Муниципальный совѣтъ **Монса** объявилъ конкурсъ на 1894 годъ, въ память 300 лѣтія со дня рожденія извѣстнаго композитора Роланда-де-Латтре, писавшаго подъ псевдонимомъ Орландо-ди-Лассо. Въ первый день награда въ 30,000 фр. присуждается за лучшее хоровое; на второй день—25,000 фр. за лучшее оркестровое произведеніе.

Мюнхенъ. Въ Мюнхенѣ въ теченіе августа будетъ данъ цѣлый рядъ „вагнеровскихъ“ представлений.

На сценѣ Мюнхенскаго королевскаго „Residenz-Theater“ поставлена первая пьеса молодого, талантливаго писателя Ю. Шаумберга, одноактная пьеса „Ein pietätloser Mensch“ („Безжалостный человѣкъ“). Хотя къ ней пристегнутъ трагическій конецъ, но вещь скорѣй похожа на жанровую. Художнику Венцелю удалось очень выгодно продать свою „Еву“. Его теща думаетъ отвоевать половину денегъ для своего кутилы-картежника сына. Венцель же рѣшилъ этими деньгами помочь своему товарищу, талантливому, но очень бѣдному скульптору Гралю. Съ помощью жены, которая волей не волей покоряется мужу, онъ уговариваетъ Граля принять помощь. Теща узнаетъ и происходитъ крупная ссора. Подслушавъ все это изъ сосѣдней комнаты, Граль стѣбляется, сознавая, что дальше бороться съ жизнью и выносить обиды не хватаетъ силъ.

Бернштейна „Соеуг—Dame“ („Червоная дама“) шутка въ 3 лица—очень граціозная вещица, прошла на мюнхенской сценѣ съ большимъ успѣхомъ.

На сценѣ Мюнхенскаго театра пойдетъ новинка П. Гейзе, въ одномъ дѣйствіи: „Unter Brüdern“ („По братски“).

Эрнстъ Поссартъ назначенъ главнымъ директоромъ Мюнхенскаго королевскаго театра съ самыми обширными полномочіями.

Крестьянская труппа Конрада Дрейера съ большимъ успѣхомъ играетъ теперь въ Мюнхенскомъ „Gartnerplatz-Theater“. Исполнители всѣ простые любители-крестьяне и прежде играли только въ деревнѣ.

Въ **Нантѣ** съ большимъ успѣхомъ прошла новая опера молодого композитора П. Ладмироль „Gilles de Retz“.

Неаполитанскій старинный театръ „Del Fondo“ будетъ заново перестроенъ, для чего ассигновано 200,000 лиръ.

Въ **Нью-Йоркѣ** Адольфомъ Филиппъ основанъ постоянный нѣмецкій театръ, подъ названіемъ „Germania-Theater“.

Въ **Нюрнбергѣ** въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго года состоится конгрессъ, посвященный исторіи искусства.

Въ теченіе мая и іюня на сценахъ **парижскихъ** театровъ, какъ и всегда къ концу сезона, было поставлено много новыхъ одноактныхъ пьесъ. Изъ нихъ выдѣлились „Coup de Sonette“ („Звонокъ“), полная ироніи сценка изъ жизни кокетокъ, поставленная въ театрѣ „d'Application“ и „Мирра“, одноактная лирическая сцена А. Сильвестра, изъ римской жизни, шедшая въ Theatre Moderne.

На сценѣ театра „Gaité“ поставлена новая очень интересная оперетка „Талисманъ“, муз. Р. Планкетта, текстъ Д'Эннери и Бурани.

Маснэ окончилъ свою новую оперу „Thais“ на текстъ Л. Галлэ. Опера пойдетъ на сценѣ Grand-Opera.

Объявленъ конкурсъ на составленіе плана театра комической оперы. 1-й призъ 10,000 фр.

Въ парижскихъ театрахъ былъ поставленъ цѣлый рядъ палтомимъ и мелодрамъ. Изъ нихъ лучшія „L'Hôte“, „Le docteur Blanc“, „Jean Maveut“ и „M-me Pigmaliote“.

Парижскій корреспондентъ „Berlin. Tagebl.“, описывая національный праздникъ, упоминаетъ, между прочимъ, и о даровыхъ театральныхъ представленіяхъ. Таковыя даются въ „Comedie Française“ и въ кое-какихъ частныхъ театрахъ. Но главнымъ образомъ публику привлекаетъ опера. Это единственный день, когда каждый можетъ занять какое ему угодно мѣсто. И вотъ тутъ-то представляется единственное въ своемъ родѣ зрѣлище. Представленіе начинается въ 2 часа дня, а хвостъ устанавливается наканунѣ, съ 12 час. ночи, при чемъ публка западается, разумѣется, ѣдой и питьемъ. Можно представить себѣ размѣры „хвоста“, когда и при обыкновенныхъ платныхъ представленіяхъ онъ занимаетъ порядочное протяженіе. Къ утру все зданіе оперы кругомъ окружено густой толпой народа. Только въ часъ дня раскрываются двери. Но тутъ ужъ происходитъ въ буквальномъ смыслѣ „борьба за существованіе“, такъ какъ каждый, естественно, желаетъ занять лучшее мѣсто. Въ какихъ-нибудь десять минутъ зданіе переполнено сверху до низу, и полиція, останавливая дальнѣйшій напоръ публики, приглашаетъ расходиться. Въ театрѣ, спустя часъ, начинается представленіе: исполняется марсельеза, а затѣмъ дается какая нибудь небольшая популярная опера.

На вопросъ, предложенный однимъ изъ читателей „Figaro“, какія пьесы выдержали наибольшее число представленій въ „Theatre Français“, архн-

вариусъ этого театра сообщилъ этой-же газетѣ справку, изъ которой видно слѣдующее: больше всего представленій выдержалъ мольеровскій „Тартюфъ“, который съ 1669 по 1893 годъ шелъ 2,093 раза. За этой пьесой идутъ мольеровскія же, въ такомъ порядкѣ: „Продѣлки Скапена“, „Скупой“, „Ученыя жепщины“, „Мнимый больной“, „Жеманницы“ и „Бракъ поневолѣ“. Изъ другихъ классическихкихъ авторовъ чаще всего шли пьесы Расина, Корнеля, Мариво, Реньара и Бомарше. Изъ пьесъ современнаго репертуара наиболѣе посприятвилось „Царству скуки“ Пальерона и „Зятю г. Пуаре“ Ожье. Затѣмъ слѣдуютъ пьесы: Дюма, Октава Фелье, Мельяка и Галеви, Эркмана-Шатриана („Другъ Фрицъ“) и Гюго („Эрнани“ и „Рюи-Блазъ“).

Новая одноактная опера О. Вебера „Die Schwe-stern“ („Сестры“) принята къ постановкѣ на Пражской сценѣ. О музыкѣ знатоки отзываются съ большой похвалой.

Г-жа Надежда Булычева, наша соотечественница, поетъ весь лѣтній сезонъ въ Сан-Себастьяно, въ оперѣ.

Извѣстный теноръ Станьо внезапно былъ арестованъ въ Франкфуртѣ, вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ Фипазеромъ. Только внеся залогъ въ 20,000 марокъ, они были выпущены на свободу.

Чешскій скрипачъ Карлъ Онджишекъ и пианистъ Ар. Краса, дали съ большимъ успѣхомъ концертъ въ Чикагскомъ Central Opera House.

Въ Христианіи возобновленная послѣ 8 лѣтъ Ибсеновская „Комедія любви“ (Die Komodie der Liebe), дѣлаетъ полные сборы. Написанная еще въ 1863 году, эта пьеса была поставлена только въ 1873 г. и вызвала цѣлую бурю негодованія; только теперь публика поняла свою ошибку.

„Папенькина дочка.“

(„Lolo's Vater“).

Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ

А. Ларонжа.

Приспособленный для русской сцены переводъ съ нѣмецкаго.

Къ представленію дозволено 21 іюля 1893 г. № 3548.

Право перевода пьесы на русскій языкъ приобрѣтено отъ автора въ исключительную собственность нашего журнала.

Разрѣшеніе постановки пьесы на сценѣ зависитъ отъ мѣстнаго агента Общества Русскихъ Драматическихъ Писателей.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Евстигней Лазаревичъ Климовъ, отставной фельдшеръ, лѣтъ за 50.

Анна Петровна, его жена.

Лиза

Ольга (Ляля) { ихъ дочери.

Константинъ Аполлоновичъ Борскій, богатый домовладѣлецъ.

Павель Сергѣевичъ Волгинъ.

Петръ Макаровичъ Воронковъ, сынъ купца.

Федоръ Ивановичъ Ивановъ, подмастерье переплетчика.

Горничная.

Дѣйствіе въ большомъ городѣ, въ наше время.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната у Климовыхъ, съ бѣдной обстановкой. Слѣва двѣ двери, въ срединѣ входная дверь, справа два окна. Слѣва столъ съ чайнымъ приборомъ.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Ольга и Воронковъ.

Ол. Да что это съ тобой? О чемъ ты думаешь? Я съ тобой говорю, а ты ничего и не слушаешь?

Вор. Какъ не слышать, слышу, — ты насчетъ чего?

Ол. Знаешь что, Петинька... актриса Славская, — вотъ что у насъ на дворѣ живетъ, — опять сегодня мнѣ въ театръ билетъ прислала.

Вор. Что это за знакомство такое! Ничему хорошему тамъ ты не научишься.

Ол. Да вѣдь мнѣ, Петенька, скучно. Все дома, да дома. Ты меня никуда съ собой не берешь.

Вор. погоди, Олюшка, дай срокъ, вотъ какъ свадьбку сыиграемъ съ тобой, такъ и зажи-

вемъ: что только душенькѣ твоей угодно будетъ, все тебѣ предоставлю.

Ол. Да—а, свадьбу сыиграемъ. Ужъ что-то долго намъ этой свадьбы дожидаться придется. Вотъ ужъ годъ скоро будетъ, какъ я этого дожидаюсь. Отецъ-то твой, вонъ, и слышать про то не желаетъ. А ты вѣдь сыпокъ-то послушный — не посмѣешь папеньки послушаться.

Вор. Да вѣдь я отъ нихъ во всемъ въ зависимости.

Ол. А ты свою торговлю открой.

Вор. Свою торговлю?! Да нешто это такъ легко? Вотъ такъ взялъ, да и началъ барыши загребать. На что жъ я открою?

Ол. А отъ матери-то наслѣдство, вѣдь твое же оно?

Вор. Ахъ, ничего-то ты не понимаешь, Оленька!

Ол. Ну вотъ, всегда такъ. Не понимаешь, да не понимаешь, съ тѣмъ отъ тебя и отъѣдешь. Нѣтъ, кабы ты хоть разъ одинъ съ своимъ отцемъ—то въ серьезъ поговорилъ. Такъ, молъ, и такъ, желаю, молъ, и дѣло съ концемъ.

Вор. Говорилъ, все говорилъ, вчерась еще говорилъ.

Ол. Ну?

Вор. Папашенька меня выслушалъ такъ спокойно; не то, чтобы, какъ обыкновенно, ругаться тамъ, либо что,—нѣтъ, такъ, значить, спокойно, потомъ это и говорить: ты, Петръ, можетъ, то скоро услышишь, что и женитьбу-то эту за глупость сочтешь.

Ол. За глупость? Это жениться-то на мнѣ глупость?

Вор. И что такое? Ужъ не насплетничали ли что про тебя?

Ол. Про меня?

Вор. Оленька, радость ты моя, да неужто жъ ты что такого сдѣлала, чтобы объ тебѣ сплетни пошли?

Ол. Этого еще не доставало! Да съ тѣхъ поръ, какъ я твоей невѣстой стала, я словно монашенка живу: изъ дома ни на шагъ. Вотъ подруги, тѣ и на гулянья, и въ театры, а я все дома, да дома; вонъ онѣ даже смѣются надо мною: ничего-то я не знаю, ничего то я не видѣла, нигдѣ не бывала! А ты говоришь — сплетни! (*Садится къ столу и закрываетъ лицо руками.*)

Вор. (*подходя къ ея стулу сзади*). Да нѣтъ же, Оленька, ничего такого мнѣ и въ голову не приходитъ. Все мнѣ хочется дознаться, о чемъ папашенька говорилъ. Ужъ дознаюсь я! Не сердись на меня, Оленька, душенька! Ужъ и люблю жъ я тебя, страсть какъ.

Ол. (*вздыхая*). Любишь!

Вор. Нешто не знаешь? Погляди-ка на меня. (*Поворачиваетъ ее къ себѣ.*) Вотъ такъ! Ну-же, засмѣйся! Собралась сегодня куда? Небось сегодня праздникъ?

Ол. Праздникъ?! Куда жъ я пойду? Буду дома сидѣть да скучать, вотъ и все.

Вор. Поѣзжай куда-нибудь погулять, захвати стариковъ, да и поѣзжай. День-то чудесный!

Ол. Денегъ нѣтъ!

Вор. (*смѣясь*). Что, или опять нехватка? На, возьми пока красненькую, а тамъ еще принесу.

Ол. Добрый ты!

Вор. Это что красненькую-то далъ?

Ол. Оно конечно. Вѣдь ты богатый.

Вор. Это я-то, богатый?

Ол. Ну все одно—отецъ богатый. Да все мнѣ какъ будто неловко отъ тебя деньги-то брать.

Вор. Ну вотъ, глупость какая! Эхъ, Оленька, вотъ какъ мы съ тобой повѣчаемся, такъ вотъ

какъ заживемъ. Все пополамъ: и радость, и горе. Ну, да авось, Богъ дастъ, счастливо. Ну, а теперь прощай!

Ол. Прощай. (*Цѣлуются. Воронжскъ уходитъ.*)

Ол. (*размядаявая кредитку*). А вѣдь онъ и въ правду добрый!

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Климовъ,

Кл. Здорово, дочурка!

Ол. Здравствуйте, папенька.

Кл. Петинька былъ?

Ол. Вотъ только что ушелъ.

Кл. Что такъ рано? Оно положимъ и не такъ, чтобы очень рано. Ишь какъ я заспался-то.

Ол. А куда вамъ, папенька, торопиться-то?

Кл. Что говоришь! Ну, что жъ свадьба-то твоя? Скоро, что-ли?

Ол. Отецъ его все не позволяетъ, а то бы...

Кл. Не по душѣ мнѣ эта канитель. Ты у меня, Ляля, смотри! Держи ухо востро, какъ бы чего не было!

Ол. Чего не было?

Кл. То-то, смотри, поосторожниѣ.

Ол. (*смѣясь*). Что вы, папенька? Я не маленькая.

Кл. Надѣюсь. Ты понимать должна, что мы тоже вѣдь не простые какіе!

Ол. Смотрите лучше за Лизаветой, вотъ та все съ своимъ женишкомъ вдвоемъ разгуливаетъ.

Кл. Ахъ этотъ мазилка, клейстеръ дурацкій! Терпѣть я его не могу!—Эхъ-хе-хе! Чистое несчастье! Выростили дочекъ, ничего для нихъ не жалѣли, вотъ думали: отцу съ матерью подѣ старость помогутъ. А онѣ вонъ объ повлюбилась, а толку чуть.

Ол. Подождите, папенька, можетъ во мнѣ какіе скрытые таланты сохраняются.

Кл. Это насчетъ чего? На счетъ того, чтобы восковыя цвѣты-то дѣлать? Что же ты этому научилась? Можешь что-нибудь и заработать?

Ол. Ну, что тамъ цвѣты, это мнѣ надоѣло.

Кл. И это надоѣло? Стало, теперь ужъ за третье дѣло приниматься хочешь?

Ол. Я вотъ недавно съ однимъ бариномъ познакомилась.

Кл. (*недовѣрчиво*). Ну-ка? Ну-ка?

Ол. Да онъ, папенька, старенькій, совсѣмъ старенькій, только настоящій баринъ, и богатый, пребогатый.

Кл. А ты-то почему знаешь?

Ол. Марья Филипповна его знаетъ. Онъ у нихъ въ театрѣ со всѣми знакомъ. Со всѣми актерами пріятель. Познакомился со мной, да и говоритъ, что куда какъ жалко, если я да съ моей красотой, да съ моимъ голосомъ всю жизнь свою въ мастерницахъ загубить должна! «Вы, говоритъ, талантъ».

Кл. Какой талант?

Ол. Въ актрисы поступить совѣтуетъ.

Кл. Что ты, что ты, очпись, матушка. — Съ ума сошла.

Ол. Да что вы, папенька, кричите. Это дѣло расчудесное! Помирать не надо. Актрисы-то, поглядите-ка, какія деньги загибаютъ! И всѣ-то за ними ухаживаютъ. Вотъ, если свадьба-то наша съ Петенькой разстроится...

Кл. Ну, ну, ну! Вотъ мать бы услышала...

Ол. Вы маменькѣ ничего не говорите. Что-жъ маменька? Извѣстно, понятія у нихъ ограниченныя. А вы, папенька, — васъ не даромъ всѣ за очень умнаго считаютъ... Вы знаете, какъ на свѣтѣ-то жить... Да и вообще небось съ вами-то можно и по душѣ поговорить вашей Лялькѣ? Правда вѣдь? (*Ласкается къ отцу.*)

Кл. Ну, разумѣется, разумѣется! А все-таки было бы куда лучше, кабы ты за своего Петеньку замужъ вышла?

Ол. Господи! Да вѣдь и я бы рада-раदेशенька, да что же я то тутъ подѣлаю? Чтожъ, онъ меня любитъ, заботится обо мнѣ, и о васъ тоже.

Кл. Обо мнѣ?

Ол. Спрашивалъ, куда вы сегодня собираетесь, не желаете ли куда погулять отправиться?

Кл. Погулять? Съ удовольствіемъ.

Ол. Такъ вотъ онъ просилъ меня — самъ-то онъ церемонится — тихонечко вамъ вотъ въ кармапъ положить. (*Протягиваетъ отцу десятирублевку.*)

Кл. Ну, скажи пожалуйста, сдѣлай милость, какой деликатный.

Ол. Петенька спрашивалъ: не поѣдете ли вы куданибудь вечеромъ съ маменькой?

Кл. Съ маменькой? Нѣтъ, та пусть дома остается. Я что-нибудь другое выдумаю, позанятпѣе.

Ол. Я потому такъ думала, папенька, что Марья Филипповна мнѣ сегодня билетъ въ театръ обѣщала — сегодня «Даму съ камеліями» будутъ представлять.

Кл. Совсѣмъ ты имъ не компанія.

Ол. Что же, Марья Филипповна прекрасная дама. Образованная такая, хорошая.

Кл. Правда?

Ол. Ужъ будьте спокойны. Петенькѣ вы, конечно, ничего объ этомъ не говорите.

Кл. Вотъ видишь.

Ол. Ну да, что же, ему, конечно, только бы меня за двумя замками держать. — И мнѣ тоже хочется людей посмотрѣть! Много ли я радостей-то вижу?

Кл. Что говорить, — жизнь наша довольно скучная.

Ол. Правда вѣдь? А маменькѣ вы, папенька, скажите, что вы позволили, что это мнѣ на

пользу — да? Да вѣдь и не стоитъ ни копѣчки? Вѣдь я же, папенька, ваша Ляля?

Кл. Хе, хе! Моя, Ляля, моя, моя!

Ол. Такъ что же, папенька, можно? (*Ласкается къ отцу.*)

Кл. Ахъ ты, шельмецъ дѣвченка! Ахъ ты...

Ол. Такъ я пойду къ Марьѣ Филипповнѣ за билетомъ. А вы пока подумайте, куда бы вамъ сегодня съѣздить вечеромъ? Хорошенько повеселитесь. Я и-то часто, часто объ васъ думаю, какъ бы папинкѣ милому всякое удовольствіе предоставить. Вотъ увидите, ужъ добьюсь я своего, будете вы у меня какъ сыръ въ маслѣ кататься. До свиданія, милый папенька! До скорого! (*Уходитъ въ середину.*)

Кл. Спасибо, дочка, спасибо. Вотъ ласковая-то, такъ ужъ ласковая.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Анна Петровна.

Ан. П. (*входитъ съ лѣва, вноситъ самоваръ и ставитъ нальво*). Иди чай-то пить, ужъ обѣдать скоро пора.

Кл. (*Зѣваетъ*) Да, заспался я что-то нынче. Да вѣдь и то сказать — праздникъ.

Ан. П. Ужъ будто праздникъ. И въ будни-то небось то же.

Кл. Ну такъ что жъ? Все равно день-то деньской безъ дѣла слоняешься, слоняешься, индо одурь возьметъ.

Ан. П. Охо-хо. Мало у насъ горя-то было, а тутъ еще тебя со службы уволили.

Кл. Ну чего еще?

Ан. П. Ужъ и такъ-то жалованье-то небольшое получали, а тутъ вотъ теперь какъ хочешь, такъ и живи на пенсію.

Кл. Ахъ, да не ной ты пожалуйста! Еще съ голода не померли.

Ан. П. Не померли, потому что одна дочь ночи на пролетъ за работой сидитъ, а другая съ жениха подарки тащитъ.

Кл. А практика-то моя?

Ан. П. Что твоя практика! Много ли отъ нее видѣли. Все въ трактирѣ остается.

Кл. Что-жъ это и всегда такъ случается. Дѣти на то и существуютъ, чтобы родителей почитать.

Ан. П. Чего тутъ хорошаго, что мы Ольгѣ позволяемъ съ жениха деньги таскать?

Кл. Если я въ этомъ ничего дурного не вижу, такъ тебѣ и подавно нечего. Рѣшено и подписано.

Ан. П. Да, у тебя все подписано.

Кл. Оно такъ и быть должно.

Ан. П. Гдѣ Ольга?

Кл. Съ визитомъ пошла.

Ан. П. Къ кому это?

Кл. Къ Славсгой.

Ан. П. Это къ актрисѣ-то?

Кл. Да.

Ан. П. И ты позволилъ?

Кл. Отчего жъ бы и пѣтъ? Славская барыня хорошая, образованная.

Ан. П. Да ты-то почему знаешь?

Кл. Знаю ужъ, разузналъ.

Ан. П. Да что Ольгѣ-то тамъ нужно?

Кл. За билетомъ пошла, нынче въ театрѣ «камелію даму» представляютъ.

Ан. П. И ты ее отпустишь?

Кл. Отчего жъ не пустить. Нынче всѣ образованные въ театрѣ ходятъ. И чего ты все къ ней пристаешь? Чего ты все нападаешь на дѣвочку? Ляля славная дѣвочка, она не пропадетъ.

Ан. П. Охъ, боюсь я за нее. Ужъ больно она верхолядка. Ей бы только хи, хи, хи, да ха, ха, ха!

Кл. Ну, чего еще? А я тебѣ говорю—золото дѣвченка. На всякое дѣло мастерица.

Ан. П. Мастерица! На что такое? Одно дѣло не кончить, за другое хватается. Ужъ такая-то непосѣда!

Кл. Ну, будетъ, поговорила, и будетъ! Сказано, я ей позволилъ, а позволилъ, стало-быть и разговаривать не о чемъ. (*Пауза.*) Лизавета дома, что-ли?

Ан. П. Пошла работу отнести. Давно ужъ, какъ встала, такъ и чаю не пила, пошла.

Кл. Небось ужъ на улицѣ съ своимъ Ѳедькой встрѣлась гдѣ ни то?

Ан. П. Что жъ, можетъ и встрѣлась. За нее бояться нечего.

Кл. Ну, еще бы, Лизаветѣ небось все можно, а Ляля—верхолядка. Родная мать и такъ о дѣтяхъ говорить. Что?

Ан. П. (*молчитъ*).

Кл. Ну, коль молчишь, такъ и разговаривать нечего; да оно и лучше, чѣмъ языкъ-то съ тобой трепать. Вотъ и праздникъ на дворѣ, а какое тебѣ удовольствіе. Нѣтъ, чтобы все мирно, да тихо, по домашнему, какъ у людей. Уйти отъ васъ, да на весь день. Глаза бы мои на васъ не смотрѣли.

Ан. П. (*вздыхая*). Ну, продъ!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же и Ивановъ.

Ив. Лизавета Евстигнѣвна у себя-съ?

Ан. П. Ахъ, здравствуйте, Ѳедоръ Ивановичъ, съ праздникомъ-съ.

Кл. (*ворчливо*). Наше вамъ.

Ан. П. Чайку не хотите-ли?

Ив. Что жъ, можно-съ. Отъ чаю чего жъ отказываться. (*Садится*.) Лизавета Евстигнѣвна дома-съ?

Ан. П. Нѣту, въ магазинъ работу понесла. Работа-то спѣшная. Цѣлую-то ночьку вплоть до самаго свѣта поработала.

Кл. Одного керосину сколько извела.

Ив. Ну, я такъ полагаю-съ, что что Лизавета Евстигнѣвна сами выработаютъ, такъ не только что имъ, а и другимъ кому на керосинъ-то хватить.

Кл. Вотъ какъ замужъ-то за васъ выйдетъ, небось столько работать не будетъ?

Ив. Извѣстно не будетъ.

Кл. Ну, тогда за то муженьку некогда будетъ шататься безъ дѣла спозаранку.

Ив. Что жъ такое! Нынче праздникъ. Нынче не такъ какъ по старому. Хозяевамъ-то не больно лафа. Въ праздникъ-то небось и у насъ, и въ заграничныхъ земляхъ мастерскія-то за пиратъ приказано.

Кл. Ну, ваши вольнодумныя мысли я слушать не желаю. Стану я съ вами о политикѣ разговаривать. Пойду одѣнусь и уйду, а ежели я вернусь, да васъ ужъ больше здѣсь не застану, такъ плакать не буду. (*Проходя мимо него.*) Клейстеръ несчастный! (*Уходитъ на лѣво.*)

Ан. П. И что вы все съ старикомъ спорите, Ѳедоръ Ивановичъ? Разозлите вы его.

Ив. Ужъ, извините-съ. Съ языка сорвалось. Ужъ больно обидно, какъ они такъ низко о Лизаветѣ Евстигнѣвнѣ понимаютъ.

Ан. П. Женились бы вы поскорѣе, вотъ тогда бы и дѣло съ концомъ.

Ив. Да по мнѣ - съ, Анна Петровна, хоть сейчасъ. Да вѣдь вамъ извѣстно-съ—Лизавета Евстигнѣвна не желаютъ торопиться.

Ан. П. А ужъ я-то рада была бы! По крайности не работала бы она, не разгибаячи спины. Ужъ мы-то какъ бы нибудь перебились.

Ив. Вотъ кабы дѣло-то насчетъ свадьбы Воронкова-то съ Ольгой Евстигнѣвной—на лады пошло. Живо-бы и мы тогда вслѣдъ за ними.

Ан. П. Да, кабы.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Лиза.

Лиза (*весело вздыхаетъ. Одѣта проще сестры*). Ахъ, Ѳедоръ Ивановичъ, и вы здѣсь?

Ив. Давно ужъ. Зашелъ съ праздникомъ поздравить. Все ли въ добромъ?

Лиза. Что намъ дѣлается. Вотъ вамъ, маменька, и деньги принесла. За эту недѣлю на цѣлыхъ полтора цѣлковыхъ больше наработала.

Ан. П. А ты всѣ-то не отдавай, и себѣ оставь. Дѣло молодое. Можетъ, сѣмечковъ купить, либо что.

Лиза. Нѣтъ, маменька, мнѣ денегъ не надо, куда мнѣ ихъ.

Ан. П. А ты работой-то не надрывай себя слишкомъ-то.

Лиза. Э, маменька, что мнѣ дѣлается!

Ан. П. Вотъ будешь по ночамъ-то сидѣть—глаза испортишь.

Лиза. Ничего, выдержать. (*Иванову.*) А вы это чего спозаранку явились?

Ив. За вами-съ, Лизавета Евстигнѣвна; погулять не желаете ли-съ? Ужъ день-то больно расчудесный.

Лиза. Это съ утра-то? Нѣтъ-съ, больно жирно будетъ. Некогда. Я съ собой еще работу принесла.

Ан. П. Ну, нѣтъ, Лизанька, этого ужъ и я не позволю. На то и праздникъ, чтобъ отдохнуть. Ступайте, погуляйте. А по дорогѣ спросика его, какой у насъ съ нимъ разговоръ былъ.

Лиза. Разговоръ? Какой разговоръ?

Ан. П. Вы поговорите-ка, а я пойду. Мнѣ на кухню надо, да старику манишку чистую вынуть.

Голосъ Климова. Аннушка!

Ан. П. Вонъ, слышите, зоветь... Ну, я пойду, а вы поговорите. (*Уходитъ.*)

Лиза. Что вамъ маменька говорила?

Ив. Да, говорила, что мнѣ жениться пора.

Лиза. На мнѣ?

Ив. А то на комъ же! Нешто скоро другую-то невѣсту найдешь?

Лиза. А вамъ бы поскорѣе?

Ив. Да чего жъ ждать-то? По мнѣ, хоть завтра.

Лиза. Такъ-то такъ. А на что мы жить-то будемъ?

Ив. Эвона. Еще какъ заживемъ-то. Я вотъ съ этой полочки еще двадцать рубликовъ въ сберегательную отнесъ. У меня теперь капиталъ цѣлый, 258 рубликовъ. Вотъ какъ у насъ. Возьмемъ эти денюжки. Свадьбу съиграемъ, мебели какой недорогой купимъ, кое-что изъ одежды, посуды...

Лиза. Серебра столового?

Ив. Ну, насчетъ серебра-то погодить надо.

Лиза. Ну, а потомъ что?

Ив. Да вѣдь я небось у хозяина сорокъ цѣлковыхъ жалованья получаю.

Лиза. А съ стариками-то своими что я стану дѣлать?

Ив. Да, ну насчетъ стариковъ, это точно, ихъ содержать не на что будетъ.

Лиза. Ну вотъ, стало-быть и выходить, что подождать надо. Развѣ-жъ я тебѣ не говорила про это, какъ ты еще только сватался?

Ив. Да оно точно. Эхъ, кабы Оленька-то поскорѣе замужъ выходила и намъ бы развязка была. Воронковъ-то богатый...

Лиза. Да, вотъ, какъ Оленька замужъ выйдетъ, такъ и мы за ней.

Ив. Коли этого ждать, такъ вѣдь тогда, Лизанька, пожалуй придется намъ съ тобой и дѣвишки и серебряную свадьбу въ одинъ день справлять.

Лиза. Ну, чего тамъ, вѣдь не старики мы съ тобой.

Ив. Въ самой мы теперь порѣ.

Лиза. Охъ, Ѳединька, кабы моя-то воля бы-

ла, да я бы и часу одного тебя ждать не заставляла.

Ив. Вотъ кабы свое заведеніе открыть. Да ничего не подѣлаешь. Капиталовъ не хватаетъ. Заведеніе тоже вѣдь не дешево стоитъ. Да еще на первое время безъ дѣла насидишься. Положимъ, у насъ заказчики, которые постоянные, такъ и тѣ говорятъ: «что ты, говорятъ, Ѳедоръ Ивановичъ, свое заведеніе не откроешь, мы бѣ тебя работами не оставили». Да, а вотъ деньгами помочь бѣдному человѣку, нешто допросишься? А что, Лизанька, не попросить-ли мнѣ у Воронкова? Они господинъ обходительный, повидимости, добрый.

Лиза. Что говорить, онъ добрый. Онъ, если можетъ помочь, никогда не откажетъ.

Ив. А что, право, попробую,—вотъ бы штука-то была! Мнѣ бы только заведеніе открыть, а тамъ бы я ужъ вотъ какъ на работу приналежъ, живо бы тогда свадьбу бы скрутили. Вотъ, Лизанька, хорошо бы! (*Обнимаетъ ее.*)

Лиза. Полно тебѣ фантазіи-то разводить!

Ив. Эхъ, Лизанька!

ЯВЛЕНИЕ 6.

Тѣ же и Климовъ.

Кл. (*выходитъ изъ первой двери на лѣво. На немъ сюртукъ, манишка, черный галстукъ. Замѣтилъ, какъ Ивановъ цѣлуетъ Лизу.*) Ахъ, вы еще здѣсь? И не глядя на праздникъ, все трудитесь?

Лиза. Здравствуйте, папенька.

Кл. (*недовольнымъ тономъ.*) Здравствуй, здравствуй. Слѣдовало бы поменьше цѣловаться-то.

Лиза. Да вѣдь онъ же мой женихъ, папенька?

Кл. Бери примѣръ съ Лялинаго жениха. Вотъ это образованный господинъ. Сейчасъ видать, кто къ какому обществу привыкъ.

Ив. Не всѣмъ же фельдшерами быть.

Кл. Надо бы повѣжливѣе, да попочтительнѣе разговаривать съ старшими. (*Лизъ.*) Мать въ кухню пошла? Иди-ка и ты къ ней, помоги. А я въ трактиръ пойду, а можетъ, по дорогѣ въ гошпиталь заверну.

Ив. (*иронически.*) Передайте мое почтеніе главному доктору.

Кл. Глупый клейстеръ! (*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

Ив. Ужъ дѣйствительно, терпѣнье нужно съ вашимъ папенькой, Лизавета Евстигнѣвна. И вдругъ это у себя дома, да такое удовольствіе терпѣть придется.

Лиза. Что все близко къ сердцу принимать!

Ив. Да чтожъ, въ самомъ дѣлѣ, точно онъ генералъ какой, а я у него въ лакеяхъ служу.

Лиза. Не ворчи, а то прогоню, а сама за работу сяду. А будешь умникомъ, такъ я съ тобой погулять поѣду.

Ив. Ну такъ поѣдемъ.

Лиза. Погоди, ишь скорый какой. Миѣ тоже переодѣться нужно. Чтобы и вамъ тоже не совѣстно было со мной въ люди показаться.

Ив. Ухъ, ты, Лизанька!

Лиза. Ну что еще?

Ив. Да ужъ больно ты хорошая да добрая. Тебя твои старики не цѣняютъ. Вотъ какъ моей супругой будете..

Лиза. Такъ что же такое будетъ? Всѣ то вы, мужчины, гадкіе. До свадьбы-то, въ женихахъ-то ужъ куда какіе ласковые, и то-то общаются, и то-то сулятъ, а какъ поженились, такъ все и позабыли.

Ив. Нѣтъ-съ, Лизавета Евстигнѣвна, это вы напрасно-съ. Мы не такіе будемъ-съ.

Лиза. Не такіе? А какіе-же? Всѣ вы одинаковые! Мало я что - ли и отъ маменьки, и отъ другихъ, которыя за мужемъ-то плачутся, понаслышалась про вашего-то брата. До свадьбы-то сладко поете, а за то послѣ свадьбы-то, охъ, какъ горько приходится.

Ив. Что жъ изъ того? Другіе миѣ не указъ. Это даже, Лизавета Евстигнѣвна, миѣ отъ васъ и слышать обидно. Ужъ какъ я васъ люблю, даже сказать невозможно. И мѣсто я свое тоже твердо знаю-съ. Знаю-съ и про то, что противъ васъ я и разумомъ не сравнюсь. Вы у меня во всѣхъ дѣлахъ командеръ будете. Мои руки, а ваша сметка! Во всемъ васъ слушаться буду. Эхъ, Лизанька! (*Хочетъ ее обнять.*)

Лиза. Ну вотъ, какъ-же! Дождешься отъ васъ, мужчинъ! Сами командавать любите! Пусти, некогда, одѣваться пора. (*Уходитъ во 2-ю дверь налево.*)

Ив. Лизавета Евстигнѣвна, я васъ у воротъ подожду-съ...

Лиза. (*За сценой*) Хорошо, ждите.

Ив. (*хочетъ выйти въ дверь, въ глубинѣ*).

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Взронковъ.

Вор. (*входитъ на встречу Иванову. Очень взволнованъ*). Ахъ, это ты, Федоръ Ивановичъ? Что Оленька дома?

Ив. Не знаю-съ. Узнать прикажете?

Вор. Узнай пожалуйста. (*Садится къ столу и склоняетъ голову на руки.*)

Ив. (*въ сторону*). Въ самый бы разъ теперь о дѣлѣ поговорить. (*Идтъ ко 2-й двери слѣва.*) Лизавета Евстигнѣвна!

Лиза. Да чего вамъ еще?

Ив. Оленька у васъ?

Лиза. Нѣту.

Ив. (*притворяетъ 1-ю дверь слѣва.*) Анна Петровна! а, Анна Петровна!

Ан. Петр. (*за сценой*). Чего вамъ?

Ив. Оленька у васъ?

Ан. Петр. Нѣту, она со двора пошла. Сейчасъ придетъ.

Ив. А мы, Анна Петровна, сейчасъ съ Лизаветой Евстигнѣвной собираемся.

Ан. Петр. Ступайте, ступайте, Господь съ вами. До свиданья.

Ив. До скорого. (*Затворяетъ дверь. Воронкову.*) Ольга Евстигнѣвна вышли-съ, сейчасъ вернутся.

Вор. Спасибо, я подожду.

Ив. (*неръшитственно*). Петръ Макарычъ, а Петръ Макарычъ.

Вор. Что тебѣ?

Ив. Какъ значить, Петръ Макарычъ, миѣ насчетъ одного дѣльца съ вами поговорить желательно...

Вор. Говори, говори, -- я слушаю.

Ив. Вотъ, значить, какъ мной хозяинъ доволенъ, и какъ значить и заказчики опять тоже... всегда это довольны... и того, то-есть... значить... говорятъ, чтобы то-есть миѣ, къ примѣру... значить самому свое заведение открытъ, по нашему то-есть рукомеслу... И вотъ какъ это мы съ Лизаветой Евстигнѣвной теперь честь-честью, значить, какъ быть должно просватаны... такъ вотъ, значить, любопытно было бы знать когда то-есть вы, Петръ Макаровичъ, вашу свадьбу съ Ольгой Евстигнѣвной пировать думаете?

Вор. (*разсѣянно*). О чемъ это ты, Федоръ Ивановичъ?

Ив. Я то-есть на счетъ того, когда, то-есть, вы свою свадьбу пировать думаете?

Вар. Ахъ, милый ты человекъ, не до свадьбы миѣ теперь, не до свадьбы! (*Снова задумывается.*)

Ив. Да-съ, это точно. А я такъ вотъ только объ этомъ и думаю. И мыслей у меня теперь другихъ нѣтъ, какъ бы вотъ повѣнчаться съ Лизаветой Евстигнѣвной, да свое заведение открытъ. Оно что говорить, и у насъ деньжонки найдутся, да все нехватка, Петръ Макарычъ, оно бы такъ по домашности хватило бы, а тутъ, сами знаете, инструментъ нуженъ, опять станки разные... Вотъ и нехватка. И не то, чтобы много нехватало, нѣтъ-съ, такъ немножко бы... (*Про себя*). Да что это съ нимъ? (*Громко*). Петръ Макаровичъ, а Петръ Макаровичъ?

Вар. А? Что? Прости ты меня, Федоръ Ивановичъ, ничего то я, что ты говорилъ, и не слыхалъ. Не то въ головѣ у меня! И мыслей своихъ никакъ собрать не могу. Такое то, другъ ты мой, дѣло... такое-то дѣло...

Ив. Я ничего-съ, я что же-съ... (*Ръ сторону*). Должно не во время.

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Ольга.

Ив. А вотъ-съ и Ольга Евстигнѣвна при-

шли-съ. (*Ей*). Петръ Макарычъ васъ ужъ давно ожидаютъ. (*Уходитъ въ входную дверь.*)

Ол. Петенька?! Ты опять пришелъ?

Вор. Опять, Оленька, опять! Прямо отъ папашиньки. Какъ услыхалъ я отъ него, такъ у меня и въ глазахъ помутилось.

Ол. Да что такое случилось?

Вор. И подумать страшно. Они платежи прекратили.

Ол. (*не понимая*). Зачѣмъ же?

Вор. Тутъ все убытки были, за другими много пропало. Теперь ужъ волей неволей надо конкурсъ учреждать.

Ол. (*весело, не понимая*). Конкурсъ?

Вор. Да что ты, Оленька, не понимаешь, что-ли?

Ол. Ахъ, банкротъ?

Вор. (*вздыхая*). Да, банкротъ!

Ол. А вѣдь это непріятно.

Вор. Непріятно? Ужъ такое-то горе, такое то горе! И какъ намъ только пережить придется!

Ол. Развѣ и ты вмѣстѣ съ отцомъ?

Вор. Я? Да какъ же, когда на отца такое несчастье свалилось?

Ол. Да вѣдь ты-жъ говорилъ, что у тебя материнскій капиталъ?

Вор. Да вѣдь и онъ же въ дѣлѣ былъ.

Ол. И онъ пропадетъ?

Вор. Да что жъ мнѣ отца-то бросить что-ли, чтобы потомъ на меня люди пальцемъ показывали, да подлецомъ ругали, а отца-то злостнымъ признали?

Ол. А о себѣ то что-жъ ты и подумать не хочешь?

Вор. Да, что ты, Оленька, нешто теперь время о себѣ думать, когда надо фирму спасти. Вѣдь фирма-то наша старая, дѣды честно торговали, всегда свои документы оправдывали. На папашиньку-то смотрѣть страшно. Всю то ночь они нынче надъ книгами сидѣли, такъ и спать не ложились. Я сегодня какъ къ тебѣ пошелъ, ихъ еще не видалъ, а вотъ вернулся... Они на себя не похожи стали, худые, да блѣдные. Сталъ это я его утѣшать. При немъ-то все храбрился, виду не подавалъ, а какъ вышелъ, такъ и бросился къ тебѣ. Думаю: пойду къ Оленькѣ, вмѣстѣ поплачемъ. (*Привлекаетъ ее къ себѣ.*)

Ол. (*холодно*). Да, вѣдь если и ты разоришься, что же тогда съ нами-то будетъ?

Вор. Что же дѣлать? Потерпимъ, пока дѣла устроятся. Но что тамъ ни будь, а ужъ ты, Оленька, будешь по гробъ моею. Сперва будемъ потише жить, поскромнѣе, лишняго себѣ позволять не будемъ. Да вѣдь что же такое? Оба мы съ тобой молоды, другъ друга любимъ. Дождемся—и на нашей улицѣ будетъ праздникъ.

Ол. Да, ну, это совсѣмъ не такъ, какъ я думала.

Вор. Оно положимъ, и я тоже думалъ тебѣ другую жизнь предоставить...

Ол. И во всякомъ случаѣ, это все на долго протянется...

Вор. А я, Оленька, тебя еще больше любить стану, вотъ время-то и короче покажется.

Ол. Да вѣдь, Петенька, что же тебѣ обузито такую на себя брать?—Можетъ, я тебѣ въ тягость буду?

Вор. Что ты, Оленька! Развѣ-жъ можно такъ говорить?

Ол. А мнѣ-то теперь что-же..? Я съ самыхъ малыхъ лѣтъ только одну нужду видѣла, теперь стало-быть и замужъ выйду и опять должна въ бѣдности жить? Да это грусть одна!

Вор. Оленька!

Ол. Да, въ самомъ дѣлѣ! А я то надѣялась, вотъ, думала, замужъ выйду, наконецъ-то заживу въ свое удовольствіе, не придется тогда все о грошахъ думать.

Вор. Да вѣдь любишь же ты меня, Оленька?

Ол. Да ты мнѣ нравишься, очень нравишься, но вѣдь теперь твой отецъ,—какъ дѣлать ваши въ упадокъ пришли,—еще пуще прежняго станетъ тебя заставлять на богатой жениться, съ приданымъ. Да вѣдь и то сказать—оно и въ правду лучше, да и ты тоже въ концѣ концовъ согласишься. А я буду все сидѣть въ дѣвушкахъ, да ждать?

Вор. Да за кого же ты меня считаешь? Я же тебѣ клятву далъ.

Ол. Вотъ то-то есть. Я знаю,—ты хороший, честный. Ты вотъ считаешь себя связаннымъ своей клятвой, а если...

Вор. А если?...

Ол. Ну, а если... И ты тоже къ хорошей-то жизни привыкъ. Ты думаешь нужду-то легко терпѣть? А вотъ я тебѣ скажу, что очень трудно. Я нужду-то съ малыхъ лѣтъ испытала.—Бывало подруги себѣ сластей разныхъ понакупятъ, а я стою передъ окошкомъ, у лавочки, а въ карманѣ-то ни копѣйки нѣтъ, чтобы хоть конфетку купить. —Вотъ и въ училище, бывало, всѣ-то лучше меня одѣты были.—Я вонъ и хорошенькая, красивѣе всѣхъ была—и что-жъ, я и сама это отлично знала—а на меня никто и вниманія не обращалъ. А какъ выросла я, подруги стали мнѣ рассказывать и про гулянья, и про театры, а я стою, да глазами хлопаю. Ничего-то я кромѣ нашей конуры не видывала. Когда, когда за городъ погулять соберемся, да вѣдь и то пѣшкомъ.—Придешь домой и не рада гуляню. Башмаки-то худые, ноги-то всѣ себѣ о камни поразобьешь. Ну, наконецъ-то, думаю, замужъ выйду, за богатаго. Вотъ рада-то была! Да и то пришлось дожидаться пока-то твой тятинька согласіе дастъ. И что только ты мнѣ за это время ни наобѣщаль, ужъ чего, чего я не ждала, какъ за тебя замужъ-то выйду! А теперь что-же? Все это какъ сонъ какой разлетѣлось. Опять сколько

времени дожидаться. Или, что же, мнѣ и заму-
жемъ другимъ завидовать, какъ они веселятся
да радуются? Нѣтъ, нѣтъ, и не могу, и не могу
я этого... Я была бы тогда такая несчастная!

Вор. Такъ стало быть, ты хочешь?

Ол. Я хочу, чтобы ты себя со мной не связы-
валъ, чтобы мы оба были совсѣмъ, совсѣмъ
свободные. А тамъ видно будетъ. — И чѣмъ
больше я, это, думаю, тѣмъ больше вижу, что
я совсѣмъ для другой жизни создана. Нужды я
и не вынесу, и не вынесу. И тебѣ нечего изъ
за меня отъ своего счастья отказываться. И для
меня, можетъ, тоже случай представится.

Вор. Да, вотъ оно что? Теперь я понимаю-съ...
Души въ васъ нѣтъ, Ольга Евстигнѣвна, и
никогда-то вы меня не любили!

Ол. А ты забылъ, что мнѣ общалъ, ког-
да сватался?

Вор. Достаточпо-съ. Стало мы только тог-
да и были хороши для васъ, пока богаты бы-
ли. А нищими стали, такъ насъ и не надоб-
но. — Что же-съ? Коли вамъ угодно ваше сло-
во назадъ взять, мы вамъ препятствовать не
можемъ. Желаю вамъ всякаго счастья, Ольга
Евстигнѣвна. А мнѣ, такъ надо полагать, на-
до Бога благодарить, что наше съ вами дѣло
врозь пошло, потому отъ такой жепы, какъ
вы, счастья бы все равно мнѣ не ждать. —
Прощайте-съ. (*Уходитъ.*)

Ол. Ну, что жъ теперь мнѣ дѣлать! Не могу
я, не могу я иначе!

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Лиза.

Лиза. (*слѣва, переходътая*). Петръ Ма-
карычъ былъ?

Ол. Да.

Лиза. О чемъ это вы съ нимъ такъ громко
разговаривали? Спорили о чемъ?

Ол. Чего тамъ спорили! Разошлись, вотъ
и все.

Лиза. Разошлись, какъ разошлись? Да не-
ужто же ты, Оленька, что-нибудь надѣлала,
что твой женихъ на тебя разсердился?

Ол. Ахъ, отстань ты пожалуйста съ свои-
ми нравоученьями. Совсѣмъ они не кстати.

Лиза. Ты сама должна понимать, что дѣ-
лаешь. А все же я тебѣ...

Ол. Сказано, отстань.

Лиза. Ничего-то я понять не могу.

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тѣ же и Ивановъ.

Ив. Что это у васъ тутъ случилось? Петръ
Макаровичъ какъ ошпаренный выскочилъ.

Лиза. Сама не пойму. Отъ нея вотъ ни-
какого толку не добьешься.

Ол. Ну ужъ коли вамъ такъ не терпится,
извольте-съ. Дѣло покончено. Ваня Петръ Ма-

карычъ больше сюда не придетъ. Мнѣ надоѣло
дожидаться, пока онъ со свадьбой собираться
будетъ. Ну-съ вотъ вамъ и весь сказъ. Удив-
ляйтесь, ахайте, раскрывайте зѣнки, только одни,
меня оставьте въ покоѣ. (*Уходитъ во 2-ю
дверь нальво. Ивановъ и Лиза удивленно
смотрятъ другъ на друга.*)

Ив. Лизавета Евстигнѣвна, что же это та-
кое будетъ-съ?

Лиза. Я вотъ всегда боялась, что такъ кон-
чится.

Ив. Да что же за причина такая?

Лиза. Кто-жъ ихъ знаетъ! Должно быть ка-
кія-нибудь сплетни до него дошли.

Ив. И то, и то. Какъ я давеча съ нимъ
заговорилъ — туча тучей сидѣлъ. — Надо бы
какъ-нибудь дѣло-то поправить! (*Приотворя-
етъ дверь нальво.*) Анна Петровна, пожалуй-
те-ка сюда-съ!

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же и Анна Петровна.

Ан. П. (*изъ 1-й двери слѣва*). Чего вамъ?
А я думала, вы ужъ ушли.

Лиза. У Оленьки съ женихомъ ссора вы-
шла.

Ив. Онъ отсюда пулей выскочилъ.

Лиза. Она говоритъ, что у нихъ совсѣмъ
врозь пошло.

Ив. Что онъ больше ужъ не придетъ.

Лиза. Отъ нея никакого толку не добьешься.

Ан. П. Да неужто же серьезно поссорились?

Лиза. Думать надо.

Ив. Петръ Макарычъ должно что узналъ
про Оленьку.

Ан. П. Говорила я! И всегда то я отцу
говорила: не балуй, не балуй, да нешто съ
нимъ сговоришь. Да гдѣ она?

Лиза. Въ нашей комнатѣ.

Ан. П. (*хочетъ идти во 2-ю дверь на-
льво.*)

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же и Климовъ (*входитъ изъ сере-
дины.*)

Лиза. Папенька.

Кл. (*чуть замѣтно на веселье*). Вотъ и
я! Обѣдать готово?

Ан. П. Готово, только вотъ...

Кл. Чего еще? (*Замѣтивъ Иванова*). А,
вы еще здѣсь? (*Иронически.*) Весьма пріятно!

Лиза. Папенька, какъ васъ дома не было,
Оленькинъ женихъ приходилъ.

Кл. Господинъ хорошій, благородный гос-
подинъ, тотъ всегда взойдетъ, поздоровается,
о здоровьѣ спросить, какъ въ благородномъ
обществѣ водится. Посидитъ немного и по дѣ-
ламъ пойдетъ.

Лиза. Петръ Макарычъ больше не придетъ.

Кл. Это почему?

Ив. Насчетъ свадьбы дѣло на смарку пошло.

Кл. Что за вздоръ! Скажете вы мнѣ толкомъ?

Ан. П. Да и мы ничего толкомъ не знаемъ.

Должно быть до него какіе слухи дошли...

Кл. Какіе слухи?

Ан. П. Вотъ я тебѣ говорила, не позволяй ты Ольгѣ съ актерками компанію водить.

Кл. Только-то и всего? Изъ-за этого онъ отъ невѣсты отказываться хочетъ? Ахъ, онъ мерзавецъ этакій. Ну, да вѣдь я тоже свою дочь въ обиду не дамъ. Гдѣ она?

Ан. П. Въ своей комнатѣ.

Кл. Позовите ее ко мнѣ.

Лиза (*у двери*). Оленька!

Кл. Честную, хорошую дѣвицу изъ хорошей фамиліи обмануть, чтобы себѣ другую невѣсту съ приданымъ найти! Ну нѣтъ, братъ, шалишь. Я тебѣ покажу гдѣ раки зимуютъ!

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Тѣ же и Ольга.

Кл. Ляля, дѣточка моя, поди-ка ко мнѣ. Твой отецъ никому тебя въ обиду не дастъ. Почему онъ отъ тебя отказывается?

Ол. Кто это отъ меня отказывается?

Кл. Ну, женихъ-то твой?

Ол. Кто это сказалъ?

Кл. Да вотъ они всѣ говорятъ.

Лиза. Да развѣ же ты намъ сейчасъ вотъ не сказала, что твоя свадьба разошлась?

Ол. Сказала. Такъ вѣдь это не потому, что онъ отказывается, а потому, что я сама не желаю.

Кл. Сама не желаешь?

Ан. П. Перестань дурить, Ольга!

Лиза. Что же ты отъ своего счастья отказываешься?

Ив. А человѣкъ-то какой, — золото!

Кл. Да не орите вы такъ на нее! Дайте ей сказать. Что это значить? Отчего ты хочешь отказаться отъ богатаго жениха?

Ол. Отъ какого такого богатаго?

Кл. Какъ такъ?

Ол. Да вѣдь Воронковы все потеряли.

Кл. Что потеряли?

Ол. Все состояніе. Они обанкротились.

Ан. П. Можетъ ли быть!?

Лиза. Господи!

Ив. Эхъ, бѣдняга!

Кл. (*послѣ паузы*). Да-а, это совсѣмъ другое дѣло! Да ты вѣрно ли знаешь?

Ол. Да онъ мнѣ самъ сейчасъ сказалъ.

Лиза. И изъ-за этого ты хочешь отъ него отказаться?

Кл. И въ правду, не торопись, на этотъ счетъ надо хорошенько пораздумать. Можетъ, дѣло-то и не такъ ужъ плохо. Бываетъ, что при банкротствахъ-то этихъ изрядные капиталы остаются.

Ол. Ничего у нихъ не останется. Все пропало. Ему въ прикащики идти только и осталось. А свадьбу - то ни вѣсть на когда отложитъ придется.

Ан. П. Не съ богатствомъ жить-то, а съ добрыми людьми.

Ол. Ну, маменька, это замужъ выйти, да нужду, да горе терпѣть? Нѣтъ ужъ, покорно благодарю, для этого не стоитъ замужъ выходить. А я то мечтала: вотъ, думаю, замужъ выйду, и папенькѣ съ маменькой хорошо будетъ, ихъ старость успокою. Изъ-за этого-то только я и свадьбу отгадывать согласилась. А теперь что же мнѣ, такъ невѣстой и оставаться, сидѣть у моря, да ждать погоды, а потомъ замужъ выдти, да и самой горе мыкать, да и родителей своихъ въ нуждѣ видѣть? Нѣтъ, ужъ лучше теперь немножко погоревать, чѣмъ потомъ всю жизнь себя упрекать, да мучиться.

Кл. Слышишь, старуха, какъ дочка-то о насъ заботится!

Ан. П. Знаю я ея заботы, мы тутъ предлогъ одинъ.

Ол. Хотъ вы-то, папенька, мнѣ повѣрьте.

Кл. Вѣрю, Лялячка, вѣрю. А вѣдь ты права. Если съ изнанки-то поглядѣть, такъ совсѣмъ другой коленокъ выходить.

Ив. А я скажу, что это даже довольно низко!

Кл. Какъ вы смѣете такъ говорить?

Лиза. Федоръ Ивановичъ, оставьте!

Ив. Нѣтъ, Лизавета Евстигнѣвна, позволите-съ! Я что-жъ, я правду говорю! Вамъ, Ольга Евстигнѣвна, это даже довольно стыдно. Петръ - то Макарычъ изъ-за васъ со всей родней, можетъ, перессорился! Да что, онъ бы за васъ въ огонь и воду пошелъ, а вы, теперь какъ ему туго пришлось, такъ и...

Кл. Да вы что здѣсь разговаривать выдумали? Какое вамъ дѣло? Васъ тутъ кто спрашиваетъ? Не вамъ объ ней судить. Одинъ я ей судья. Да-съ. Коли моя Лизавета такъ въ васъ влюбилась, что ослѣпла совсѣмъ, не видите вашу душонку, такъ я васъ насквозь вижу. И коли вы воображаете, что много чести для насъ съ вами породниться, такъ ошибаетесь, да-съ, жестоко ошибаетесь. Можете убираться вонъ, плакать не будемъ!

Ив. Что же это такое будетъ-съ? Лизавета Евстигнѣвна, вы теперь сами видите-съ, сами можете понять-съ, что я этого стерпѣть не могу-съ!

Ан. П. Федоръ Ивановичъ, не сердитесь!

Кл. Да кто здѣсь хозяинъ, я или онъ?

Лиза. Папенька!

Ив. Позвольте - съ, Лизавета Евстигнѣвна, тутъ разговоръ нашъ надо кончить. Я васъ, Лизавета Евстигнѣвна, всей душой люблю-съ. И васъ, Анна Петровна, завсегда уважать готовъ, а только-съ, теперь прощенія просимъ, не поминайте насъ лихомъ! (*Уходитъ.*)

Ан. П. (*мужу*). Да верни-жь ты его!

Кл. И не подумаю. Клейстеръ дурацкій!

Лиза. Да что это, папенька, нешто я вамъ чужая?! Вѣдь я же люблю Федора Ивановича, вѣдь онъ же мнѣ женихъ! Что же мнѣ теперь разорваться?

Кл. Коли ты дочь своимъ родителямъ покорная, такъ бери примѣръ съ сестры. Она небось тоже не каменная, и тоже жениха-то,

можетъ, не меньше твоего любить, а отказала, потому о своихъ родителяхъ заботу имѣетъ. Лялячка! обними ты меня. Дочурка, ты моя, разумница ты моя!

Лиза (*плача, падаетъ на стулъ*).

Ан. П. (*утѣшая ее*). Не плачь, Лизанька, не плачь, дитятко мое.

(*Занавѣсъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Декорация та же.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Анна Петровна и Лиза.

Лиза (*сидя у окна, работаетъ и поетъ въ полголоса*).

Ан. П. (*входитъ съва, тоже беретъ работу и садится около Лизы*).

Лиза (*послѣ паузы*). Что же вы, маменька, съ папенькой говорили?

Ан. П. Говорила.

Лиза. Ну и что же?

Ан. П. Да ничего. Ругаться совсѣмъ не ругался. А я то боялась. Ничего себѣ, досталъ твою метрику, подаетъ мнѣ, да и говоритъ: «нате, сдѣлайте такое одолженіе».

Лиза. Ну, а потомъ что?

Ан. П. Ну вотъ, я ему и говорю: Лизанька, молю, своему жениху письмо послала, что, молю, безъ родительскаго благословенія замужъ идти не согласна, и чтобы Федоръ Ивановичъ покорился и чтобы къ намъ пришелъ съ папенькой бы помириться.

Лиза. Ну, что же папенька-то на это?

Ан. П. Пожалъ плечами, да и говоритъ: пусть, говоритъ, приходитъ, мнѣ съ нимъ ссориться не изъ чего, коли Лизавета за него выходить хочетъ, я, молю, ейному счастью препятствовать не стану.

Лиза. Ахъ, маменька, ужъ какъ я боюсь этого! Какъ-то они встрѣтятся?!

Ан. П. Федоръ Ивановичъ отвѣтъ-то прислалъ?

Лиза (*показывая на письмо*). Прислалъ. Пишетъ—придетъ.

Ан. П. Хорошій онъ человекъ! Что-жь, Лизанька, если теперь все у тебя не такъ, чтобы ладилось, за то потомъ будетъ хорошо. Счастливо жить будете. На твой счетъ я спокойна. Вотъ кабы мнѣ и за Оленьку такъ спокойной быть.

Лиза. Правда, маменька. Я вотъ ей тоже часто говорю, да она либо слушать не хочетъ, либо смѣяться пачнетъ.

Ан. П. И что мнѣ съ отцомъ дѣлать! Точно она его околдовала!

Лиза. А ужъ какъ это папенька деньги отъ этого барина могутъ брать, я просто и понять не могу.

Ан. П. И не говори! Да развѣ съ нимъ согласишься! Онъ все свое. Баринъ, молю, онъ богатый, талантамъ покровитель, въ Оленькѣ, молю, самъ талантъ открылъ, такъ отчего-жь молю ему за ея ученье денегъ не платить.—А ты что, Лизанька, думаешь, и вправду Оленька хорошей актеркой будетъ?

Лиза. Я, маменька, въ этомъ толку не понимаю. А какъ станетъ вотъ она роли свои читать, кричить, хоть уши затыкай.

Ан. П. А пуще всего мнѣ этотъ старикашка противный! Чего онъ около нея увивается!

Лиза. Что вы, маменька, онъ вѣдь совсѣмъ старыи, да и обращеніе у него деликатное.

Ан. П. Ахъ, Лизанька, старики-то, особенно среди господъ, хуже всего, хуже молодыхъ, право. Имъ бы все что-нибудь особенное. Тебѣ-то, Лизанька, не видать, а я-то все вижу, сердце у меня за Ольгу не на мѣстѣ. Да развѣ я что значу. Стану отцу говорить, затопаешь, закричить и вонъ выгонить. Смотри, Лизанька, своего-то муженька не распускай, сама видишь, какъ мать казнится. Что ужъ, сама виновата, много больно воли дала муженьку-то съ первоначалу.

Лиза. Ужъ я знаю, маменька, о чемъ вы говорите. Не бойтесь, себя въ обиду не дамъ.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ же и Ольга.

Ол. (*входитъ изъ 2-й двери съва съ книгой въ рукѣ*). Вы что это, работаете? И я тоже занимаюсь.

Ан. П. Чѣмъ это?

Ол. Теперь роль Марины учу. Марья Филипповна говоритъ, что эта роль точно для меня написана. Въ ней я и дебютировать буду. (*Декламируетъ на распѣвъ, не обращая вниманія на знаки препинанія и растягивая послѣдніе слоги каждой строчки.*)

«Постой, царевичъ. Наконецъ
 «Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа;
 «Съ тобою, князь, она меня мирить.
 «Безумный твой порывъ я забываю
 «И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
 «Пора, пора! Проснись, не медли болѣ,
 «Веди полки скорѣе на Москву.

Лиза. Ахъ, Оленька, что это, какъ ты кричишь!

Ол. Такъ и нужно. Марья Филипповна велитъ громче читать.

«Веди полки скорѣе на Москву.

«Очисти Кремль, садись на тронъ Московскій—

«Тогда за мной шли брачнаго посла!»

Ан. П. Ольга! Перестань! Тебѣ говорятъ! Не желаю я про твои театры слушать.

Ол. Ахъ, какъ это грустно, какъ это грустно, что родная мать и такъ мало интересуется успѣхами своей дочери.

Ан. П. Врешь! Я ли о тебѣ не хлопотала, чтобы тебя къ какому ни на есть настоящему дѣлу приучить. Ужъ ты за что только не бралась. Все тебѣ надоѣло. Теперь въ актерки собралась. И на то у тебя терпѣнія не хватаетъ. Да и куда тебѣ? Нешто актерки такія бываютъ? И въ театрѣ изъ тебя прока не выйдетъ.

Ол. Вотъ какъ? Что же, Марья-то Филипповна, да Константинъ Аполлоновичъ хуже вашего, что ли, понимаютъ? Да и нѣшто они одни. Всѣ мнѣ говорятъ, что у меня большой талантъ для сцены. Не совались бы вы, куда васъ не спрашиваютъ!

Лиза. Оленька, развѣ можно такъ матери отвѣчать!

Ол. Да вѣдь она жъ сама говорить, что ничего въ этомъ дѣлѣ не смыслить.

Ан. П. Ты у меня, Ольга, забываться не смѣй!

Ол. Ну да, какъ же! Пристаете, пристаете. Этакъ у всякаго терпѣніе лопнетъ.

Ан. П. Да ты не воображай, что я тебѣ позволю меня учить. Ты думаешь, что коль отецъ на меня кричитъ, такъ я и тебѣ позволю матери грубить. Кто я тебѣ? Забыла? Такъ я напомню. Будешь такъ мнѣ грубить, такъ смотри, какъ бы и у меня *(дѣлаетъ жестъ пощечины)* терпѣніе не лопнуло. Заруби ты себѣ это на носу! *(Уходитъ налево.)*

Лиза. Не хорошо, Оленька, такъ маменьку разстраивать. Мало у нихъ горя-то и безъ этого?

Ол. Горе-то ты имъ доставляешь, а не я.

Лиза. Ну, ужъ это извини! Чѣмъ же это я-то?

Ол. Чего ты съ своимъ Федоромъ Ивановичемъ посишься? Папенькѣ не угодно, чтобы ты за него выходила, а ты все по своему. И ма-

меньку на свою сторону переманила. Вотъ изъ за тебя-то они съ папенькой и грызутся.

Лиза. Да вѣдь я же люблю Федора-то Ивановича. Да я съ нимъ въ жизнь не расстанусь! Я своею любовью не играю, вотъ какъ ты.

Ол. Ахъ, скажите пожалуйста! Любовь! Вѣчная любовь до гробовой доски! Совсѣмъ какъ вотъ на театрѣ! Тамъ всегда такъ бываетъ! Эффектъ! Ужъ больно хорошо, какъ смотришь пьесу-то. А опустятъ занавѣсъ—и баста, куда и любовь эта дѣвается, конченъ балъ! Смотри какъ бы на сухомъ-то хлѣбѣ и любовь-то твоя въ трубу не вылетѣла.

Лиза. Что Богъ дастъ! И въ бѣдности жить, да съ милымъ человѣкомъ, и то счастье!

Ол. Ну ужъ и счастье. Благодарю покорно.

Лиза. А въ чемъ твое-то счастье?

Ол. Мое-то? Чтобъ весь вѣкъ веселиться, жить въ свое полное удовольствіе, чтобы все у меня, что захочу, было, чтобы я могла наслаждаться жизнью.

Лиза. Ахъ, Оленька, Оленька, поменьше бы ты слушала, что тебѣ въ уши жужжать, да поменьше бы вѣрила. Ты думаешь, что имъ нужно? Видятъ, что ты хорошенькая, вотъ и нашептываютъ.

Ол. Хорошенькая? Хотя это-то вы, сестрица, во мнѣ признаете, что я хорошенькая?

Лиза. Да что жъ, это и правда. Да вѣдь это-то и страшно. Ужъ какъ маменька о тебѣ беспокоится.

Ол. Ну, еще бы, какъ ей не беспокоиться.

Лиза. Маменька очень этого Борскаго опасается.

Ол. Опасается? Старикашку-то? Ахъ ты, Господи!

Лиза. Чего это онъ на тебя столько денегъ тратитъ?

Ол. Ничего тутъ такого нѣтъ особеннаго. Видитъ, что я талантъ, вотъ и хочетъ вывести мой талантъ на настоящую дорогу!

Лиза. Ну, а на тебя самую, скажешь, онъ совсѣмъ и вниманія не обращаетъ?

Ол. А что жъ такое? Пусть себѣ обращаетъ.

Лиза. Оленька, что жъ это, и тебѣ не стыдно?

Ол. Очень мнѣ пужно стѣсняться? Для кого это?

Лиза. Не пойму я тебя.

Ол. Гдѣ тебѣ меня понять! Ты съ маменькой-то что понимаешь? Чему васъ учили-то? Дважды два и то плохо знаете. Какъ что выше вашего понятія, такъ вы и скандалъ поднимаете. Вы вотъ точно по дорогѣ идете, да канаву встрѣтили, и начнете мыкаться, вправо, да влево, мостика искать—а я хопъ, перепрыгнула, да и тамъ.

Лиза. Либо въ канаву-то и шлепнешься.

Ол. Не упала бы, свои новыя лаковые туфельки пожалѣла-бы.

«Постой, царевичъ! Наконецъ

«Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.

«Съ тобою, князь, она меня мирить.

«Безумный твой порывъ я забываю,

«И вижу вновь Дмитрія. Но слушай:

«Пора, пора! Проснись, не медли болѣ,

«Веди полки скорѣе...»

Лиза. Ты что же, такъ и будешь кричать?

Ол. Хочу и буду. Въ нашей каморкѣ и ступить негдѣ. А когда ходишь, такъ лучше заучивать.

Лиза. Ну, такъ я туда пойду работать. (*Собираетъ работу и уходитъ.*)

Ол. Это какъ вамъ будетъ угодно.

«Веди полки скорѣе на Москву;

«Очисти Кремль, садись на тронъ московскій.

«Тогда за мной шли брачнаго посла!

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Климовъ.

Кл. (*входитъ слева*). Здорово, Ляля! Молодца! Учишь роль, что-ли?

Ол. Бориса Годунова, папенька.

Кл. Это гдѣ въ колокола звонять? Какъ же, видалъ. Ты кого же тамъ представлять-то будешь?

Ол. Марину, папенька, невѣсту Самозванца.

Кл. Съумѣешь развѣ?

Ол. Марья Филипповна говоритъ, что я создана для этой роли.

Кл. Ну, а скоро на сцену-то?

Ол. Съ годъ придется еще поучиться.

Кл. Съ годъ? Откуда же мы денегъ-то на учење возьмемъ?

Ол. Борскій дастъ.

Кл. Ты думаешь?

Ол. Конечно. Онъ даже обязанъ. Вѣдь онъ же меня подбилъ на сцену готовиться.

Кл. Такъ-то, оно такъ, да все какъ-то не того... не ловко, у чужого человѣка деньги брать.

Ол. Отчего же неловко? Онъ же деньги назадъ получить.

Кл. (*исторично*). Отъ кого?

Ол. Ну, конечно, отъ меня. Вы только, папенька, подумайте, вотъ какъ я ангажементъ получу, тысячь этакъ на пять въ годъ. Такъ что мнѣ тогда стоитъ будетъ заплатить ему этакіе пустяки.

Кл. А развѣ, думаешь, получишь ангажементъ-то?

Ол. Марья Филипповна говоритъ, что актрисы есть, которыя по 10 тысячь получаютъ, а знаменитыя, которыя еще на гастроли ѣздятъ, такъ и того больше.

Кл. (*прищелкнувъ языкомъ*). Да, недурно бы.

Ол. Вы, папенька, только подумайте. Вдругъ это вы въ театрѣ сидите, а публика-то аплодируетъ, все аплодируетъ, а я выхожу, раскланиваюсь, а мнѣ-то букеты, да вѣнки, да подарки. И всѣ-то васъ поздравляютъ.

Кл. Да, тогда бы небось мать-то не стала бы ворчать.

Ол. А что? Опять развѣ жаловалась?

Кл. Ворчитъ все. А пуще ей Борскій, какъ бѣльмо на глазу.

Ол. А какой онъ любезный господинъ!

Кл. Мать-то все говоритъ, что онъ съ тобой слишкомъ ужъ любезничаетъ.

Ол. А хоть бы и такъ!

Кл. Ну, ну, Ляля, не больно вольничай.

Ол. Да что жъ, папенька, такого? Пусть его ухаживаетъ.

Кл. А нешто ухаживаетъ?

Ол. Еще бы. Я даже такъ думаю, что онъ въ меня по уши влюбился.

Кл. Ну такъ я съ нимъ по своему поговорю.

Ол. Что вы, папенька, что вы! Оставьте его! Пусть его ухаживаетъ. Чтожъ изъ этого. Эка важность, что влюбленъ, когда я-то къ нему равнодушна.

Кл. А ты-то равнодушна?

Ол. А что же вы, папенька, неужто думаете, что я въ этакое, да влюблюсь!?

Кл. Да, это дѣйствительно, влюбиться-то не во что.

Ол. Да я же съ нимъ почти что никогда одна и не бываю. Ну ужъ и влюбленъ же онъ, страсть какъ! Я уже давно замѣтила. Я даже такъ думаю, что, захоти я, такъ онъ мнѣ вотъ сейчасъ предложеніе сдѣлаетъ.

Кл. Ого! Кто это, Борскій-то? Не смѣши ты меня.

Ол. (*тоже смѣясь*). Оно и въ правду смѣшно. То есть оно, пожалуй, и не такъ что-бы очень смѣшно. Коли это дѣло...

Кл. Что?

Ол. Вотъ, папенька, когда я подумаю, что, если да за него мнѣ и въ самомъ дѣлѣ замужъ выйти..?

Кл. А полно глупости-то молоть. Ты, и вдругъ этакій старикашка.

Ол. Такъ что же, что старый? Развѣ этого не бываетъ? Да вѣдь я, папенька, такъ только говорю, къ примѣру, что, да еслибы выйти за него, такъ вотъ я первымъ дѣломъ думаю, какъ бы это мнѣ васъ съ маменькой по-лучше устроить.

Кл. То есть какъ устроить?

Ол. Ну да вѣдь что жъ. Онъ вѣдь очень богатый. Что же ему стоитъ вамъ пенсіонъ положить, этакъ въ годъ тысячу, другую...

Кл. Развѣ, думаешь, положить?

Ол. Да безъ того, кто же мнѣ велитъ замужъ - то за него выходить? Была нужда! А вотъ, папенька, какъ я только подумаю, какъ бы это хорошо было, кабы вы вотъ изъ этой-то конуры повыбрались, сняли бы квартиру чистенькую, свѣтленькую, да веселенькую, и такъ бы безъ всякихъ-то заботъ всю

свою старость бы съ маменькой и прожили— вотъ бы хорошо-то было!

Кл. Лялячка, дитятко мое! И для насъ, стариковъ, ты хочешь собой пожертвовать! Нѣтъ, нѣтъ на то моего согласія.

Ол. Да что жъ это за особенная жертва-то! И никакой тутъ жертвы нѣтъ. Любовь-то одна—испытала ужъ я любовь-то эту—тоже радость не большая, когда ѣсть нечего. А тутъ еще я могу и искусству служить.

Кл. Да вѣдь если ты замужъ-то выйдешь—тебѣ мужъ не позволить на сцену-то идти?

Ол. Кто это не позволить? Борскій-то? Да онъ даже радъ будетъ видѣть меня на сценѣ. Конечно, впередъ тоже не угадаешь какая изъ меня актриса выйдетъ, а тогда...

Кл. Да, оно положимъ, богатый-то мужъ всегда про всякій случай пригодиться можетъ.

Ол. Вотъ только развѣ родныхъ у него много. Тоже вѣрно отъ него наслѣдства ждутъ. Съѣдятъ они меня: вотъ, скажутъ, взялась откуда-то. Житья отъ нихъ не будетъ.

Кл. Ну, насчетъ этого всегда можно себя оградить.

Ол. Можно?

Кл. Ну, разумѣется.

Ол. Я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю. Ну да что объ этомъ говорить. Я это такъ только сказала.

Кл. Вѣдь ты же говоришь, что онъ имѣетъ намѣреніе?

Ол. Предложеніе-то сдѣлать? Я не знаю, право, я думаю, что... такъ какъ...

Кл. Что такъ какъ?

Ол. Ну, да вотъ наемни Марья Филипповна мнѣ намекала и уговаривала, чтобы я соглашалась, что я съ нимъ очень счастлива буду.

Кл. А Славская-то тутъ чего путается?

Ол. Да вѣдь они старые знакомые. Она его отлично знаетъ.

Кл. Да, да, вотъ что... Ну, чтожъ подождемъ, увидимъ.

Ол. Ну конечно-жъ, папенька, подождемъ. (*Звонокъ.*)

Кл. Никакъ кто-то позвонилъ? Вѣдь дверь-то отперта. (*Уходитъ въ среднюю дверь, оставая ее открытой. Потомъ быстро возвращается. Шепотомъ.*) Онъ!

Ол. (*тихо*). Кто?

Кл. Борскій. Поди отвори ему дверь, а я пойду сюртукъ надѣну. Я сейчасъ. (*Уходитъ въ 1-ю дверь налево.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Борскій.

Ол. (*идетъ къ двери и выпускаетъ Борскаго*). Ахъ, это вы, Константинъ Аполлоновичъ?*)

*) Въ сценѣ съ Борскимъ Ольга видимо кого-то копируетъ, старается казаться барышней и

Бор. (*бодрый старикъ, лѣтъ за 50, одѣтъ по модѣ; въ парикъ; красится*). Да, это я, моя прелесть, это я! Я хотѣлъ еще разъ узнать о вашихъ успѣхахъ.

Ол. Да вѣдь вы еще вчера у Марьи Филипповны спрашивали?

Бор. Да, да, ваша правда, но Марья Филипповна мнѣ сказала недостаточно опредѣленно, мнѣ хотѣлось-бы узнать отъ васъ самихъ.

Ол. Я собой очень даже довольна.

Бор. Bravo! Это меня радуетъ.

Ол. Не угодно ли вамъ садиться? Папенька сейчасъ выйдетъ.

Бор. Ахъ, пожалуйста, это совсѣмъ не къ спѣху. Я такъ радъ, что наконецъ-то мнѣ выпало счастье поговорить съ вами наединѣ. Вы все какъ-то отъ меня ускользаете; да, да, все какъ-то прячетесь отъ меня. Я это замѣтилъ. Какъ только мнѣ представляется удобный случай поболтать съ вами наединѣ, вамъ всегда что-нибудь помѣшаетъ... Вотъ и не далѣе, какъ вчера, у Славской... Не запирайтесь, вы злая, да, злая, вы нарочно прячетесь отъ меня. Развѣ я вамъ такъ антипатиченъ?

Ол. Помилуйте, Константинъ Аполлоновичъ...

Бор. Нѣтъ, скажите, почему вы отъ меня прячетесь? Да, да, точно я на васъ страхъ какой-то нагоняю. Я васъ приглашаю поѣхать со мной въ театръ— не хотите, покататься— не хотите, вмѣстѣ поужинать—тоже.

Ол. Я съ удовольствіемъ, если вы и папеньку съ маменькой пригласите.

Бор. Да, конечно... Но вѣдь мнѣ хотѣлось бы провести время съ вами.

Ол. Намъ папенька съ маменькой не помѣшаютъ—мы и при нихъ можемъ побесѣдовать.

Бор. Разумѣется, моя прелесть, разумѣется, но развѣ.. вамъ не за что быть мнѣ немножко благодарной?

Ол. Конечно-же. Развѣ я что жъ такого сдѣлала, что вы мнѣ не вѣрите?

Бор. Да, я, пожалуй, имѣю нѣкоторое право сомнѣваться...

Ол. Весьма сожалѣю.

Бор. Ну, признайтесь, развѣ же вы не такъ же сдержанны и холодны со мной, какъ въ день нашего перваго знакомства? Вы не допускаете со мной ни малѣйшей тѣни дружескихъ отношеній? Иногда только, да и то такъ рѣдко, вы позволяете мнѣ поцѣловать вашу прелестную ручку. (*Цѣлуетъ ея руку.*) Развѣ же вы не замѣчаете какъ я васъ люблю? (*Хочетъ обнять ее.*)

Ол. (*отстраняясь*). Константинъ Аполлоновичъ, вы оскорбляете меня!

Бор. Ну можно-ли быть такой недотрогой. Если вы хотите сдѣлаться актрисой...

часто прибѣгаетъ къ заученнымъ выраженіямъ изъ ролей, произнося ихъ слегка напыщенно.

Ол. Если вы только затѣмъ со мной знакомство завели, да учиться посовѣтовали, что надѣялись, что я позволю вамъ со мной такъ обращаться, такъ мнѣ очень жалко, что я васъ послушалась. Пожалуйста, я ужъ васъ теперь попрошу больше обо мнѣ не заботиться. Папенька, конечно, вамъ заплатитъ, что вы за мое ученье заплатили.

Бор. Но, милый другъ, какъ можете вы такъ обо мнѣ думать? Обо мнѣ, когда я принимаю въ вашей судьбѣ такое искреннее, такое горячее участіе?

Ол. Это неправда. Тогда вы бы не требовали отъ меня, чтобы я за ваши благодѣянія заплатила бы моей дѣвичей честью.

Бор. Ай, ай, ай, какія сильныя выраженія! Развѣ ваше доброе имя пострадаетъ, если вы протянете мнѣ ваши губки для дружескаго поцѣлуя, или позволите проводить васъ въ театръ, или поѣдете со мной поужинать?

Ол. Да. Я много слышана о вашихъ побѣдахъ. Если бы да увидали, что я съ вами вдвоемъ, всѣ бы меня считали за вашу новую побѣду, и я бы тогда, конечно, распростилась съ моимъ добрымъ именемъ.

Бор. Да вѣдь вотъ здѣсь насъ никто не видитъ?

Ол. Да что вы? Вспомните, гдѣ вы? Неужели вы думаете, что я стану обманывать моихъ родителей?

Бор. Неужели же вы не вѣрите моей искренней любви?

Ол. Плохо вы мнѣ ее доказываете.

Бор. Какого же доказательства вы хотите?

Ол. Чтобы вы больше ни слова мнѣ объ этомъ не говорили и чтобы вы сейчасъ же отсюда удалились.

Бор. Ахъ, не требуйте этого, не требуйте! Я съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ, когда мы наконецъ встрѣтимся наединѣ, чтобы наконецъ сказать вамъ, какъ безумно я васъ люблю, да, да, безумно!... Я прежде отлично спалъ, теперь я не сплю совсѣмъ... И днемъ, и ночью, и на яву, и во снѣ я постоянно вижу вашу милую, изящную головку, вашъ взглядъ, вашъ смѣющійся ротикъ. Я бѣгу къ этому видѣнью, хочу его схватить, напрасно, я хватаю пустое мѣсто... Со мной ужъ былъ разъ такой случай: иду я какъ-то днемъ по улицѣ и вдругъ хватаю себя за голову и громко вскрикиваю: «Костя, да ты съ ума сошелъ?» Я только тогда пришелъ въ себя, когда какой-то прохожій отвѣтилъ мнѣ: «Да, кажется, Костя!»—Это правда, я имѣлъ иногда успѣхъ у женщинъ, но что изъ этого? То были легкія побѣды. Всѣ эти побѣды даже успѣли испариться изъ моей памяти. Но теперь меня охватила страсть... да, да, настоящая страсть, она меня сжигаетъ, одурманиваетъ, мучаетъ, противъ этой муки существуетъ одно только средство—ваше слово.

Ол. Что же вамъ отъ меня угодно?

Бор. Чтобы вы отвѣтили мнѣ «да», если я попрошу васъ согласиться... согласиться быть моей навсегда.

Ол. Какъ прикажете мнѣ это понимать?

Бор. Согласитесь... согласитесь быть моей женой.

Ол. Что? Я?—вашей женой?

Бор. О, не пугайтесь, не пугайтесь! Съ перваго взгляда, конечно, вамъ можетъ показаться страннымъ—правда, между нами есть небольшая разница въ лѣтахъ—но я постараюсь моей лаской, предупредительностью, вниманіемъ—заставить васъ забыть про это. Ваши ножки будутъ утопать въ мягкихъ коврахъ... каждое ваше малѣйшее желаніе будетъ исполнено прежде, чѣмъ вы успѣете его высказать, я гарантирую васъ всѣмъ моимъ состояніемъ...

Ол. Объ этомъ ни слова. Я никогда не отдамъ мою руку ради денегъ.

Бор. О, это было бы ужасно, еслибы я могъ допустить мысль, что только мое состояніе!.. Нѣтъ, нѣтъ, я увѣренъ, что моя преданность, моя любовь найдетъ хоть слабый отголосокъ въ вашемъ сердцѣ. Сперва только хотя слабый отголосокъ, но потомъ я увѣренъ, что, когда я заслужу ваше довѣріе, ваша симпатія ко мнѣ возрастетъ, какъ только вы убѣдитесь, что моя искренняя любовь заслуживаетъ взаимности. Не молчите же долѣе. Я дрожу отъ страха услышать мой приговоръ.

Ол. Это, право, такъ неожиданно. Я не знаю право, что вамъ и сказать.

Бор. Но послушайте, вы должны же наконецъ... вы не можете же долѣе меня мучить?

Ол. Мнѣ замужъ выйти? Я никогда и не думала, чтобы опять? Вы вѣдь знаете, я была уже просватана?

Бор. Да, да, я это знаю. Вы были обмануты, да, да, вы мнѣ это рассказывали. Вотъ видите, вы сами убѣдились, какъ легкомысленно относится молодежь къ своимъ обѣщаніямъ и клятвамъ. Отнеситесь поэтому съ большимъ довѣріемъ къ чувству человека, болѣе солиднаго, болѣе опытнаго, но тѣмъ не менѣе любящаго васъ со всѣмъ пыломъ искренней любви.

Ол. Вы такъ искренно мнѣ говорите... такъ сердечно...

Бор. Ахъ, если вы это чувствуете, то мое предложеніе не можетъ уже оскорблять васъ.

Ол. Оскорблять? Я и не думаю... Однако...

Бор. Оленька! Отвѣчайте же мнѣ. Я жду. Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, хоть надежду.

Ол. Надежду? Поговорите съ папенькой.

Бор. И если онъ согласится?

Ол. Я покорюсь его волѣ.

Бор. Я сейчасъ же хочу видѣть вашего папа. Гдѣ вашъ папа?

Ол. (идетъ къ боковой двери и слеза

ее пріотворяетъ). Папенька, пожалуйста-ка сюда.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же и Климовъ.

Кл. Что тебѣ, дитя мое? Ахъ, Константинъ Аполлоновичъ!? Это вы? Имѣю честь кланяться.

Бор. Уважаемый Евстигнѣй... Евстигнѣй...

Кл. Лазаревичъ.

Бор. Винавать. Евстигнѣй Лазаревичъ, ваша дочь...

Ол. Позвольте мнѣ сказать.—Папенька! Константинъ Аполлоновичъ сейчасъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, но я не могу отвѣтить ему сама. Папенька, пусть Константинъ Аполлоновичъ спроситъ васъ, и вы дайте ему отвѣтъ, который вамъ подскажетъ ваше родительское сердце. Я дочь вамъ послушная, и покорюсь всему, что вы рѣшите. (*Беретъ руку отца и цѣлуетъ, дѣлаетъ реверансъ Борскому и уходитъ во 2-ю дверь на-тѣво.*)

Кл. (*не ожидавшій поцѣлывая дочерью его руки, что, повидимому, случилось впервые, держитъ руку въ томъ же положеніи и удивленно смотритъ, то на свою руку, то на Борскаго. Послѣ паузы.*) Что вы скажете объ этой дѣвчкѣ? Развѣ же это не трогательно?

Бор. Это—ангелъ!

Кл. Да-съ, это не часто бываетъ. Да, ну такъ что же вамъ угодно?

Бор. Мой почтеннѣйшій Евстигнѣй Лазаревичъ, безъ предисловій, скажу вамъ кратко: я спрашивалъ Ольгу Евстигнѣвну, согласна ли она быть моей женой?

Кл. Значитъ, все-таки?

Бор. То есть какъ такъ «все-таки?»

Кл. Все таки бываютъ на свѣтѣ чудеса?

Бор. То есть какъ чудеса?

Кл. Ну, ежели такой баринъ, какъ вы, беретъ себѣ жену изъ нашего сословія безъ всякихъ разговоровъ, и безъ всякаго приданаго—вамъ это извѣстно?—то, конечно-жъ, рѣдкость, большая рѣдкость—но благородно, очень благородно.

Бор. Стало быть вы согласны?

Кл. Сядемъ-ка, и потолкуемъ (*Садятся.*) Прежде всего, долженъ я вамъ замѣтить, что мои дѣти воспитаны въ строгости и въ повиненіи родителямъ.

Бор. Ахъ, это такое счастье имѣть такихъ дѣтей.

Кл. Да-съ, именно, счастье-съ. И въ особенности моя Лялячка, чтобы ни дѣлала, всегда прежде всего заботится о своихъ родителяхъ.

Бор. У нея чудное сердце!

Кл. Да-съ, сердце хорошее, золотое сердце: мы ее, по нашей силѣ—возможности, вырастили, воспитали, во всѣхъ смыслахъ превосход-

но. Вы замѣтили, что она у насъ образованная?

Бор. И умна, и находчива, и тактична.

Кл. Да-съ, очень находчива. Мы всѣмъ жертвовали, что бы эти таланты-то ея развивать, чтобы она могла насъ подъ старость покоить.

Бор. О, разумѣется, она съ радостью будетъ готова...

Кл. Съ радостью, это вы вѣрно. Ужъ она и теперь это дѣлаетъ, по своей силѣ—возможности, но вотъ, если она за васъ замужъ выйдетъ, ей прежде всего въ голову придетъ, что-то, молъ, теперь съ моими папенкой и маменькой будетъ? Вы понимаете, что на этотъ счетъ ее надо успокоить?

Бор. Но, почтеннѣйшій Евстигнѣй Лазаревичъ, вѣдь это же ясно какъ день?

Кл. Что такое ясно какъ день?

Бор. Ну, разумѣется, разъ Ольга Евстигнѣвна сдѣлается моей женой, мое уже дѣло будетъ позаботиться о ея родителяхъ, я всегда буду радъ васъ видѣть у себя, наконецъ вы и ваша супруга переѣдете къ намъ и будете жить съ нами. Это проще всего!

Кл. (*не ожидавшій ничего подобнаго, удивленно смотритъ на Борскаго.*) Да-а-а! Это проще всего!

Бор. У меня большой домъ, мѣста хватить. Вы себѣ выберете нѣсколько комнатъ, васъ никто не будетъ беспокоить, и въ то же время вы постоянно будете съ нами. Вы можете устроить свою жизнь совершенно по своему вкусу, какъ вамъ будетъ удобнѣе, въ вашихъ малѣйшихъ привычкахъ вы стѣснены не будете.

Кл. Очень хорошо-съ, только вѣдь пенсіониска-то у меня грошевый...

Бор. Ахъ, почтеннѣйшій Евстигнѣй Лазаревичъ, я достаточно богатъ, и хотя Ольга Евстигнѣвна и запретила мнѣ говорить о моихъ средствахъ,—съ вами, я надѣюсь, могу говорить объ отомъ?

Кл. (*утвердительно киваетъ головой.*)

Бор. Ну такъ вотъ: кромѣ полного содержанія я позволю себѣ предложить вамъ пожизненную пенсію.

Кл. (*перебывая, хватается и жметъ его руку.*) Кончено. Этотъ вопросъ рѣшенъ.

Бор. Если вы, слѣдовательно, другихъ препятствій не имѣете?

Кл. Позвольте еще одно обстоятельство. Возьмите тотъ случай, если Богъ не благословитъ васъ потомствомъ.

Бор. Я все же надѣюсь.

Кл. Да,—на свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго. Но вдругъ,—вѣдь судьба индѣйка—и вы вдругъ, не оставивъ потомства, скончается.

Бор. Скончается? То-есть какъ скончается?

Кл. То-есть, я въ тѣхъ смыслахъ, если вы скончается, не оставивъ потомства, и ранѣе Оленьки. Этого вѣдь надо и ожидать, если во-

обще, того, предполагать съ вѣроятностью, принимая во вниманіе законъ природы.

Бор. Позвольте, я мужчина въ цвѣтѣ лѣтъ, пользуюсь прекраснымъ здоровьемъ—и вообще, почтеннѣйшій Евстигней Лазаревичъ, я избѣгаю говорить объ этой теоріи вѣроятностей и объ этихъ законахъ природы.

Кл. Да-съ, но я обязанъ говорить объ этомъ. Я отецъ, и притомъ медикъ, и обязанъ. Да и притомъ-съ, тутъ протесты неумѣстны. Противъ смерти медикаментовъ не существуетъ.

Бор. Ахъ, пожалуйста, не произносите вы этого слова.

Кл. Хорошо-съ, не будемъ говорить объ этомъ. Перескочимъ мы черезъ этотъ моманъ (moment). Вообразимъ себѣ, что Оленька бездѣтной вдовой стоитъ у вашего гроба.

Бор. Почтеннѣйшій Евстигнѣй Лазаревичъ, я этого слова безъ содроганія слышать не могу.

Кл. Прекрасно-съ, минуемъ и этотъ моманъ; допустимъ, что васъ уже похоронили. Хорошо-съ, ну вотъ-съ и предположимъ, что Оленька осталась бездѣтной вдовой—сиротинкой на всемъ бѣломъ свѣтѣ.

Бор. Позвольте, у меня же прекрасное состояніе.

Кл. Вотъ-съ, мы и добрались до настоящаго дѣла. Такъ вотъ-съ, Ляля приносить съ собою въ замужество свою юность, свои добродѣтели, свои строгія правила и свое прекрасное воспитаніе, но больше ничего, приданого за ней нѣтъ,—ну-съ, а у васъ, какъ я слышалъ, большая родня,—у богатыхъ всегда бываетъ большая родня. Вотъ-съ, эти-то любящіе васъ родственники будутъ вашей свадьбой недовольны, вѣдь всѣ они болѣе или менѣе ожидаютъ вашей...

Бор. Евстигнѣй Лазаревичъ!

Кл. Я же не говорю «смерти», я не желаю такъ сильно выражаться. Они ожидаютъ вашей блаженной кончины. Что тогда будетъ съ моей Лялей? Всякіе вѣдь случаи бываютъ, и не рѣдко-съ. Выйдетъ дѣвушка замужъ, а потомъ овдовѣетъ, да и вернется къ отцу съ матерью своими трудами зарабатывать черствый кусокъ хлѣба. Какъ подумаю я, что моя Ляля съ ея-то красотой, да невинностью, попадетъ въ такое положеніе въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, вотъ и приходится поразсудить: могу ли я, какъ любящій отецъ и какъ медикъ, допустить...

Бор. Ахъ, почтеннѣйшій, я право не понимаю о чемъ вы говорите! Еслибы дѣйствительно такъ случилось, что я...

Кл. Скончается?

Бор. Ну да! Моя жена во всякомъ случаѣ будетъ моей наслѣдницей.

Кл. Всего состояніи?

Бор. Ну, разумѣется!

Кл. Вы объ этомъ напишете въ вашемъ завѣщаніи?

Бор. Въ за... за... завѣщаніи? О такихъ вещахъ мнѣ даже думать непріятно.

Кл. Да-съ, почтеннѣйшій Константинъ Аполлонычъ, когда женишься, мало ли какія непріятныя мысли въ голову приходятъ. И бракъ-то самъ по себѣ, такъ сказать, большая непріятность. Вотъ потому-то и лучше заранѣе все устроить.

Бор. Эта мысль, признаться, мнѣ до сихъ поръ и въ голову никогда не приходила. Мнѣ къ этому еще привыкнуть надо.

Кл. Хорошо-съ, привыкайте, только ужъ до свадьбы.

Бор. Слѣдовательно, это ваше непремѣнное условіе?

Кл. Иначе, извините, какъ отецъ и какъ медикъ, не могу.

Бор. Извольте. Фу! Но только обѣщайте мнѣ, что вы не будете рассказывать Ольгѣ Евстигнѣевичъ содержаніе нашего разговора—она такъ впечатлительна. Это бы ее огорчило.

Кл. Конченъ балъ! Я спрячу ваше завѣщаніе къ себѣ и отдамъ его ей только послѣ вашей...

Бор. Да, да, да, я знаю, я знаю ужъ когда вы ей его отдадите. Такъ я поручу моему нотариусу составить это... эту бумагу.

Кл. И ладно. Вотъ-съ, какъ только вы привезете мнѣ, эту бумагу—завѣщаніе, такъ мы и день свадьбы назначимъ. Вы, небось, откладывать не захотите?

Бор. О, конечно, нѣтъ, нѣтъ.

Кл. И я такъ думалъ. Константинъ Аполлоновичъ, теперь мы сговорились. (*Подаетъ ему руку.*) И если вамъ будетъ угодно, можете обнять вашего будущаго тестя.

Бор. Ахъ, очень пріятно. (*Слегка его обнимаетъ.*) Ну-съ, а теперь я бы желалъ...

Кл. Я сейчасъ же поговорю съ моей дочерью. (*Отворяетъ 2-ю боковую дверь.*) Ляля, радость моя, поди-ка сюда.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же и Ольга.

Кл. Дочь моя, мы съ Константиномъ Аполлоновичемъ переговорили обо всемъ, и все порѣшили, что касается тебя.—Константинъ Аполлонычъ—господинъ хорошій, ты будешь съ нимъ счастлива. Лялячка, дѣвочка ты моя, вотъ тебѣ мое согласіе, а вотъ тебѣ и женихъ. А теперь я пойду старуху оповѣщу. Съ ней, небось, обморокъ сдѣлается, ну да ее урезоню. (*Уходитъ во 2-ю боковую дверь.*)

Бор. Оленька, вы все молчите, вы не хотите мнѣ ничего сказать?

Ол. (*немного отвернувшись отъ него, подаетъ ему руку назадъ.*)

Бор. (*хватаетъ руку и цѣлуетъ.*) Моя радость! Мое счастье! Моя женушка! А теперь

можно? (*Хочетъ ее поцѣловать въ губы, но какъ только онъ приближается къ ея лицу, она быстро склоняетъ голову и подставляетъ ему для поцѣлуя свой лобъ.*) И вы вѣрите, вѣрите, что будете счастливы со мной?

Ол. (*тихо*). Надѣюсь, Константинъ Аполлоновичъ.

Бор. Костя, зовите меня Костей!

Ол. Не теперь, — потомъ — мнѣ еще надо привыкнуть — скоро такъ я не могу.

Бор. Нѣтъ, нѣтъ, мой ангелъ, я не буду васъ торопить. Я такъ счастливъ, мнѣ такъ хорошо, такъ легко, какъ будто у меня крылья выросли. Такъ бы и полетѣлъ. Хорошо бы теперь куда-нибудь за городъ. Не правда ли? Мы должны какъ слѣдуетъ отпраздновать нашу помолвку. Здѣсь, въ комнатахъ, такъ душно. Поѣдте за городъ, хорошенько пообѣдать, и съ бокалами въ рукахъ отпразднуемъ этотъ счастливый день. Поѣдте, дорогая Оленька, теперь ужъ вы не можете мнѣ отказать, теперь ужъ вы должны будете согласиться.

Ол. Охотно. Я пойду только скажу. (*Идетъ въ 1-ю дверь налево*).

Бор. Не покидайте меня надолго.

Ол. Съ четверть часика придется вамъ подождать, пока папенька съ маменькой одѣнутся.

Бор. Папенька съ маменькой? Ахъ, и они тоже поѣдутъ?

Ол. Такъ развѣ же можно мнѣ съ вами вдвоемъ за городъ ѣхать и праздновать свою помолвку безъ папеньки и маменьки? — Да неужели же вы серьезно?

Бор. О, конечно, конечно. Намъ слѣдуетъ пригласить и вашихъ родителей отпраздновать сегодняшний день вмѣстѣ съ нами. — Наконецъ, ваше желаніе — для меня законъ.

Ол. Я ихъ потороплю, пойду помогу маменькѣ одѣться. (*Уходитъ въ 1-ю боковую дверь*.)

Бор. (*одинъ*). Ну, Костя, какъ-то ты теперь выглядишь? Гдѣ здѣсь зеркало? (*Смотрится въ маленькое зеркальце на комодѣ*). Немножко красенъ. Смотри, другъ ты мой Костя, ты какъ будто шалишь вздумалъ?! Ну развѣ же можно тебѣ, въ твои годы, такъ безъ памяти влюбляться? Нѣтъ, нѣтъ, ты просто счастливецъ! Что за дѣвочка — восторгъ, жемчужинка, единственная на всемъ свѣтѣ — такой ты еще во всю свою жизнь не встрѣчалъ. Ты, Костенька, помолодѣешь, ты сдѣлаешься вновь юношей, будешь праздновать вторую молодость, идиллію, пастушескую идиллію. — Счастливецъ ты. (*Грозится и кланяется въ зеркало*.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Ивановъ.

Ив. (*входитъ изъ входной двери. Замѣтивъ Борскаго*). Это кто еще такой? Что это онъ дѣлаетъ? (*Громко*). Здравствуйте.

Бор. (*быстро и испуганно оборачиваясь*). А?

Ив. Лизавета Евстигнѣвна дома-съ?

Бор. Кто?

Ив. Лизавета Евстигнѣвна, говорю, дома-съ?

Бор. (*въ сторону*). Ахъ, это сестрица. (*Ему*). Не знаю, ничего не могу вамъ сказать. (*Садится у окна*).

Ив. (*въ сторону*). Чего ему тутъ понадобилось? (*Подходитъ ко 2-й боковой двери*). Лизавета Евстигнѣвна, вы у себя-съ?

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Лиза.

Лиза. Оединька! ты? Пришелъ?

Ив. (*Показываетъ на Борскаго. Тихо*). Чужой-съ. Я-то пришелъ-съ, Лизавета Евстигнѣвна, извѣстно, мнѣ безъ васъ не жить на свѣтѣ. Папенька-то дома, что ли?

Лиза. Кажется, дома. — Да вотъ и онъ самъ идетъ.

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же и Климовъ.

Кл. (*изъ 1-й боковой двери*). Ну вотъ, и мы готовы. А это вы великолѣпно придумали: такой, можно сказать, счастливый для васъ день и какъ слѣдуетъ отпраздновать. Я, знаете, самъ очень люблю: и обѣдъ хорошій, и винцо. И старуха моя тоже сейчасъ явится. Она только свое шелковое платье надѣнетъ.

Лиза. Папенька!

Кл. (*оборачиваясь*). Да, ты вѣдь еще ничего не знаешь? (*Замѣтивъ Иванова*). Ахъ, и вы пожаловали?

Ив. Я такъ полагаю-съ, что мнѣ лучше въ другой разъ придти?

Кл. Нѣтъ, просимъ покорно, оставайтесь. Мнѣ Анна Петровна говорила, что вамъ угодно со мной побесѣдовать. Ну что-жъ, вотъ сейчасъ же и побесѣдуемъ. Вы все небось думаете, что я противъ того, чтобы вы вотъ съ Лизой — и совсѣмъ нѣтъ. Коли Лизавета хочетъ за васъ замужъ выйти — ея дѣло, сама не маленькая, понимать должна, что дѣлаетъ, чего же я ей мѣшать стану. Да и вообще сердиться я на васъ не сержусь, и не буду, особенно сегодня. Константинъ Аполлоновичъ, вотъ-съ, рекомендую — Федоръ Ивановичъ, господинъ Ивановъ, женихъ моей старшей дочери Лизаветы, а они вотъ — Константинъ Аполлоновичъ, Лялинъ женихъ.

Лиза. Что вы, папенька?!

Кл. Что? или не разслыхала? Сегодня вотъ собираемся ѣхать праздновать помолвку, а потомъ и свадьбку сыграемъ. — Оно, конечно, эта партія другого сорта, ну да и Ляля — дѣвочка другого сорта. Ну, а вы, съ Богомъ,

будьте счастливы. А что не такъ ладно пойдеть, тамъ я вамъ помогу. Мнѣ это важности не составляетъ.

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тѣ же, Анна Петровна и Ольга (выходятъ одѣтыя).

Ан. П. Ахъ, вотъ и Федоръ Ивановичъ! Здравствуйте, батюшка, здравствуйте! Ужъ какъ я рада-то, что вы опять къ намъ пожаловали.

Кл. Ладно ужъ, я обо всемъ переговорилъ и все устроилъ. Нечего тебѣ тутъ размазывать. (*Беретъ жену подъ руку.*) Пожалуйте, Константинъ Аполлоновичъ. Возьмите подъ ручку вашу невѣсту и ѣдемъ. Угощайте насъ чѣмъ хотите, по мнѣ хоть трюфелями съ птичьимъ молокомъ. Что, старуха, каковъ я молодецъ? Ты еще погоди. Вотъ когда шампанское подадутъ, тогда только ты, какъ слѣдуетъ, узнаешь, что я за человѣкъ на свѣтѣ. ѣдемъ!

Бор. (*къ Ольгѣ.*) А ваша сестра? Надѣюсь...?

Ол. (*пренебрежительно.*) Лиза?! Ха, ха, ха... Нѣтъ она останется съ Федоромъ Ивановичемъ. Ей съ нами скучно будетъ. До свиданья (*небрежно киваетъ головой.*)

(*Борскій подъ руку съ Ольгой уходитъ. За ними слѣдомъ Климовъ подъ руку съ женой. Лиза съ грустью смотритъ имъ вслѣдъ.*)

Ив. (*послѣ паузы.*) Что-же теперь, Лизавета Евстигнѣвна?

Лиза. Возьми ты меня поскорѣе отсюда, Фединька! Милый ты мой! Хорошій ты мой! (*Плачетъ у него на груди.*)

Ив. Поплачьте, Лизавета Евстигнѣвна, поплачьте, вамъ легче будетъ! Они вонъ пошли шампанское пить. Теперь-то имъ весело, — какое только Олинкѣ житье за такимъ мужемъ будетъ. Теперь-то имъ весело, какъ бы потомъ не плакать! Ну, да Богъ съ ними. Дай Богъ имъ счастья! Намъ хоша шампанскаго пить не на что, а что ужъ заживемъ мы не въ примѣръ лучше, это вѣрно. Эхъ, Лизанька! (*Обнимаетъ ее.*)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Роскошная гостиная въ домѣ Борскихъ. Направо двѣ двери, налѣво, на первомъ планѣ, дверь въ комнату Борскаго. Въ срединѣ большое окно.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Ольга (*въ эффектномъ матинэ*) и Волгинъ.

Вол. Что это сегодня съ вами? Вы опять не въ духѣ?

Ол. А съ вами что? Вы опять невыносимо скучны.

Вол. Что же, вамъ скучно слышать отъ меня, какъ горячо я васъ люблю?

Ол. Ужасно скучно.

Вол. Я право и самъ не знаю, что меня больше обижаетъ: ваша холодность, или ваша невѣрность.

Ол. Невѣрность? Кому же это я невѣрна?

Вол. Ну, хоть бы мнѣ.

Ол. Ха, ха, ха! Теперь вы по крайней мѣрѣ смѣшной! Вамъ вѣрности? Полагаю, мнѣ надо быть вѣрной только моему мужу.

Вол. Зачѣмъ же вы позволяли мнѣ говорить вамъ о моей пламенной любви?

Ол. Прежде вы мнѣ говорили гораздо интереснѣе. Сегодня вы въ какой-то меланхолии. Ахъ, какъ это скучно! Вообще никогда не надо говорить о любви женщинѣ, которая нерасположена это выслушивать.

Вол. Прощайте. Я ухожу.

Ол. Я васъ ужъ полчаса тому назадъ о томъ просила.

Вол. Оля, отчего вы сегодня опять такая капризная?

Ол. Потому что я сегодня все утро злилась.

Вол. На что?

Ол. Вѣдь вы знаете — хотѣла ѣхать на гастроли. Мужъ писалъ нѣсколькимъ знакомымъ антрепренерамъ, и вдругъ сегодня цѣлыхъ трое прислали письма, всѣ отвиливаютъ. Одинъ пишетъ, что онъ боится за успѣхъ, такъ какъ меня въ здѣшнихъ газетахъ разругали, такъ лучше де отложить гастроли, чтобы дать публикѣ позабыть про эти статьи. Какъ вамъ это нравится?

Вол. Да, вотъ что.

Ол. И не только здѣсь гадятъ мнѣ эти проклятые рецензенты, нѣтъ съ, мало имъ, они еще портятъ всю мою карьеру.

Вол. Да, правда, за послѣдній спектакль газеты, точно сговорились, напали на васъ. А вотъ публика... Помните въ томъ мѣстѣ, когда вы говорите эту фразу... какъ бишь... да: «вѣдь я еще — совѣмъ несмыслящій ребенокъ, не понимаю, что во мнѣ нашли», помните, какъ публика начала аплодировать.

Ол. Конечно, а въ «Орлеанской дѣвѣ» я имѣла еще большій успѣхъ. Помните то мѣсто въ большомъ монолוגѣ, когда Иоганна говоритъ: «Иду отъ васъ, и не вернусь къ вамъ болѣе» — меня прервали громомъ аплодисментовъ. И послѣ того, что же пишетъ

этотъ противный рецензентъ на другой день? Неудовольно-ли? (*Беретъ со стола газету.*) «На этотъ разъ мы присутствовали только во время исполненія пролога, но мы можемъ констатировать, что обѣщаніе молодой дебютантки уйти навсегда и никогда болѣе не возвращаться—было принято обрадованной публикой съ чувствомъ живѣйшей благодарности». Безсозвѣстно просто!

Вол. А вы на гастроли собираетесь?

Ол. И поѣду. Здѣшній антрепренеръ говоритъ, что нигдѣ нѣтъ такихъ мерзкихъ рецензентовъ, какъ здѣсь. Онъ-то былъ бы очень радъ, кабы я продолжала играть у него—вѣдь мужъ всякій разъ беретъ на 300 руб. билетовъ—да я сама не хочу. Ну, люди здѣсь! Развѣ же я не была эффе́ктна?

Вол. Удивительно!

Ол. Не правда ли? Бѣлокурый парикъ такъ ко мнѣ идетъ; или вамъ лучше нравится когда я играю брюнеткой?

Вол. Для меня не нужно никакихъ париковъ, никакихъ ролей—я всегда нахожу васъ прелестной.

Ол. Ну да, вы—вы вѣдь влюблены въ меня.

Вол. Безумно! Настолько безумно, что я готовъ ради васъ выкинуть какую угодно глупость.

Ол. Напримѣръ?

Вол. Надоѣсть вамъ своими клятвами, своими признаніями въ моей любви къ вамъ...

Ол. Вы это называете глупостью?

Вол. Да вѣдь вы же сами запрещаете мнѣ говорить вамъ о моей любви.

Ол. Не всегда, теперь можете чуточку поболтать объ этомъ.

Вол. Ахъ, Оля, вы словно сирена, маните, маните, пока совсѣмъ меня съ ума не сведете. Эти глазки! Этотъ ротикъ! Вы вотъ стоите предо мною и какъ будто хотите мнѣ сказать: «что же ты меня не поцѣлуешь?»

Ол. (*смѣясь*). Ну, коли вамъ такъ кажется...

Вел. Нѣтъ, мнѣ не кажется. Я увѣренъ! Вы прелестъ! (*Обнимаетъ ее и хочетъ поцѣловать. Въ ту же минуту изъ 1-й двери на право выходитъ Анна Петровна.*)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ же и Анна Петровна.

Ан. П. Оленька!

Ол. (*въ сторону. Сердито*). Маменька!

Вол. Вы удивляетесь, Анна Петровна? Но мы только что съ Ольгой Евстигнѣвной репетировали новую роль...

Ол. (*въ замѣшательствѣ*). Да, маменька, вообразите себѣ, Павелъ Сергѣевичъ говорить, что я совсѣмъ не такъ веду эту сцену.

Ан. П. Ну, матушка, оставь ты меня въ покоѣ съ своими театрами. Ничего я въ этомъ не понимаю. Вонъ къ тебѣ портниха пришла, ужъ

цѣлый часъ дожидается. Твои фрейлины докладывать не идутъ, говорятъ: не приказано беспокоить. Такъ вотъ я и пришла.

Ол. Что за важность—какаянибудь портниха. Если я занята, если я роль учу... Можетъ и подождать, пока мнѣ будетъ угодно ее принять, не велика птица! А не хочеть ждать, такъ пусть убирается, я себѣ другую найду. Небось такой заказчицѣ, какъ я, всякая модистка рада будетъ.

Ан. П. Что жъ, я такъ ей и скажу. (*Уходитъ.*)

Ол. Ну вотъ вамъ, дождались, сдѣлали-таки глупость!

Вол. А развѣ вы думаете, она что-нибудь замѣтила?

Ол. Что же, вы воображаете, такъ она вашей выдумкѣ и повѣрила?

Вол. Да вѣдь вашъ мужъ ни на минуту не усомнился, когда засталъ насъ за такой же репетиціей?

Ол. Такъ то мужъ! Вы что же думаете: маменьку также легко надуть, какъ мужа? Какъ же. Начнетъ она теперь мнѣ нотации читать. Ахъ, какъ это невыносимо! И вы тоже хороши! Третьяго дня въ театрѣ трещите мнѣ надъ ухомъ про вашу любовь, а мужъ сидитъ за нами въ аванложѣ.

Вол. Да вѣдь онъ такъ крѣпко уснулъ!

Ол. Ишь чѣмъ оправдываетесь. А вдругъ бы да проснулся?

Вол. Да вѣдь вы же самими сказали, что чтобы вашъ мужъ не услышалъ и не увидалъ, вамъ достаточно сказать слово, чтобы его успокоить.

Ол. А если я вдругъ да не захочу ничего сказать? Если я вдругъ подойду къ вамъ, да и объявлю, что я вашей любви повѣрила, что готова съ мужемъ развестись и сдѣлаться вашей женой—тогда что?

Вол. Это было бы ужасно!

Ол. Вотъ это такъ мило!

Вол. Но, прелестъ вы моя, что же бы вы стали со мной дѣлать? Мнѣ моего жалованья 143 руб. 33 к. на одного себя не хватаетъ. Я и такъ весь въ долгахъ.

Ол. И послѣ этого смѣете вы еще за мной ухаживать? Стыдитесь, невозможный вы человекъ.

Вол. Но вы же меня любите?

Ол. Никогда и не думала.

Вол. Я вамъ не вѣрю,

Ол. Это какъ вамъ будетъ угодно. Вы слышали—меня модистка ждетъ. Можете убираться.

Вол. А могу я вернуться?

Ол. Ну это совсѣмъ не къ спѣху.

Вол. А я все-таки вернусь. Долженъ же я васъ успокоить, утѣшить, если и въ самомъ дѣлѣ вамъ придется испытать какія-нибудь неприятности. Вы мнѣ позволите васъ успокоить?

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же и Борскій.

Бор. Въ чемъ это вы хотите успокоить мою жену, любезнѣйшій Павелъ Сергѣевичъ?

Вол. Ольга Евстигѣевна такъ разстроена письмами антрепренеровъ.

Бор. Въ самомъ дѣлѣ, моя радость, все еще разстроена? Ну успокойся, моя прелесть, я ужъ это устрою. Ты вѣдь знаешь, я ни передъ чѣмъ не остановлюсь, лишь бы только исполнить твое желаніе. И въ самомъ дѣлѣ, ты сморщила свой лобикъ. Ахъ, противные, какъ они разстроили мою женушку! (*Хочетъ поцѣловать ее въ лобъ.*)

Ол. Костя, мы не одни!

Бор. Ахъ, пустяки, Павелъ Сергѣевичъ свой человекъ.

Ол. Только не для меня

Бор. Удивительно строгонравственная женщина моя жена, не правда ли? Ахъ да, что я хотѣлъ тебѣ сказать, другъ мой. Ко мнѣ сейчасъ забѣжалъ Краснопольскій, и я пригласилъ его сегодня вечеромъ партійку сыграть. Ты противъ этого ничего не имѣешь?

Ол. Мнѣ совсѣмъ не весело, когда вы засидете за свой винтъ.

Бор. Ты хочешь остаться со мной, провести вечерокъ вдвоемъ? О, тогда, конечно, я попрошу его извинить меня, и мы такъ превосходно проведемъ вечерокъ съ тобой вдвоемъ, у камелька—будемъ пить чай—Да? у камелька?

Ол. Я сегодня въ оперу собиралась.

Бор. Опять эта опера? И опять Вагнеръ? Не сердись на меня, моя радость, но не понимаю я ничего въ этихъ операхъ. Все пѣніе и музыка, музыка и опять пѣніе, и ничего для глазъ.

Ол. Ну такъ я одна поѣду, а ты оставайся дома въ винтъ играть.

Бор. Не могу же я отпустить тебя въ театръ одну?

Вол. Если Ольга Евстигѣевна позволить мнѣ проводить ее?

Бор. Ахъ, это будетъ очень любезно съ вашей стороны, милѣйшій Павелъ Сергѣевичъ. Ты не сердись на меня, мой другъ?

Ол. Нисколько.

Вол. Такъ вы мнѣ разрѣшаете явиться сегодня вечеромъ къ вамъ, чтобы проводить васъ въ театръ? А теперь позвольте откланяться.

Бор. До свиданія, милѣйшій Павелъ Сергѣевичъ. Еще разъ благодарю васъ, отъ души. (*Тихо сму.*) Вы успокойте ее, чтобы она не волновалась, я ужъ устрою эти гастролы, я ужъ устрою. (*Волгинъ уходитъ во 2-ю дверь направо.*)

Бор. Все еще тучки? Да, да, все еще на этомъ хорошенькомъ личикѣ я не вижу обычной, очаровательной улыбки. Теперь я могу прогнать морщинки съ твоего лобика моимъ поцѣлуемъ?

Ол. Нѣтъ, пожалуйста, оставь—у тебя борода колется.

Бор. Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, этотъ Жанъ! Ну попробу же я его, чего же онъ смотритъ? Ну, а тогда ты позволишь?

Ол. Да, да. А теперь мнѣ некогда, модистка уже давно меня ждетъ. Мнѣ нужно примѣрить новый костюмъ.

Бор. А мнѣ нельзя присутствовать при этомъ?

Ол. Когда я буду костюмъ-то примѣривать? Что за глупости!

Бор. Да, да, ты права. Такъ я позову Жанна, пусть онъ скорѣй исправитъ свой недостатокъ. А затѣмъ я приду опять за моимъ поцѣлуемъ. А не поѣдемъ ли мы прокатиться?

Ол. Что-жъ, пожалуй.

Бор. Такъ я прикажу закладывать. До свиданія, до скорого свиданія. (*Посылаетъ ей воздушные поцѣлуи и уходитъ на лѣво.*)

Ол. (*хочетъ идти въ 1-ю дверь направо, но встрѣчается въ дверяхъ съ матерью. Пауза.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Анна Петровна.

Ан. П. А какъ тебѣ, дочка, поговорить пришла. Я вотъ только того и дождалась какъ ты одна будешь. Что-жъ—это такъ и будетъ продолжаться?

Ол. Ахъ, маменька, да не дѣлайте вы изъ мухи слона *).

Ан. П. Это что же, пустяки по твоему, что тебя посторонній мужчина цѣлуетъ?

Ол. Вѣдь вы же слышали, мы роль проходили?

Ан. П. Что-жъ ты думаешь, такъ я и поѣрила? Нешто мнѣ легко смотрѣть, какъ ты обходишься съ этими франтами, что за тобой волочатся? А ужъ пуще всего мнѣ этотъ Волгинъ. Ужъ и безъ того-то, сколько я наплакалась, какъ ты за своего старика-то замужьшла. И молила-то я, и просила, и усовѣщевала. Нѣтъ таки, вышла! Такъ по крайности будь ты своему мужу честной женой, не позорь ты его старость, вѣдь онъ на тебя не надышется.

Ол. Эхъ, полноте, маменька. Опять вамъ всякая чепуха представляется, и всегда-то вы съ своими попреками. Вѣдь это же скучно, наконецъ. Еще пока у васъ я жила, въ зависимости отъ васъ была, ну тогда я должна была поневолѣ эти попреки-то слушать, ну-съ, а теперь я у себя дома. Всего я достигла, и

*) Исполнительница роли Ольги отнюдь не должна—въ сценахъ, гдѣ Ольга проявляетъ неудовольствіе, — возвышать голосъ или высказывать раздраженіе. Ольга всегда остается сама собой, хорошей, безсердечной куколкой. Она отлично сознаетъ свою силу, а потому и не выходитъ изъ себя. Ко всему она относится легко и шутя.

за это мнѣ некого благодарить, кромѣ какъ себя. Никому я не обязана. Мужъ мнѣ вѣрить, всё со мной любезны, уважаютъ меня, какъ и должно, на то я хозяйка дома. И что же мнѣ и теперь подъ вашимъ дозоромъ находиться, и здѣсь вы хотите слѣдить за мной, подслушивать, да подсматривать? Ну ужъ нѣтъ, маменька, въ своемъ домѣ я этого терпѣть не намѣрена. Вамъ бы помнить надо, что здѣсь я хозяйка, а вы у меня въ гостяхъ.

Ан. П. Что же, по твоему, я за твой за хлѣбъ за соль, за сладкій кусокъ молчать должна, да на твои шашни сквозь пальцы смотрѣть?

Ол. Ахъ, маменька, что за выраженія! Довольно-съ. Какъ будто невѣсть что случилось.

Ан. П. Охъ, Ольга, не форси! Мать тебѣ говорить. Смотри, да оглядывайся. Послушайся ты материнскаго совѣта.

Ол. И, маменька, да не нужно мнѣ никакихъ совѣтовъ. Я сама знаю, что я дѣлаю и чего мнѣ дѣлать не слѣдуетъ.

Ан. П. Ну, ладно же. До сихъ поръ я глядѣла, да молчала. И горько мнѣ было, да молчала. Ну, а теперь я больше молчать ужъ не стану, все отцу расскажу.

Ол. Что-жъ, маменька, да сдѣлайте одолженіе, говорите кому вамъ угодно. Только вы, маменька, не забудьте, что я надъ собою командовать никому не позволю — слышите, маменька, и никому. (*Уходитъ въ 1-ю дверь на право.*)

Ан. П. (*вздыхая*). Ну, дочка!

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Климовъ.

Кл. (*однѣ по модному. Входитъ изъ 2-й двери направо*). Анна Петровна, а я васъ ищу. Куда вы дѣвали сигары, вотъ что мнѣ Кокоша подарилъ?

Ан. П. Спрятала я ваши сигары. Всѣ комнаты прокурилъ своимъ табачищемъ, дышать нельзя. А у меня кашель.

Кл. Полно тебѣ дурить-то. Давай ихъ сюда. Я собираюсь выхъать.

Ан. П. Погоди-ка, ты послушай, что я тебѣ скажу.

Кл. Только пожалуйста... Опять какаянибудь неприятность?

Ан. П. Тебѣ бы только одни пріятности.

Кл. И вѣчно ты испортишь мое расположеніе духа. Я сегодня въ духѣ. Выхъать собираюсь, а ты опять тутъ съ своими причитаніями. Ну, что тамъ еще стряслось? Ужъ здѣсь ли, кажется, намъ не житье?! Какъ сыръ въ маслѣ катаемся. Кокоша въ глаза намъ смотритъ, все намъ угодить старается. Да мы такъ хорошо отродясь еще не жили. А ты все ворчишь, да ноешь.

Ан. П. Да ужъ при такомъ-то житьѣ, тебѣ и дѣла ни до чего нѣтъ. Тебѣ и до дѣтей-то дѣла нѣтъ.

Кл. Ахъ, опять, что ли, хочешь насчетъ Лизаветы приставать? Нечего! Сама себѣ женишка выбрала, а коли теперь не сладко пришлось, такъ и жъ тутъ непричиненъ.

Ан. П. Лизанька-то наша такъ живетъ, какъ дай Богъ всякому. Послалъ ей Господь за ея доброту. Если и есть у ней печаль какая, такъ вотъ развѣ то, что отецъ родной и навѣститъ-то ее не желаетъ.

Кл. Я имъ не компанія. Опять съ тѣмъ дуракомъ Федоромъ Ивановичемъ поругаться, что ли?

Ан. П. Напрасно ты такъ о немъ понимаешь. Нешто-бы сталъ онъ тебѣ грубить.

Кл. Ну да ладно ужъ. Испортила-таки мнѣ расположеніе духа! И что тебя всегда догадаетъ не во время?

Ан. П. Самъ же ты разговоръ на Лизаньку повернулъ, а я съ тобой объ Ольгѣ поговорить хотѣла.

Кл. Опять нашла къ чему придраться? Знаешь, что я тебѣ въ этомъ не потатчикъ. И что ты все привязываешься къ несчастной Лялѣ? Ужъ вотъ доброта-то ангельская! Она ли объ насъ не заботится! Ужъ, кажется, обо всемъ старается. Живемъ мы въ свое удовольствіе.

Ан. П. Никакого я во всемъ этомъ удовольствія не вижу. А вдругъ, да что такое случится, что вся эта жизнь-то твоя распрекрасная кончится.

Кл. То есть, это какъ-же?

Ан. П. Ольга мужа обманываетъ.

Кл. Враки!

Ан. П. Кабы враки! Да вѣдь мнѣ не люди рассказывали, сама видѣла и слышала, какъ она съ посторонними мужчинами обращается.

Кл. Сама?

Ан. П. Сама, батюшка, сама. Кабы и ты смотрѣлъ въ оба, такъ и самъ бы давно ужъ подмѣтилъ бы, какъ она къ мужу - то равнодушна, а съ чужими-то какетничаетъ.

Кл. А Кокоша знаетъ?

Ан. П. Конечно же ни капельки не знаетъ. Вѣдь онъ въ нее какъ вѣрить-то. А то и не понимаетъ, что, коли ты ужъ старикъ, да на молоденькой женился, такъ жену надо покрѣпче держать, а не давать ей волю, какую онъ Ольгѣ даетъ. Самъ еще ее въ театръ съ молодымъ человѣкомъ посылаетъ, а самъ дома въ карты играетъ. Въ 11 часовъ спать ложится, а жену съ веселыми франтами оставляетъ. Ну, а тѣ, конечно, этимъ и пользуются.

Кл. Правда, правда твоя. Онъ во всемъ виноватъ!

Ан. П. Что его одного винить! А все жъ таки, нечего ему съ завязанными-то глазами около жены-то ходить.

Кл. И ты въ самомъ дѣлѣ думаешь?

Ан. П. Чего тутъ думать, тутъ думать не-

чего. Нешто бы я стала такое про родную дочь говорить, кабы своими глазами не видѣла.

Кл. Да что ты видѣла?

Ан. П. Сошла это я внизъ, слышу горничныя говорятъ, что барыня себя беспокоить не велѣла — я и вошла, а она съ Волгинымъ цѣлуется.

Кл. Съ Волгинымъ? Ну, скажите пожалуйста; а онъ еще на той недѣлѣ у Кокоши 500 р. въ займы взялъ.

Ан. П. Что ужъ толковать, не по любви Ольга замужъ вышла, такъ по крайности живи честно. Я ей было стала говорить, такъ куда тебѣ, стала я это ее стращать, что тебѣ скажу, такъ и на это вниманія не обратила. Что-же намъ такъ на это, сложа руки, и смотрѣть, да дожидаться пока она съ мужемъ разведется.

Кл. Разведется? Какъ разведется? Да ни за что на свѣтѣ! Гдѣ жъ такую жизнь найдешь.

Ан. П. Вотъ ты съ зятюшкой-то и поговори. Пусть онъ на молодую-то жену какъ слѣдуетъ вниманіе обратитъ. На то онъ ей и мужъ. Это ужъ твое дѣло съ нимъ поговорить. О такихъ дѣлахъ мужчинѣ говорить сподручнѣе. Да не откладывай, коли тебѣ счастье дочери дорого.

Кл. Это ты вѣрно. Это ты вѣрно. Вѣдь это что же бы такое было, какъ вдругъ бы насъ всѣхъ изъ этакой-то жизни... да и Лялю съ нами тоже... Оно, положимъ, завѣщаніе — то у меня.

Ан. П. Чего тамъ завѣщаніе. — Захочетъ — новое напишетъ.

Кл. Думаешь? Нешто можно? И то можно. Погоди, я сейчасъ съ нимъ поговорю.

Ан. П. Ты только обинякомъ этакъ.

Кл. Ну вотъ, учи еще, дипломатически устрою.

Ан. П. (*уходитъ во 2-ю дверь направо.*)

Кл. (*стучитъ въ дверь направо*). Зятекъ, Кокоша, вы одни?

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Борскій.

Бор. (*выходитъ слева*). Что вамъ угодно, тещюшка?

Кл. Я собственно... Постоите, чтобы не забыть, спасибо за сигарочницу, что вы мнѣ на той недѣлѣ подарили. Вѣдь настоящая серебряная, я вчера только узналъ. Ну, зятекъ, ну милый!

Бор. Ахъ, полноте, милый тещюшка, стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ. Я такъ радъ угодить вамъ. Вы только за этимъ?

Кл. Я собственно... да вы что, уѣзжать собрались?

Бор. Мы съ Оленькой собирались ѣхать кататься.

Кл. И отлично! И отлично! Катайтесь съ ней, гуляйте съ ней, а когда вы дома бываете, сидите съ ней и не принимайте къ себѣ никого.

Бор. То-есть какъ?

Кл. Видите ли... Ляля молода, ей нужны постоянно развлеченія, удовольствія, а когда она остается одна...

Бор. Развѣ Оленька жаловалась вамъ?

Кл. Вовсе нѣтъ. Совсѣмъ напротивъ! Но вотъ Анна Петровна и я, мы вѣдь все видимъ, да, и мы, какъ родители, должны...

Бор. Надѣюсь, что Оленька не имѣетъ причинъ жаловаться? Я исполняю ея малѣйшія желанія, даю ей полную свободу....

Кл. Стойте, вотъ въ этомъ-то и штука. Вы не должны ей много воли давать.

Бор. Какъ я долженъ это понимать?

Кл. Да, вотъ къ примѣру — спите вы послѣ обѣда?

Бор. Нѣтъ, я къ этому совсѣмъ не привыкъ.

Кл. Привыкните, пожалуйста привыкните, сдѣлайте мнѣ такое удовольствіе.

Бор. (*удивленно*). Да зачѣмъ?

Кл. Чтобъ вамъ вечеромъ не клевать носомъ. Вы слишкомъ рано спать ложитесь, а жену оставляете одну.

Бор. Она никогда не остается одна. У насъ всегда кто-нибудь бываетъ.

Кл. Она ни съ кѣмъ не должна оставаться. Только съ вами.

Бор. Развѣ вы боитесь, что...?

Кл. Бояться, чего мнѣ бояться? Кокоша, выслушайте меня спокойно. Мы съ вами вполне взрослые мужчины и потому можемъ говорить откровенно. Моя Ляля, очень хорошенькая и очень молоденькая, и было бы странно, еслибы у нея не было ухаживателей.

Бор. Ахъ, вы вотъ про что!

Кл. Позвольте мнѣ сказать. Моя дочь воспитана въ строгой нравственности, и я бы не потерпѣлъ даже самаго малѣйшаго, чтобы — Вы меня знаете? — Но молодость, это, собственно говоря, такой особаго рода возрастъ, и нельзя же требовать невозможнаго отъ молодой женщины, почти ребенка. Ну-съ, мой дорогой зять, возьмите и посмотрите на свою фотографію, и вы тогда поймете, что надо быть на стражѣ и нельзя клевать носомъ. Да, разъ за что взяли, надо выполнить. Скажемъ къ примѣру — сторожъ, ночной сторожъ, если онъ честно исполняетъ свой долгъ, онъ не долженъ уже зѣвать по сторонамъ и спать, а долженъ смотрѣть въ оба, чтобы что-нибудь не украли. Выражаясь аллегоріей, вы, въ известной степени, тоже своего рода сторожъ и притомъ своей собственной собственності, и вы должны смотрѣть, чтобы ничего не попало въ чужія руки.

Бор. Теперь ужъ я не могу удовлетвориться неясными намеками. Теперь я хочу знать категорически, что именно вы хотите сказать?

Кл. Успокойтесь, зятекъ, успокойтесь; слушайте вы только моего совѣта и будьте на сторожѣ. И потомъ вотъ что еще: хорошенько себѣ знакомыхъ подбирайте.

Бор. О комъ вы говорите? Имя!? Я хочу знать имя.

Кл. Ну, чего тамъ, да, къ примѣру, Волгинъ.

Бор. Волгинъ! Это невозможно! Онъ такъ многимъ мнѣ обязанъ.

Кл. Знаю, знаю. Онъ у васъ занимаетъ деньги. Послушайте моего совѣта: поставьте па этихъ деньгахъ крестъ, а его самого въ шею.

Бор. И онъ позволилъ себѣ что-нибудь относительно моей жены?

Кл. Позволилъ.

Бор. Быть не можетъ, чтобы онъ себѣ что-нибудь позволилъ, если бы жена не подала ему повода.

Кл. Вамъ лучше знать, вы въ этихъ дѣлахъ опытиѣ меня. Я за то, чтобы его немедленно—въ шею

Бор. Такъ вы подозрѣваете, что моя жена обманываетъ меня?

Кл. Пожалуйста, пожалуйста, никакихъ подозрѣній относительно моей дочери! Виновная сторона—это вы! Моя Ляля—это воскъ: изъ нея можно дѣлать что угодно, это я вамъ доказалъ. Прежде я руководилъ ею, теперь это ваше дѣло. Я отдалъ вамъ этого ребенка чистымъ и непорочнымъ, такимъ же потребую я его отъ васъ и обратно, когда вы переселитесь въ лучшей міръ. Итакъ, зятекъ, будьте осторожны и будьте на своемъ посту. Отецъ исполнилъ свой долгъ, теперь очередь мужа. До свиданья. *(Уходитъ въ 2-ю дверь направо.)*

Бор. *(Хватаясь за голову.)* Такъ ли я слышалъ? Возможно ли?

ЯВЛЕНИЕ 7. *)

Ольга.

Ол. *(въ другомъ платьѣ, выходитъ изъ 1-й двери направо.)* Ну вотъ, я и готова, можно ѣхать.

Бор. Оленька!

Ол. Что это съ тобой?

Бор. Оленька! Неужли же? Ты не оправдываешь моего довѣрія? Ты обманываешь меня?

Ол. Что такое?

Бор. Нѣтъ, пожалуйста, оставь этотъ тонъ! Лучше признайся мнѣ во всемъ, можетъ быть еще не поздно.

Ол. Ты съ ума сошелъ? Оставь меня въ покоѣ.

*) Конецъ пьесы передѣланъ противъ оригинала, согласно требованіямъ русской сцены. 4-й актъ замѣненъ повымъ 10 явленіемъ 3-го акта.

Прим. переводчицы.

Бор. Не вздумай лгать—я знаю все.

Ол. Что такое ты знаешь?

Бор. Я знаю о твоихъ отношеніяхъ къ Волгину, что онъ допускаетъ съ тобой непопозволенное обращеніе. За тобой подсматривали, и передали мнѣ.

Ол. Какія нибудь сплетни! Ты сплетень наслушался, а я стану передъ тобой оправдываться! Какъ же! Да, наконецъ, кто привелъ Волгина къ намъ въ домъ? Ты. Кто увѣрялъ что онъ хорошій человекъ? Ты. Кто пригласилъ его бывать у насъ, и развлекать меня, когда я сижу дома одна да скучаю? Ты. Слѣдовательно?

Бор. Не могъ же я предполагать, что онъ злоупотребитъ моимъ довѣріемъ.

Ол. Да тебѣ и теперь нечего предполагать, потому что все это вздоръ.

Бор. Но вѣдь сами же твои родители это замѣтили. Твой отецъ предупредилъ меня.

Ол. Какая гадость!

Бор. Я охотно готовъ вѣрить, что ты поступила необдуманно, но все же ты должна была поощрять его ухаживанія, разъ онъ началъ позволять себѣ...

Ол. *(отвернувшись и молчитъ. Онъ обходитъ ее, она опять отворачивается. Онъ опять—и такъ во время всей сцены.)*

Бор. И ты не оправдываешься?

Ол. Нѣтъ.

Бор. И даже не смотря на то, что твой родной отецъ сказалъ мнѣ про это?

Ол. Тѣмъ менѣе.

Бор. Оленька, ты видишь же какъ я огорченъ, разстроенъ! Пожалѣй же меня. Объясни же мнѣ...

Ол. Родного отца я осуждать не могу.

Бор. Твоего отца? Развѣ онъ сказалъ неправду?

Ол. Думай, какъ хочешь.

Бор. Да вѣдь нельзя же такъ! Я готовъ удовольствоваться какимъ бы то ни было малѣйшимъ объясненіемъ. Скажи же мнѣ хоть что-нибудь. Ну, прошу тебя.

Ол. Мнѣ это... тяжело. Это даже можетъ быть грѣшно...

Бор. Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ! Говори-же, говори.

Ол. Ты замѣтилъ, вѣроятно, что папенька за послѣднее время часто появлялся въ такомъ видѣ... такъ часто бываетъ слишкомъ... веселъ.

Бор. Ну?

Ол. Я и сказала, что больше терпѣть не стану и пожалуюсь тебѣ... Подумай, я хочу, чтобы нашъ домъ былъ поставленъ...

Бор. Конечно.

Ол. И вдругъ... папенька... такъ себя ведетъ. Что же мнѣ дѣлать! Ты пойми же меня; мнѣ тяжело ссорить тебя съ папенькой... И мнѣ стыдно... Ты станешь презирать мою семью, и пожалуй, разлюбишь меня...

Бор. Оля, ты могла подумать! Да я!...

Ол. Теперь наслетничали и будутъ продолжать...

Бор. Нѣтъ, не будутъ! Ты меня-то за кого же считаешь? Нѣтъ, я приму свои мѣры.

Ол. Какія? Не будь слишкомъ строгъ...

Бор. Какія? Н-да!... Какія?

Ол. Они еще больше разозлятся, а вѣдь мнѣ съ ними каждый день встрѣчаться придется.

Бор. Но тогда, знаешь что? Да, я придумалъ...

Ол. Что?

Бор. Мы попросимъ ихъ уѣхать отъ насъ... Мы устроимъ ихъ отдѣльно. А? Что? Да.

Ол. (радостно). И будемъ чаще оставаться одни, вдвоемъ! (Какъ будто опомнилась.) Что я! Черезъ меня имъ неприятели!

Бор. (цѣлуетъ руку). Чаще одни! Да, да! Ты ихъ жалѣешь! О, какъ ты добра!

Ол. (притворяется грустной). Но они будутъ меня обвинять...

Бор. Нѣтъ, нѣтъ! Я все возьму на себя, я такъ устрою. Я скажу, что ты за нихъ просила, но я рѣшилъ... Вѣдь они меня знаютъ, я человѣкъ рѣшительный, съ характеромъ!

Ол. (отошла, съела, закрыла лицо руками). Не все ли равно!

Бор. (тревожно). Оля, что съ тобой? Почему «не все-ли равно»? что это значить?

Ол. Я говорю, не все-ли равно... Нынче родные наслетничали—ты повѣрилъ, завтра чужіе скажутъ—тоже повѣришь. Хороша любовь! Благодарю!

Бор. Ну, Оленька, радость ты моя, не сердись на меня. Ну, я виноватъ, прости! Я и не думалъ сомнѣваться въ тебѣ. Я тебѣ вѣрю, безусловно вѣрю. Я, конечно, вполне понимаю, что оскорбилъ тебя, невинную, чистую, такимъ ужаснымъ подозрѣніемъ. Ну, прости твоего Кокошу, ну, не сердись на него.

Ол. Ты меня очень обидѣлъ. Я была такъ счастлива, мнѣ жилось такъ хорошо, мнѣ и въ голову не приходило ничего дурного. А теперь я должна бояться всякаго малѣйшаго пустяка, каждаго ничего не значущаго слова.

Бор. Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ нечего бояться. Я никогда больше не буду огорчать тебя ни малѣйшимъ подозрѣніемъ.

Ол. Ты даешь слово?

Бор. Ну вотъ, ну вотъ, ты опять улыбулась? Ахъ, какой же я дуракъ! Какъ я могу удивляться, что всѣ кругомъ увлекаются тобой—да я самъ первый влюбленъ въ тебя безъ памяти!—Оленька! Олюша!

Ол. Что тебѣ?

Бор. Жанъ исправилъ свою ошибку. Борода больше не колится. Ну, въ знакъ того, что ты меня прощаешь? Можно?

Ол. Хотя ты этого и не стоишь! (Подставляетъ ему губы). Ну, да ужъ такъ и быть.

Бор. (цѣлуетъ ее). Ангель! Ангель! Теперь... теперь потребуй отъ меня, чтобы я на головѣ ходилъ—я этого правда никогда не пробовадь, —но для тебя готовъ попробовать. — Ну, а теперь мы поѣдемъ кататься!

Ол. Если хочешь.

Бор. Я велю подавать. Я буду такъ гордо сидѣть въ экипажѣ рядомъ съ моей женушкой. Пусть всѣ смотрятъ и завидуютъ мнѣ, что у меня такая молоденькая, хорошенькая, милая женушка. Попробуйте только ухаживать за ней. Сдѣлайте одолженіе, ухаживайте. Я этого не боюсь, ея сердце принадлежать мнѣ, и только мнѣ, счастливѣйшему изъ смертныхъ. Я сейчасъ, сейчасъ вернусь—велю только подавать лошадей. (Уходитъ на лѣво.)

Ол. (проходитъ къ первой двери на право и зоветъ). Аннушка, подайте мнѣ накидку и шляпу.

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Горничная, Климовъ и Анна Петровна.

Горн. (выноситъ накидку и шляпу и помогаетъ Ольгѣ одѣваться. Та ее отсылаетъ кивкомъ головы. Она уходитъ обратно. Въ то же время изъ 2-й двери на право входятъ Климовъ и Анна Петровна).

Кл. (тихо жемъ). Они должно быть ужъ потолковали другъ съ другомъ. Я слышалъ какъ они разговаривали. Ну, теперь ужъ все улажено.

Ан. П. Ты смотри, не ляпнулъ ли ему чего лишняго?

Кл. Ну вотъ еще! Стану я лишнее болтать. Такъ это я ему все, дипломатично, этакъ.

Ол. (оборачивается къ нимъ). Ахъ, это вы? Очень кстати. Мнѣ надо съ вами поговорить.

Кл. Да, мы тутъ по близости находились, думали, что въ такомъ дѣлѣ тебѣ понадобится наша помощь.

Ол. (у зеркала). Вы, можетъ быть, ужъ слышали о чемъ мы говорили?

Ан. П. Что же это мы подслушивать станемъ, что ли?

Ол. Что жъ, не въ первый разъ.

Ан. П. Такъ-то ты съ матерью разговариваешь.

Кл. Не горячись, старуха. Ляля разстроена. Дай я поговорю. Ты что этимъ хочешь сказать?

Ол. Очень просто, что вы за мной шпионите и мужу на меня наговариваете.

Ан. П. Нешто я тебѣ раньше не говорила, не предостерегала? Небось мы тебѣ не чужіе. Должны же мы о тебѣ заботу имѣть, чтобы хуже чего не случилось.

Кл. Правда, Ляля, и въ самомъ дѣлѣ тебѣ

надо быть поосторожиѣе. Оно положимъ, Кокоша человекъ сонливый, а все же на это нельзя очень-то надѣяться. Вдругъ да онъ съ тобой разведется? Что тогда? Вѣдь завѣщаніе-то онъ можетъ во всякое время передѣлать. Я ужъ объ этомъ отъ вѣрнаго человекъ слышалъ.

Ол. Напрасно вы беспокоитесь.

Кл. А нечего беспокоиться, такъ и тѣмъ лучше. Поговорили вы съ Кокошей?

Ол. Поговорили.

Кл. Ну, вотъ и ладно. Ты мнѣ спасибо скажи: это я такъ дипломатично все сдѣлалъ.

Ол. Да, есть за что спасибо сказать.

Ан. П. (*мужу*). Слышишь, какъ поговариваетъ?

Кл. Ты только вотъ съ Волгинымъ-то перестань.

Ол. Я буду поступать такъ, какъ сама захочу.

Кл. Кокоша тебѣ не позволить.

Ол. Мой мужъ имѣетъ ко мнѣ полное довѣріе.

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же и Борскій (*входитъ при послѣднемъ словѣ*).

Бор. Да, полное довѣріе, совершенно полное... А вамъ, милѣйшій, (*къ Климову*) совѣтую завести очки, съ уменьшительными стеклами. Да! Вы плохо видите, у васъ обманъ зрѣнія! Судьба дала вамъ такую дочь, какъ Ольга, а вы не умѣете ее цѣнить.

Ан. П. и Кл. (*вмѣстѣ*). Мы!?

Бор. (*возвышая тонъ*). Да, не умѣете! Больше, — вы неблагодарны!

Кл. Позвольте, Кокоша!

Бор. Изъ-за ничтожныхъ поводовъ, изъ-за мелкаго самолюбія, вы дошли до того, что рѣшились клеветать, и на кого? На родную дочь! Низко, гадко, пошло!

Кл. Что? Что вы говорите? Клеветать? Ляля, да что онъ такое говорить?

Ол. Миѣ кажется, папенька, что Костя правъ. Мы не должны были забывать, какъ много мы ему обязаны.

Бор. (*Ольгѣ*). О, мое счастье, только не ты! Нѣтъ, нѣтъ, я тебѣ обязанъ.

Ол. И вы его встревожили, зря обезпокоили...

Ан. П. Вотъ такъ отчитала... (*къ мужу*.) Ну, дождался? Послушай, послушай. Пойди, приласкай теперь твою дочку... Ну, нечего сказать, папенькина дочка! Продолжай! Попрекай кускомъ хлѣба, попрекай!

Ол. Сцены! Какое мѣщанство!

Бор. Н-да, надо кончить! (*къ Аннѣ Петровнѣ*.) Да не плачьте пожалуйста, я невыношу слезъ. Вотъ что, милые мои, никто васъ обижать не желаетъ, но вмѣстѣ, вмѣстѣ... Ну, какъ бы вамъ сказать, ну, мы другъ друга стѣсняемъ.

Ан. П. Попросту гоните?.. Дочка желаетъ?

Ол. Я такъ и знала!

Бор. Ваша дочь просила за васъ, но я не хочу... Да-съ, я... Н-да! Я прошу васъ уѣхать.

Кл. Что? Меня гнать? Ляля! Вы забыли, зятекъ, кто я!

Бор. Не гнать! Никто не гонить...

Кл. Меня гнать!

Бор. Вы получите общанное...

Кл. Дудки-съ! Знаемъ мы! Теперь я вижу васъ насквозь, миленькій зятекъ... (*къ Ольгѣ*.) Твоихъ рукъ дѣло! Тебѣ мѣшаемъ, ты желаешь, чтобъ мы уѣхали? Ну, пе фінти?

Ол. Мужъ такъ рѣшилъ.

Кл. И ты одобряешь, находишь, что хорошо?

Ол. Я мужу, папенька, не судья... Вы меня сами такъ воспитывали. Въ дѣвицахъ я была послушной дочерью, теперь — послушная жена. Да я и не знаю, о чемъ вы тревожитесь... Общанное...

Кл. (*съ негодованіемъ*). На словахъ! Какое съ, позвольте спросить? Какое? Да говорите?

Бор. (*растерялся*). Ну, конечно, конечно...

Ол. Квартира, на жизнь... приличную...

Кл. Вотъ оно что! Да вы способны предложить десять рублей въ мѣсяцъ?

Бор. Дѣло не въ рубляхъ, лишь бы копчить можно.

Кл. (*съ удивленіемъ*). Да, совѣтую... Копчить можно... С-о-в-ѣ-т-у-ю! Да-съ! Какую же сумму вы опредѣлите?

Ан. П. Ничего намъ не надо и ничего мы не возьмемъ...

Кл. Анна! Не мѣшайся!

Ан. П. Если мы тебѣ, доченька, въ тягость, если изъ дому гонишь, не надо и денегъ твоихъ... Не надо.

Ол. Глупости! На что жить станете?

Ан. П. Съ рукой за подааньемъ пойду, но отъ тебя, отъ такой, какой ты стала, ничего мнѣ не надо...

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тѣ же, Федоръ Ивановичъ.

Фед. Ив. (*За сценой*.) Самъ пройду. Какіе тамъ еще доклады.

Ан. П. Федоръ Ивановичъ!

Фед. Ив. Я самъ-съ, маменька, самолично-съ! Здравствуйте!

Ан. П. Федоръ Ивановичъ, голубчикъ мой!

Фед. Ив. Что такое-съ? Никакъ плакали?

Кл. Ничего... Такъ, о дѣлахъ толковали... Мало-ль у насъ дѣлъ серьезныхъ. Вѣдь у насъ не переплетная мастерская...

Фед. Ив. А я пришелъ къ вамъ, маменька, радость сообщить, — сынокъ родился... Ну, я и побѣжалъ къ вамъ. (*къ Борскому*.) Извините-съ, взошелъ безъ доклада... (*Борскій ки-*

вѣтъ головой.) Пожалуйте къ намъ, маменька, и вы, папенька. (*Къ Ольг.*) И васъ бы очень даже желательно видѣть, да погнушается... Хоть на крестины.

Ол. Не знаю... Мы собираемся уѣхать... На зубокъ пришло...

Фед. Ив. Это, какъ вамъ угодно-съ... Мы не о томъ...

Ан. П. Федоръ Ивановичъ, голубчикъ, не могу я скрыть, возьми ты меня къ себѣ, возьми совсѣмъ... Гонять насъ отсюда, помѣшали мы... Деньгами отъ насъ откупиться хотятъ...

Фед. Ив. Гонять? Ну, это-съ даже довольно низко...

Бор. Но, но, не забываетесь!

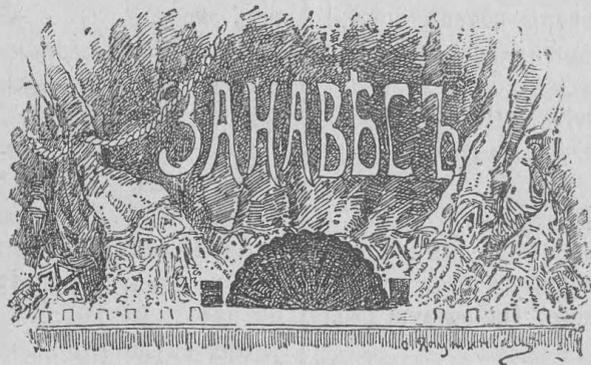
Фед. Ив. Вотъ оно что! Что жъ, сестрица, такъ всегда, что-ли, благородные поступаютъ? Вотъ такъ за любовь уплата-съ, ну, истинно надо сказать: папешкина дочка! (*Къ Аннѣ Петровнѣ.*) Ну, матушка, не плачьте. Нѣтъ у насъ съ Лизой палатъ такихъ, не по-вора-съ готовятъ, не на серебрѣ кушаемъ, а все же свой хлѣбъ ѣдимъ. Хоша заведѣнице у насъ и не большое, да свое-съ, что есть,—

вмѣстѣ подѣлимся, кусокъ послѣдній и тотъ раздѣлимъ, да съ радостью, потому, родительница вы наша, и о томъ забыть намъ никакъ невозможно... Живите у насъ, родная, насъ любите, да внука ласкайте... Намъ вы въ тягость не будете, станете внучка нянчить, по домашности супругѣ помогать. Вотъ и все-съ. Отъ васъ, папенька, намъ ждать конечно жъ нечего, потому, такъ будемъ говорить, отъ васъ какого толку и ждать, а все жъ таки, мы даже очень прекрасно помнимъ, что вы намъ не чужіе, а потому, что у самихъ есть, то и вамъ предоставимъ.—Пожалуйте-съ, и вашу старость успокоимъ.

Ол. Мелодрама! Къ чему? Папа, ты благо-разумнѣе...

Кл. Н-да. Знаешь, мать—женщина старая... Но мы столкнемся... Ну, зятекъ, правда?

Ан. П. Столкнетесь?! Ну вотъ тебѣ, старикъ, мое послѣднее слово. Коли ты со мной хочешь вѣкъ дожить, такъ иди ты съ нами. Я къ тебѣ,—рѣжь меня—не пойду. (*Климовъ молчитъ.*) Молчишь? Пойдемъ, Федоръ Ивановичъ, пойдемъ отсюда! Они столкнутся...

 Взамѣнъ переписыванія ролей этой пьесы, могутъ быть приобрѣтены въ конторѣ нашего журнала отдѣльные оттиски этой пьесы. Цѣна комплекта въ 8 экз. (по числу ролей)—2 руб. Гг. подписчики за пересылку не платятъ.

КАТАЛОГЪ

207 ДРАМАТИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ,

напечатанныхъ въ №№ 1—29 журнала „Артистъ“, №№ 1—8 „Дневника Артиста“
и №№ 1—28 журнала „Театральная Библіотека“.

	№№ кн. „Артиста“	№№ кн. „Т. Библиот.“		№№ кн. „Артиста“	№№ кн. „Т. Библиот.“
„Автора въ театрѣ нѣтъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова, (Къ представленію разрѣшено безусловно, см. „Правит. Вѣстн.“ 91 г. № 176)	—	3	„Въ лунную лѣтнюю ночь“, этюдъ въ 1 д. А. Степановой (92 г. № 7)	—	8
„Ангель“, фарсъ въ 1 д. перед. изъ ком. Ломейера „Der Stammhalter“ Н. О. Арбенина („Прав. Вѣстн.“ 93 г. № 144)	—	27	„Въ мутной водѣ“, ш. въ 1 д. Н. С. Семенова (91 г. № 144)	—	1
„Арсеній Гуровъ“, др. въ 5 д. В. М. Михеева („Пр. Вѣстн.“ 92 г. № 48)	19	—	„Въ неравной борьбѣ“, др. въ 4 д. Влад. А. Александрова (91 г. №№ 233 и 120)	16	—
„Ахъ мужчины, мужчины“ ком.-фарсъ въ 4 д. перед. изъ ком. Залевскаго—Н. А. Тихановымъ (91 г. № 144)	—	2	„Въ слѣдующій разъ“, сценка-монологъ въ 1 д. Грене-Данкура, перев. съ французск. О. А. Куманина (90 г. № 202). (Въ отдѣльн. изд. нашего журнала—91 г. № 31).	8	—
„Бабье дѣло“, ш. въ 2 д. А. Н. Канаева (90 г. № 202)	7	—	„Въ сонномъ царствѣ“, ком. въ 4 д. И. Я. Гурлянда (90 г. № 202)	8	—
„Безъ Исхода“, пьеса въ 1 к. Ек. Лѣтковой (93 г. № 144)	7	—	„Въ старые годы“, др. въ 5 д. И. В. Шпажинскаго (89 г. № 258)	1	—
„Безъ руля“, др. въ 3 д., въ стихахъ. О. Н. Чюминой (93 г. № 11 и 33)	26	—	„Въ царствѣ поэтовъ“, ком.-ф. въ 2 д. В. Корнеліевой (92 г. № 271)	24	—
„Безъ кинжала“, ш. въ 1 д. В. Р. Циглева (90 г. № 202)	7	—	„Вытурилъ“, ш. въ 1 д. и 2 карт. Г. Н. Грессера и С. В. Чирикова (92 г. № 242)	—	18
„Биржевики“, ком. въ 1 д. Станислава Добрянскаго („Złoty sielec“). Передѣлана для русской сцены Н. А. Тихановымъ (92 г. № 142)	—	13	„Вѣчность въ мгновени“, Драмматическій этюдъ въ 1 д. Г. Л. Щелкиной-Куперникъ (93 г. № 33)	25	—
„Богатѣй“ („Кротость—что бѣлая зорьна“) ком. въ 4 д. Е. П. Гославскаго (92 г. № 7)	18	—	„Гамлетъ“, траг. В. Шекспира, переводъ П. П. Гнѣдича	19—21	—
„Божья коровка“, ком. въ 4 д. П. Д. Боборыкина (90 г. № 12)	4	—	„Гастролерша“, шутка въ 1 д. Ивана Щеглова (90 г. № 228)	9	—
„Борьба за существованіе“, пьеса въ 5 д. А. Додз, перев. Э. Э. Матерна (90 г. № 12)	4	—	„Геніальная женщина“, шутка въ 1 д. А. Р. Г. (91 г. № 144)	—	1
„Братъ и сестра“, пьеса въ 1 д. В. Гете, перев. Э. Э. Матерна (92 г. № 7)	18	—	„Герой“, ком.-шутка въ 1 д. Г. Н. Грессеръ (93 г. № 144)	—	27
„Букетъ“, ком. въ 1 д. И. Н. Потепенко (92 г. № 242)	—	18	„Гибель Содомы“, др. въ 5 д. Г. Зудермана, пер. П. К. (92 г. № 242)	23	—
„Бываетъ“, ком. въ 1 д. Н. В. Казанцева (92 г. № 271)	—	19	„Гость“, др. въ 2 д. Эдуарда Брандеса, перев. П. Ганзена (92 г. №№ 48 и 79)	19	—
„Быть или не быть?“ ком.-шут. въ 1 д. Скриба, перед. для русской сцены Э. Матернъ (92 г. № 216)	—	15	„Грамотѣй“, анекд. ш. въ 1 д. И. Н. Ге (92 г. № 142)	—	13
„Бѣби“, ком. въ 3 д. Н. И. Северина (92 г. № 48 и 97)	—	11	„Графъ де Ризооръ“ („Patrie“), др. въ 5 д. и 7 к. Винторьена Сарду. Пер. Н. О. Арбенина	21	—
„Вамъ такія сцены не знакомы?“ сценка въ 1 д. Дрейфуса, перев. Н. А. Тиханова (91 г. №№ 144 и 176)	—	4	„Гусь лапчатый“, др. въ 5 д. И. А. Салова (90 г. № 283)	11	—
„Василень“, ком. въ 4 д. В. А. Крылова (90 г. № 283)	11	—	„Дармоѣдка“, ком. въ 5 д. И. А. Салова (90 г. № 202)	8	—
„Вильгельмъ Тэль“, др. въ 5 д. Шиллера, переводъ А. А. Криль (93 г. № 123)	22—25	—	„Дачный мужъ“, ком.-шутка въ 3 д. Ивана Щеглова (92 г. № 142)	—	14
„Viola tricolor“ („Трехцвѣтная фіалка“), ком. въ 1 д. П. П. Гнѣдича (93 г. № 88)	—	23	„Дѣвѣ семьи“, ком. въ 5 д. Эмиля Ожье, перев. И. Л. Щеглова (92 г. № 216)	22	—
„Внизъ по матушнѣ по Волгѣ“, карт. для оконч. спец. В. Шигрова (92 г. № 242)	—	18	„День въ Петербургѣ“, сцены въ 3 картинахъ М. И. Чайковскаго (93 г. № 88)	28	—
„Водоворотъ“, др. въ 5 д. И. В. Шпажинскаго (90 г. № 12)	3	—	„Дизнь“, др. въ 5 д. Альфонса Додз, перев. И. Н. Ге (92 г. № 79)	—	11
„Волшебный вальсъ“ („Zauberwalzer“), шутка въ 1 д. съ пѣніемъ А. М. Шмидтгофа (съ приложеніемъ клавираусулу). (93 г. № 123)	—	24	„Дониторъ Штокманъ“, др. въ 5 д. Г. Ибсена, перев. Н. Мировичъ (91 г. №№ 120 и 233)	15	—
„Волная волюшка“, др. въ 5 д. И. В. Шпажинскаго (91 г. № 31)	12	—	„Долгъ чести“, др. въ 1 д. П. Гейзе, перев. Э. Э. Матернъ (91 г. № 176)	—	3
„Волная пташка“, ком. въ 3 д. Е. П. Карпова (91 г. № 276)	—	7	„Донъ Карлосъ, инфантъ испанскій“, тр. въ 5 д. Шиллера. Приспособленный для сцены переводъ И. Н. Грекова. Съ рисунками костюмовъ гр. О. Л. Соллоуба	1—4	—
„Вотъ такъ водевилъ“, шутка въ 1 д. Г. Н. Грессера (91 г. № 276)	—	7	„Донъ Фернандо, стойкій принцъ“, тр. въ 5 д. Кальдерона, перев. Н. О. Арбенина (91 г. № 94)	12—14	—
„Встрѣча“, карт. въ 1 д. П. П. Гнѣдича (91 г. № 276)	—	17	„Дочь невѣста“, ком.-шутка въ 4 д. В. М. Михеева (91 г. № 276)	—	7
„Всякому свое“, ком. въ 4 д. Н. В. Казанцева (90 г. № 202)	5	—	„Другъ Фрицъ“, ком. въ 2 д. Эрнмана Шатриана, пер. Э. Э. Матерна (93 г. № 33)	—	20
„Втируша“ („L'Intruse“), др. въ 1 д. М. Метерлинка, пер. Е. Н. Клетновой (93 г. № 88)	—	28	„Душа-потемки“, сцены въ 3 д. М. П. Садовскаго (91 г. № 233)	—	5
„Въ глуши“, др. этюдъ въ 4 д. В. В. Тунюшенскаго (92 г. № 216)	—	17	„Дуэль“, шутка въ 1 д. Вл. А. Александрова (93 г. № 88)	—	23

	№№ кн. "Артиста"	№№ кн. "Т. Библия"	№№ кн. "Артиста"	№№ кн. "Т. Библия"
"Дядюшкина квартира", шутка в 3 д. И. И. Мясничаго. (93 г. № 123).	—	25	—	25
"Елка", ком. в 1 д. Влад. И. Немировича-Данченко (92 г. № 216 и 242).	23	—	1	—
"Женить приятный", сцена-монолог И. И. Мясничаго (93 г. № 88).	—	23	—	25
"Женская чепуха", шут. в 1 д. Ивана Щеглова (93 г. № 88).	—	23	—	13
"Женский вопрос", фарс в 2 д. Л. Фульда, перев. Н. Ф. Арбенина (92 г. № 48).	20	—	21	—
"Жизнь Илимова", будничная др. в 5 карт. В. С. Лихачева (91 г. № 233).	15	—	—	26
"Жить надоело", ш. в 1 д. В. В. Билибина (91 г. № 176).	—	3	—	8
"Житье привольное", др. из народной жизни в 5 д. Е. П. Карпова (92 г. №№ 79 и 98).	—	12	—	21
"Жоржинья", ком.-фарс в 2 д. Чена (91 г. № 94). (Въ отдѣльномъ изданіи нашего журнала—91 г. № 120).	14	—	13	—
"Жрица искусства", ком. в 4 д. Е. П. Карпова (91 г. № 59).	14	—	—	26
Завидный жених, сцены в 3 д. С. Н. Иконникова (93 г. № 144).	—	27	5	—
"Загадка", ком. в 2 д. в стихахъ, О. Н. Чуминой (92 г. № 271).	—	19	—	5
"За золотымъ руномъ", сцены въ похода современныхъ аргонавтовъ в 4 д., А. Лугового (93 г. № 33).	25	—	—	5
"За рюмочку", картинка будничной жизни В. Р. Щиглева (92 г. № 216).	—	15	—	6
За прошлое, сцены в 1 д. Э. Э. Матернъ (93 г. № 144).	—	27	11	—
"Затмилась", разск. для сцены И. И. Мясничаго. (93 г. № 144).	—	26	—	10
"Заяць", комедія-фарс в 3 д. И. И. Мясничаго (92 г. № 7).	—	8	—	—
"Зеленый яръ", ком. в 4 д. П. П. Гнѣдича (93 г. № 33).	—	21	—	16
"Золотая рыба", ком. в 3 д. И. А. Салова и И. Н. Ге (90 г. № 12).	3	—	—	22
"Зубъ", разскъ для сцены И. И. Мясничаго. (93 г. № 123).	—	24	10	—
"Иванъ да Марья", шутка в 1 д. Г. Н. Грессера (92 г. № 216).	—	17	—	27
"Игра въ любовь ("Флиртъ"), ком. в 4 д. Е. М. Бабецкаго (перевѣдъ изъ ком. "Flirt" М. Балучаго).	—	28	—	4
"Изломанные люди", пьеса в 4 д. Вл. А. Александрова. (93 г. № 123).	29	—	—	15
"Избытокъ счастья", комедія-шутка в 4 д. И. Н. Ге и Г. Смоленскаго (93 г. № 88).	—	22	7	—
"И ночь... и луна... и любовь..." ("Nottiguo"), шутка в 1 д. съ пѣніемъ (оригинал). Г. Н. Грессера, (съ приложеніемъ плавирасуца) (92 г. № 98).	12	—	—	21
"Интересная больная", шутка в 1 д. В. Холостова (91 г. № 233).	—	6	—	3
"Ирэнъ", ком. в 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. (93 г. № 123).	—	6	—	2
"Искорна", ком. в 1 д. Пальерона, пер. для русск. сцены А. Н. Плещевымъ (91 г. № 233).	—	5	—	1
"Казусъ въ... театръ", шутка в 1 д. Ф. Ралнера, пер. съ пѣмецкаго Э. Матернъ (93 г. № 33).	—	21	—	—
"Камень при распутьи", ком. в 3 д. ин. Н. П. Урусова (91 г. № 176).	—	4	—	16
"Кайсаровы", пьеса в 4 д. Влад. А. Александрова (92 г. № 48).	—	9	—	4
"Канъ куръ во щи", ком.-фарс в 3 д. И. И. Мясничаго (сюжетъ заимствованъ).	—	28	—	15
"Клубъ велосипедистовъ", оригинал. фарс в 3 д. Н. В. Корцинь-Жуновскаго (93 г. № 144).	—	27	4	—
"Клубъ холостяковъ", ком. в 3 д. Балучаго, перев. съ польскаго Б. Ю. Островской (93 г. № 144).	—	26	—	14
"Коминъ по натурѣ", шутка в 1 д. Ив. Щеглова (92 г. № 48).	—	9	—	6
"Компаньоны", ком. в 4 д. П. М. Невѣжина (91 г. № 276 и 92 г. № 7).	18	—	—	1
"Кража", др. этюдъ в 1 д. ин. Д. П. Голицына (Муравлина) (90 г. № 228).	9	—	2	—
"Крокодиловы слезы", ком. в 5 д. Е. П. Карпова (93 г. № 88).	—	23	5	—
"Лебединая пѣсня", ("Налхасъ"), др. этюдъ в 1 д. А. П. Чехова (89 г. № 274).	2	—	—	25
"Лѣтняя картина", в 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ (92 г. № 242).	23	—	—	—
"Мамаево нашествіе", ком.-шут. в 3 д. Ив. Щеглова (90 г. № 283).	10	—	—	—
"Матапъ", ком. в 2 д. С. Н. Терпигорева (Сергѣя Атавы) (90 г. № 12).	3	—	—	14
"Медвѣдь", ш. в 1 д. А. П. Чехова (90 г. № 202).	6	—	—	18
"Мельхiorъ", ком. в 1 д. С. Меллера, перев. Н. Г. (91 г. № 223).	—	5	—	—
"Молодость Людовика XIV", ком. в 4 д. А. Дюма (отца), перев. А. Ф. Крюковскаго (93 г. № 88).	27	—	14	—
"Молчаніе", шутка в 1 д. В. В. Билибина (91 г. № 31).	12	—	12	—
"Мужъ и жена", ком. в 5 д. О. К. Снѣжина. (93 г. № 123).	29	—	—	1
"Муравейникъ", к. в 2 д. Н. Криничнаго (92 г. № 97 и 216).	4	—	—	9
"Мухоловка" ("Цвѣтень людоѣдъ"), ком. в 5 д. Л. Г. Г. (93 г. № 123).	—	25	—	5
"Мышеловка", ш. в 1 д. И. Л. Щеглова (89 г. № 258).	—	—	1	—
— Та же пьеса в новой редакціи. (93 г. № 123).	—	—	—	25
"Мюзота", др. в 3 д. Гюи де-Мопассана и Ж. Нормана, перев. Н. И. Северина (92 г. № 142).	—	—	—	13
"Навожденіе", ком. в 3 д. Н. Криничнаго и А. Воронежскаго (92 г. № 79).	—	—	21	—
"Наканунъ золотой свадьбы", к.-ш. в 1 д. Г. Н. Грессера (93 г. № 144).	—	—	—	26
"На своихъ мѣстахъ", ком. в 4 д. Ник. В. Казанцева (92 г. № 7).	—	—	—	8
"На станціи", карт. в 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ (93 г. № 33).	—	—	—	21
"Не всякому, канъ Янову", картина сельской жизни в 1 д., Е. П. Гославскаго (91 г. № 59).	13	—	—	—
"Не въ добрый часъ", ш. в 1 д. И. Л. Щеглова (91 г. № 233).	—	—	—	26
"Нежданный гость ("Жанъ Дамуръ"), др. в 1 д. Эника (перевѣдано изъ романа Эмиля Золя), перев. съ франц. И. Л. Щеглова (90 г. № 202).	—	—	5	—
"Незадачный денекъ", ш. в 1 д. Н. Каменскаго (91 г. № 233).	—	—	—	5
"Незванный гость", небывалый анекдотъ в 1 д. Н. Г. Леонтьева (91 г. № 233).	—	—	—	5
"Не лги!" фарс в 3 д. И. И. Мясничаго, перев. изъ ком. Шамберта "ledénâcte pricizâni" (92 г. № 48).	—	—	—	6
"Ненастье", ком. в 1 д. П. П. Гнѣдича (91 г. № 59).	—	27	11	—
"Неудачный день", ком. в 1 д. Т. Барриера, перев. Э. Э. Матернъ (92 г. № 189).	—	26	—	10
"Нижний въ ярмарку", ф. в 1 д. Н. А. Тиханова. (сюжетъ заимствованъ изъ ком. Добржанскаго "Wajszek Alfonsa") (93 г. № 144).	—	—	—	16
"Ни минуты покоя", оригинал. ком.-фарс в 3 д. И. И. Мясничаго (93 г. № 88).	—	—	—	22
"Новое дѣло", ком. в 4 д. Влад. Ив. Немировича-Данченко (90 г. № 283). (Въ отдѣльномъ изданіи нашего журнала—91 г. № 31).	—	—	10	—
"Ночь", драм. этюдъ в 1 д. Валеріана Свѣтлова. (93 г. № 144).	—	—	—	27
"Обухъ" ("Ни съ того, нисъ сего") ("Nowy dzienik"), ком. в 3 д. Балучаго, перев. для русской сцены Е. М. Б-аго (91 г. № 176).	—	—	—	4
"Одурачили..." ("Мужъ на промать"), ("Le mari à Bybette"), ком. в 3 д. Г. Мельяка и Ф. Жилля, перев. съ франц. П. И. Кичеева (92 г. № 216).	—	—	—	15
"Озимъ", др. в 4 д. А. А. Лугового (90 г. № 202).	7	—	—	—
"Она одна", сцена-монологъ И. И. Мясничаго (93 г. № 33).	—	—	—	21
"Опасные люди" ("Два полюса"), др. в 4 д. К. В. Назарьевой (91 г. № 176).	—	—	—	3
"Осень", ком. в 3 д. В. М. Михеева (91 г. № 144).	—	—	—	2
"Осенняя роза", ком. в одномъ актѣ Огюста Доршена, переводъ съ франц. А. Н. Михеевой (92 г. № 98).	—	—	1	—
"Осколки минувшаго", ком. в 5 д. и 6 картин, перевѣдана изъ повѣсти Вс. Крестовскаго (псевдонимъ) "Въ ожиданіи лучшаго" И. Н. Ге. (91 г. № 233).	—	—	16	—
"Отставка", шутка в 1 д. (91 г. №№ 144 и 176).	—	—	—	4
"Отрѣзанный ломоть", фарс-вож. в 1 д. С. А. Алякринскаго (92 г. № 216).	—	—	—	15
"Перенати поле", ком. в 4 д. П. П. Гнѣдича (90 г. № 12). (Въ отд. изд. нашего журнала—90 г. № 228).	—	—	4	—
"Петербургскій кузень", ком. в 2 д. В. Кигна и В. Тиханова (92 г. № 142).	—	—	—	14
"Плагиать", ком. в 1 д. К. С. Баранцевича (90 г. № 202).	—	—	6	—
"Подвижной лагерный сборъ", карт. в 1 д. Н. П. Неймана (91 г. № 144).	—	—	—	1
"Подъ властью сердца", др. в 5 д. И. Н. Ладженскаго (89 г. № 274).	—	—	2	—
"Подъ душистой вѣткой сирени", ком. в 1 д. В. Корнеліевой (92 г. № 189). "Дневн. Арт." № —	—	—	5	—
"По красному звѣрю", ком. шутка в 2 д. И. Н. Захарына. (93 г. № 123).	—	—	—	25
"По кровавымъ слѣдамъ", фарс в 1 д. Г. Н. Грессера (90 г. № 283).	—	—	10	—
"По памятной книжкѣ", ком.-шутка в 1 д. Перевѣдана Э. Э. Матерномъ изъ пьесы Г. Мюрже "Le serment d'Hogase" (92 г. № 142).	—	—	—	14
"По разсѣянности", ком. в 3 д. Н. В. Казанцева (92 г. № 242).	—	—	—	18
"По ревизіи", этюдъ в 1 д. М. Л. Кропивницкаго (91 г. № 94).	—	—	14	—
"Порывъ", др. в 4 д. Н. О. Раншанина (91 г. № 31).	—	—	12	—
"Последнее сокровище", др. эт. в 2 д. В. М. Михеева (91 г. № 144).	—	—	—	1
"Последняя воля", ком. в 4 д. Вл. Ив. Немировича-Данченко (92 г. № 48).	—	—	—	9
"Похищеніе Сильфиды", ком. в 1 д. В. В. Билибина (91 г. № 233).	—	—	—	5

	№№ кн. „Артиста“	№№ кн. „Т. Библ.“	№№ кн. „Артиста“	№№ кн. „Т. Библ.“
„Праздникъ въ Сольгаугъ“, др. въ 3 д. Ибсена (93 г. № 33)	26	—	—	20
„Предложеніе“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова. (90 г. № 12)	3	—	—	—
„Привѣтствіе искусствъ“, лирическа сцена Шиллера, перев. Н. Ѳ. Арбенина	2	—	—	20
„Приданое принимаютъ“, ком. въ 1 д. М. В. Ларионова (92 г. № 189)	—	16	—	3
„Приступомъ“, сцены въ 2 д. И. В. Шлажинскаго (90 г. № 202)	5	—	—	13
„Пуганая ворона“, сцены В. Щигрова (92 г. № 142)	—	—	—	13
„Рабочая слободна“, др. въ 4 д. Е. П. Карпова (91 г. № 276)	17	—	—	18
„Разладъ“, др. въ 4 д. В. А. Крылова (89 г. № 274)	2	—	—	10
„Ранняя осень“, др. въ 4 дѣйств. Е. П. Карпова (91 г. № 59). (Въ отдѣл. изд. нашего журнала—91 г. № 31)	13	—	—	—
„Ревнивый антеръ“, монологъ въ стих. гр. Ѳ. Л. Соллогуба (89 г. № 258)	1	—	—	1
„Револьверъ“, ком. въ 1 д. В. В. Билибина (90 г. № 283)	10	—	—	7
„Родина („Heimat“), др. въ 4 д. Германа Зудермана перев. съ нѣмецк. Ѳ. А. Нуманина (93 г. № 144)	8	—	—	21
„Роковая снамейна“, вод. въ 1 д. В. Холостова. (93 г. № 144)	—	26	—	17
„Самъ у себя подъ стражей“, ком. въ 3 дѣйств. Донъ Педро Кальдерона дель Барна, приспособленные къ сценѣ перев. С. А. Юрьева (91 г. № 276)	15—17	—	—	6
„Сафо“, трагедія въ 5 д. Ф. Грильпарцера, переводъ Н. Ѳ. Арбенина. (93 г. № 123)	26—29	—	—	5—7
„Сарданапаль“, тр. Байрона, перев. О. Н. Чюминой (90 г. № 283)	9—11	—	—	6
„Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“, ш. въ 1 д. Хеля, перев. Н. Ѳ. Арбенина (90 г. № 202)	6	—	—	28
„Симфонія“, ком. въ 5 д. Модеста И. Чайковскаго (90 г. № 228)	9	—	—	1
„Скитальцы“, сцены въ 5 д. Н. С. Генина (90 г. № 202)	6	—	—	16
„Случайно случившійся случай“, фарсъ въ 1 д. Г. Н. Грессера (92 г. № 142)	—	13	—	6
„Старая погудна на новый ладъ“, ком. въ 1 д. въ стихахъ О. Н. Чюминой (90 г. № 202)	6	—	—	19
„Старообрядецъ“, сцены въ 4 д. Чужаго (92 г. № 189)	—	16	—	2
„Степной богатырь“, др. въ 5 д. И. А. Салова (92 г. № 216)	22	—	—	6
„Стоячія воды“, карт. совр. жизни въ 3 д. П. П. Гнѣдича (90 г. № 228)	9	—	—	24
„Счастливецъ“, пьеса въ 4 д. Влад. И. Немировича-Данченко (92 г. № 48)	—	10	—	14
„Сынъ избѣннина“ („Мачиха“), драма въ 5 д. и 7 карт. Бальзана, перев. Ив. Щеглова (93 г. № 123)	—	24	—	28
„Сыщикъ“, ком.- фарсъ въ 3 д. И. И. Мясническаго (93 г. № 33)	—	—	—	—
„Сѣверные богатыри“, др. въ 4 д. Г. Ибсена, перев. Н. Миревичъ (92 г. № 48)	—	—	—	—
„Сюжетъ заимствованъ“, фарсъ въ 1 д. Н. В. Каменскаго и В. С. Пичинскаго (91 г. № 176)	—	—	—	—
„Съ бою“, ком. въ 4 д. П. Д. Боборыкина (91 г. № 59)	—	—	—	—
„Танцующій кавалеръ“, фарсъ въ 1 д. В. Холостова (92 г. № 142)	—	—	—	—
„Танъ ужъ на роду написано“, ш. въ 1 д. Н. Ломкина (92 г. № 242)	—	—	—	—
„Театральный воробей“, ком.- ш. въ 2 д. Ивана Щеглова (92 г. № 48)	—	—	—	—
„Товарищество канительнаго производства“, шутка въ 1 д. Г. Н. Грессеръ (92 г. № 189)	—	—	—	—
„Трагикъ поневоля“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова (90 г. № 202)	—	—	—	—
„Три встрѣчи“, моноп. въ стихахъ М. И. Лаврова (91 г. № 144)	—	—	—	—
„Турсы на колесахъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова (90 г. № 202)	—	—	—	—
„Угасшая искра“, др. сцены въ 3 д., въ стих., О. Н. Чюминой (92 г. № 79)	—	—	—	—
„Уголокъ Москвы“, ком. въ 4 д. Вл. А. Александрова (91 г. № 276)	—	—	—	—
„Устроилъ!“, шутка въ 1 дѣйств. А. С. Кушнерева (92 г. № 271)	—	—	—	—
„Уѣздный Шекспиръ“, ком. въ 1 д. И. Я. Гурланда (90 г. № 202)	—	—	—	—
„Федра“, тр. Ж. Расина, перев. М. П. С—го (90 г. № 202)	—	—	—	—
„Фотографъ любитель“, ш. въ 1 д. Э. Э. Матерна (90 г. № 202)	—	—	—	—
„Холостая семья“, ком. въ 4 д. А. С. Азовскаго	—	—	—	—
„Цѣпи“, др. въ 4 д. ин. А. И. Сумбатова (89 г. № 258)	—	—	—	—
„Честь“, ком. въ 4 д. Зудермана, перев. съ нѣмек. Н. Н. (91 г. № 233)	—	—	—	—
„Чуданъ“, ком. въ 4 д. И. Л. Щеглова (91 г. № 233)	—	—	—	—
„Шато-Инемъ“, ком. въ 1 д. В. Гуснахъ, пер. съ франц. Н. А. Тиханова (92 г. № 271)	—	—	—	—
„Шашки“, шутка въ 1 д. Н. Криницкаго (92 г. № 142)	—	—	—	—
„Школа гостепрѣимства“, ш. въ 2 д. А. Н. Канаева. Сюжетъ заим. изъ повѣсти Д. В. Григоровича (91 г. № 233)	—	—	—	—
„Школьная пара“, картинка съ натуры въ 1 д. Е. М. Бабецнаго. (93 г. № 123)	—	—	—	—
„Эллида“, др. въ 5 д. Г. Ибсена, перев. В. М. Спасской (91 г. № 94)	—	—	—	—
„Федоръ Басмановъ“, др. этудь въ 1 д., въ стихахъ М. И. Лаврова	—	—	—	—

Отдѣльные №№ журнала „Артистъ“ продаются по 2 рубля, а „Дневника Артиста“ и „Театральной Библиотеки“ по 1 рублю.

(Цѣна тома «Театральной Библиотеки» (4 книги)—3 руб.).

Выписывающіе изъ конторы редакціи за пересылку не платятъ.

Экземпляры №№ 1 и 4 журнала „Артистъ“ и №№ 1 и 3 журнала „Театральная Библиотека“ всѣ распроданы. („Перекасти поле“, ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича напечатана отдѣльнымъ изданіемъ. Цѣна 1 р. 50 к.).

Вышепоименованныя пьесы разрѣшены къ представленію безусловно—соотвѣтствующіе №№ «Правительственнаго Вѣстника» указаны въ скобкахъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

(БЕЗПЛАТНО)

гг. антрепренеровъ и ищущихъ ангажемента артистовъ.

Въ г. Мариуполь, Екатеринославской губ., на зимній $93/94$ г. сезонъ въ Товарищество нужны артисты и артистки въ драматическую труппу; также суфлеръ и помощникъ режиссера. Письма и телеграммы адресовать, до 1 сентября, въ г. Бобруйскъ, театр, Ильѣ Леонтьевичу Шаповалову, прилагая на отвѣты марки.

Въ Могилевъ губернской (Городской театр) на зимній сезонъ 18 $93/94$ года, въ Товарищество, приглашаются артистки и артисты для драмъ, комедій и оперетокъ, суфлеръ, декораторъ и хоръ. (Предполагается 8 драматическихъ и 8 опереточныхъ спектаклей въ мѣсяцъ). Желающихъ вступить въ Товарищество просятъ предложенія адресовать: Бобруйскъ, Театръ, артистѣ П. Максимовой (лучше заказными письмами).

Бурлацкій Р. М. принимаетъ гг. драматическихъ артистовъ и артистокъ на зимній сезонъ 18 $93/4$ г. въ Товарищество. Адресъ—г. Пермь, до востребованія. На отвѣтъ прилагать марки.

Въ г. Сѣвскъ, (Орловск. г.) Нужны въ Товарищество артисты и артистки на зимній сезонъ 18 $93/94$ года и суфлеръ. Адресъ: Распорядителю А. И. Чагину.

Въ г. Ставрополь-Кавказскій, на зимній 93—94 г. сезонъ, на жалованье, нужны артисты и артистки въ драмат. труппу; также суфлеръ и пом. режиссера. Антрепренерша Ставр. театра Ольга Петровна Долинская-Лавровская. На отвѣтъ прилагать марку.

Александровъ, Николай Александровичъ, помощникъ режиссера. Свободенъ на зимній сезонъ. Кострома, Смоленская ул., д. Вавилова.

Алмазова, Екатерина Ивановна (меццо-сопрано—въ оперѣ), свободна на лѣтній и зимній сезоны. Тифлисъ, Садовая № 33.

Антоновъ, Василій Ильичъ и **Поварго, М. Г.**—контральто, концертная пѣвица; Уланскій пер., д. Красковского, кв. № 43. Свободны на зиму.

Бердникова М. И.—на небольшія роли—на зимній сезонъ. Ташкентъ. Городская дума С. I. Календареву.

Бороздинъ Владиміръ Александровичъ. Комикъ и характерныя роли. Керчь, Таврич. губ., Евпаторійскій баталіонъ.

Винярскій, Людовикъ Ивановичъ дирижеръ оркестра (съ большой оркестровой и театральной библіотекой). Пермь, Сибирская ул., домъ (б. Толянина) Попова.

Воронцова, Анна Матвѣевна, сопрано, 2 партіи въ опереткѣ, и **Гончаровъ, Николай Георгиевичъ**, комикъ въ драмѣ и комедіи.—Свободны ва зимній $93/94$ г. сезонъ. Орель, Подъострожная улица, домъ Кочуговой.

Глѣбскій, О. Я., помощникъ режиссера, актеръ въ опереткѣ и драмѣ, предлагаетъ услуги на лѣтній и зимній сезоны. Адресъ: Одесса, Нотный магазинъ Бернарди противъ Русскаго театра.

Горбунова, Фелицата Ковстантиновна, на роли комическихъ и драматическихъ старухъ—свободна на зимній сезонъ. Кострома, Богословская ул., д. Горбунова.

Дуровъ, Дмитрій Эрастовичъ—комикъ, простака, характерныя и бытовыя роли—Москва. Сыромятники, Кривой пер., домъ Молчанова.

Жуковскій, Андрей Михайловичъ. Адресъ въ редакціи „Артиста“.

Залѣвскій-Россинъ, Василій Ѳедоровичъ, драматическій любовникъ и герой, бытовыя и характерныя роли. Согласенъ съ дебютовъ. Воронежъ, Лоскъ-Успенская улица, д. Прилѣпина, № 74.

Калинниковъ В. П.—драматич. резонеръ и герой. На зимній сезонъ. Славянскъ, Харьковской губ. Театръ.

Катаева, Наталья Ивановна.—ингѣне др. и комич. (кончивш. училище филармонич. О-ва) Адресъ въ конторѣ редакціи „Артиста“.

Калинниковъ, В. П. свободенъ на зимній сезонъ. Театръ, Бѣлгородъ. Курской губ.

Брашениникова Екатерина Александровна—ингѣне драм. и ком. Адресъ въ редакціи „Артиста“.

Кремневъ, И. И., суфлеръ, свободенъ на зимній сезонъ. Петербургъ, Пески, 7 улица, д. $21/11$, кв. № 4.

Лучезаровъ, Адрианъ Сергѣевичъ, 2-й любовникъ и простака, свободенъ съ 15-го іюля по 15-е августа. Петербургъ, Село Михаило-Архангельское, Литейная, № 4.

Молчановъ, Н. А., 2-й любовникъ, рассказчикъ и куплетистъ (на зимній сезонъ). Великія Луки, Псковск. губ. Городской театр.

Неволинъ, комикъ-простака и 2-й любовникъ. На зимній сезонъ. Ташкентъ, Городская дума, С. I. Календареву.

Норинъ, Федоръ Александровичъ любовникъ-герой, свободенъ на зимній сезонъ. Луцкъ, (Волынской губ.) лѣтній театр.

Панормовъ-Сокольскій, И. А. Сокольвики, уголь Митковск. и Никульской; дача Тихомировой. Свободенъ ва зиму.

Перфильева, Валентина Алексѣевна, ingénie comique. Свободна на зимній сезонъ. Москва, „Давія“, Тверская № 17.

Полубинскій, Александръ Николаевичъ, суфлеръ, свободенъ ва зимній сезовъ. Кострома, Богословская ул., д. Горбунова.

Потѣхинъ, Александръ Андреевичъ, комикъ-резонеръ и **Потѣхина, Александра Адамовна,** — драматическія роли. Москва, Остоженка, Лопухинскій пер., д. Озерова, меблир. комнаты, № 4.

Рензинъ-Звѣревъ, А. К.—свободенъ на предстоящій зимній сезонъ 1893/94 г. Ампула: для большой группы второй резонеръ, для маленькой—первый и характерныя роли. Адресъ: Петербургъ, Ямская ул., д. 16, кв. 1.

Романовская, Марія Васильевна, свободна на предстоящій зимній сезонъ. Играю въ драмѣ, комедіи и опереткѣ. Редакція „Орловскаго Вѣстника“, Орель.

Самаринъ, И. Е. Герой и резонеръ въ комед.; свобод. на зимній сезонъ. Москва, Петров. П., Зыковск. пр., дача Филимонова.

Смѣльская А.—суфлеръ въ драму, свободна на зимній сезовъ. Москва, Театральное агентство Разсохивой.

Филоновъ, Владиміръ Всеволодовичъ, простакъ, 2-й комикъ въ драмѣ и опереткѣ, рассказчикъ и куплетистъ (ва зимній сезонъ). Луцкъ, Волинской губ. Театръ.

Хватовъ А. С.—опытный помощникъ режиссера (играю 2-я роли резонеровъ), а также суфлеръ. Адресъ: Рыбинскъ, Гавань.

Чуровъ, С. В., на характерныя роли и бытовой простакъ. Коммерческое училище, на Остоженкѣ. Адресовать Г. Михайлову.

Юдинъ, Л. Помощникъ режиссера и на малевкія роли, свободенъ на зиму. Каретный рядъ, М. Спасскій пер., домъ Флекенштейна, кв. № 4.

Каждое объявленіе печатается три раза. Желающіе продолжить печатаніе ихъ объявленій благоволятъ вновь увѣдомлять о томъ контору журнала. Гг. артисты, получившіе уже ангажементъ, благоволятъ также сообщать о томъ конторѣ для прекращенія печатанія ихъ объявленій.

Въ пользу «Общества вспомошествованія Переселенцамъ» вышелъ и поступилъ въ продажу художественно-литературный СБОРНИКЪ

„ПУТЬ-ДОРОГА“

въ который вошли статьи и стихотворенія: гг. Баранцевича, Барыковой, В. В., Гарина, В. М. Гаршина (посмертное стихотвореніе), Гольцева, Засѣдимскаго, Златовратскаго, Кауфмана, Ковалевскаго, Кривенко, Лѣскова, Мамина-Сибиряка, Мачтета, Мережковскаго, Минскаго, В. П. Острогорскаго, Я. Полонскаго, Поталенко, Скабичевскаго, Вл. Соловьева, Л. Н. Толстого, Цебриковой, Чехова, Щедрина (автобіографическое письмо-факсимиле), Ядринцева, Янжула и друг. Изъ иностранныхъ писателей дали свои произведенія Бурже, Вильденбургъ и Гартманъ (философъ).

Сборникъ украшенъ произведеніями художниковъ: Архипова, Вѣмъ, Васнецова, Ге, Дмитріева-Кавказскаго, Загорскаго, Зоценко, Касаткина, Киселева, бар. Клодта, Крамского, Лебедева, Малышева, Неврева, Орловскаго, Переплетчикова, Пимоненко, Полѣнова, Рѣпина, Савидкаго, Шарлеманя и др.

Цѣна сборника 3 руб. 50 к., съ пересылкой 4 руб., на лучшей веленовой бумагѣ 5 руб., съ пересылкой 6 руб. Главный складъ изданія въ редакціи „Русскаго Богатства“, Литейная № 46.

Сборникъ можно выписывать и черезъ книжный магазинъ журнала „Артистъ“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

XXV г. изд.

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста XXV г. изд.

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

съ приложеніемъ „Педагогическаго Листка“ для родителей и воспитателей.

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ вступило въ 25-й годъ своего существованія. Журналъ одобренъ Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ Всенно-учебныхъ заведеній, Учебнымъ Комитетомъ М. Н. П. допущенъ въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній. При журналѣ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ издается „ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“, большая часть статей котораго посвящена домашнему воспитанію, элементарному обученію и разработкѣ вопросовъ о чтеніи дѣтей. Въ „ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЛИСТКѢ“ помѣщается періодическій указатель дѣтской и учебной литературы.

Подписная цѣва на годъ съ пересылкою 6 р. За границу 8 р.

Издатель Я. В. Борисовъ.

Спб., Разѣзжая, 3.

Редакторъ П. В. Голяховскій.

АДРЕСЫ гг. АНТРЕПРЕНЕРОВЪ и АРТИСТОВЪ.

Медвѣдевъ Никифоръ Александровичъ—Уфимской губ., Белебѣвскаго уѣзда, село Старое Келимово, а съ 20 августа—Воронежъ. Театръ.

Соколовъ-Жамсонъ Павелъ Анапьевичъ (Антрепренеръ)—Орель. Театръ.

Рошинъ-Инсаровъ Николай Петровичъ—Петербургъ. Театръ. Озерки.

Велѣдствіе часто поступающихъ въ контору нашего журнала запросовъ объ адресахъ гг. антрепренеровъ и артистовъ, контора проситъ означенныхъ лицъ доставлять ей свои адреса, которые будутъ бесплатно печататься въ отдѣлѣ объявленій.

Вышла седьмая (юльская) книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Содержаніе: I. Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарына. (Ихъ переписка). Продолженіе.—II. Майоръ Бобковъ и его сироты. (Изъ „Сказокъ дѣйствительности“). Вас. И. Немировича-Данченко. Окончаніе.—III. Стихотвореніе. С. Г-та.—IV. Лишняя. Ем. Лѣтковой.—V. Тещъ наследница д'Орбервилей. Романъ. Томаса Гарди. Переводъ съ англійскаго. Продолженіе.—VI. Соперницы. Романъ Франсуа-Коппе. Переводъ съ французскаго. М.—VII. Подать и народное хозяйство. Окончаніе. П. А. Голубева.—VIII. Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій. Продолженіе. П. Н. Милокова.—IX. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ. („Мирозерпаніе блажен. Августина“). Князя Евгенія Трубецкаго). П. Г. Виноградова.—X. Нѣкоторыя особенности организациі продовольственнаго дѣла въ Нижегородскомъ краѣ. Вл. Г. Короленко.—XI. Личное совершенствованіе и измѣненія общественныхъ формъ. (По поводу новой книги Тарда: *Les transformations du Droit Paris, 1893*). Л. Е. Оболенскаго.—XII. Монтескье. (Ad. Frank: „*Réformateurs et publicistes de l'Europe*“.) И. К-ной.—XIII. Научный обзоръ: Коренной вопросъ антропологии М. А. Мензбира.—XIV. Внутреннее обозрѣніе.—XV. Иностранное обозрѣніе. В. А. Гольцева.—XVI. Очерки провинціальной жизни. И. И. Иванюкова.—XVII. Изъ исторіи нашей общественности. (Записки и дневникъ (1826—1877 гг.) А. В. Никитенка. Три тома). М. А. Протопопова.—XVIII. Покрывать или раскрывать расстраты. (По поводу „опроверженія“ г. Обтяжнова). Провинціального наблюдателя.—XIX. Библиографическій отдѣлъ. Объявленія.

Принимается подписка на 1893 годъ (четырнадцатый годъ изданія).

Цѣна съ доставкой и пересылкой во все мѣста Россіи 12 р. въ годъ.

За границу 14 „ „ „

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ журнала—Леонтьевскій, 21, и въ книжномъ магазинѣ журнала „Артистъ“. Въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о. Невскій.

1-го ЮЛЯ ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ VII-я КНИЖКА ЖУРНАЛА

„СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ: ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. I. ТѢНИ МИНУВШАГО. Эскизъ. Б. Корженевскаго.—II. ЛѢСНЫЕ ГОЛОСА. Стихотвореніе Н. Льдова.—III. О ПРИТВОРНЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ У ДѢТЕЙ. Д-ра В. Якубовича.—IV. НЕВИННАЯ ЖЕРТВА. Романъ Габріэля д'Аннунціо. Перев. съ итальянскаго.—V. ПАВЕЛЪ ЗАЛЕТНЫЙ. Повѣсть. Я. Крюковскаго.—VI. ИЗЪ ШЕЙХА МОСЛЕХУДИНА СААДИ. (Съ персидскаго). Стихотвореніе С. Уманца.—VII. ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДОКТРИНЫ ПРОШЛАГО ВѢКА. Проф. Максима Ковалевскаго.—VIII. АМФОРА. Стихотвореніе. В. Сологуба.—IX. СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГЪ. Романъ. Н. Баранцевича. Гл. XV—XX.—X. ДОКТОРЪ ПАСКАЛЬ. Романъ Эмиля Зола. Перев. съ французскаго.—XI. НОВАЯ УТОПІЯ. З. Венгеровой.—XII. ЗАПИСКИ А. Ф. СМИРНОВОЙ. ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. I. ОБЛАСТНОЕ ОТДѢЛЪ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ. И. Гейера.—II. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Л. Прозорова.—III. НОВЫЯ КНИГИ.—IV. СТРАХОВАНІЕ ПОСѢВОВЪ. (О книгѣ Л. Г. Грасса). Проф. И. Тарасова.—V. ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ. XXXVIII. В. Макъ-Гаханъ.—VI. ПИСЬМА ИЗЪ ИТАЛІИ. Л. Рускина.—VII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—VIII. ОТЪ КОМИТЕТА ГРАМОТНОСТИ.—IX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Проф. А. Трачевскаго.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1893 г.

Условія подписки: На годъ безъ доставки въ Спб., въ конторѣ журнала 12 р. Безъ дост. въ Москвѣ, въ конт. Печковской и маг. Карбасникова 12 р. 50 к. Съ доставкой въ Спб. 12 р. 50 к. Съ перес. въ Имперію 13 р. 50 к. За границей 15 р.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА. Въ Гл. конт. С.-Пб., Троицкая ул., д. № 9. Въ конт. Н. Печковской (въ Москвѣ) и книжн. маг. журн. „Артистъ“, Н. П. Карбасникова, „Новаго Времени“ и Фену; въ Кіевѣ въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина, въ Казани въ кн. маг. Н. Я. Башмакова.

ВЫШЕЛЪ № 28 (АВГУСТЪ 1893 Г.) ЖУРНАЛА

„ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА“.

СОДЕРЖАНИЕ:

„Федоръ Басмановъ“, драматич. этюдъ въ 1 д. въ стихахъ М. И. Лаврова.
„Какъ куръ во щи“, ком.-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясничаго. (Сюжетъ заимствованъ).
„Холостая семья“, ком. въ 4 д. А. С. Азовскаго. „Игра въ любовь“ („Флиртъ“), ком. въ 4 дѣйств. Е. М. Бабецкаго (перевѣд. изъ ком. „Flirt“ М. Балуцкаго).
Алфавитный списокъ драматическимъ сочиненіямъ, безусловно дозволеннымъ къ представленію въ 1893 г.

Условія подписки см. 4 стр. обложки.

ДЛЯ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ

НА НАШЪ ЖУРНАЛЪ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ *журнала „АРТИСТЪ“*

ПРЕДЛАГАЕТЪ

ПО ОСОБО УДЕШЕВЛЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

Русскій художественный Архивъ 1892—1893 г. 6 выпусковъ съ 60 фототипіями вмѣсто 12 руб.—6 руб. съ пересылкой.

Rougin. Dictionnaire du théâtre. Роскошное изданіе, съ 8-ю художественными хромолитографіями, болѣе 300 рисунковъ и гравюръ (вмѣсто 20 р.)—8 р. безъ перес., съ пересылкой 10 р.

Figaro-Salon съ 86 по 92-й годъ; за всѣ 7 лѣтъ (вмѣсто 42 р.)—21 р. съ перес.

„ „ отдѣльно каждый годъ (кромѣ 88 и 91 годовъ) (вмѣсто 6 р.)—3 р. съ перес.

Sallon Illustré за 92 г. 4 вып. (вмѣсто 4 р.)—3 руб. съ перес.

Goncourt. L'art du XVIII siècle, два роскошныхъ тома съ 70 рисунк. (вмѣсто 80 р.)—40 р. съ перес.

L'art français (1789—1889), съ 100 гравюрами (вмѣсто 32 р.)—18 руб. съ перес.

Ad. Julienne. La comédie à la cour (вмѣсто 12 р.)—6 р. съ перес.

Césaire Vecellio. Costumes anciens et modernes, роскошное изданіе въ 2 томахъ (вмѣсто 15 р.)—10 р. съ пер.

A. Hugo. Le livre d'or, художественное изданіе (вмѣсто 50 р.)—28 р. съ перес.

Thausing, M. Al. Dürer, sa vie et ses oeuvres (вмѣсто 20 р.)—10 р. съ перес.

Н О В Ы Я К Н И Г И:

изданія книжнаго магазина журнала «Артистъ»

„Съ натуры“

13 рассказовъ:

И. А. Салова.

Шуклинскій Пироговъ. — Дармоѣдка. — Глоты. — Четыре времени года. — Маленькій покойникъ. — Въ засадѣ. — Ободѣлый. — Лекція въ деревнѣ. — Старый колоколь. — Кавалеръ. — Ласковый баринъ. — Фотій Ивановичъ. — Берендѣевская генераль-маіорская школа.

Цѣна 1 руб.

„Сирень“.

15 рассказовъ:

С. Н. Филиппова.

Сирень. — Ученица. — Живыя тѣни. — Въ лѣсу. — Звѣзда. — Узель. — Старая рапа. — Портретъ. — Урокъ. — Станный случай. — Госпожа Караванова. — Горькія слезы. — Между товарищами. — Въ тотъ вечеръ. — Жаворонокъ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

УКАЗАТЕЛЬ 897 ПІЕСЪ для любительскихъ спектаклей, цѣна 50 к.

УСТРОЙСТВО СЦЕНЫ для любительскихъ спектаклей, цѣна 50 к.

Выписывающіе изъ книжнаго магазина журнала „Артистъ“ (Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ) за пересылку не платятъ.

Торговый Домъ

Ж. Блокъ

ОСНОВАНЪ 1862

ГЛАВНАЯ КОНТОРА
МОСКВА
 ОТДѢЛЕНІЯ:
ПЕТЕРБУРГЪ
ОДЕССА
ВАРШАВА
КОКАНДЪ

ЕКАТЕРИНБУРГЪ

Самыи обширныи
 въ Россіи складъ:

Велосипедовъ
ВѢСОВЪ
ШВЕЙНЫХЪ
ЛИШУЩИХЪ
МАШИНЪ

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ

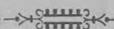
КОМПЛЕКТЫ ЖУРНАЛА „АРТИСТЪ“ ЗА ПРОШЛЫЕ ГОДЫ

продаются въ конторѣ редакціи по слѣдующимъ цѣнамъ:

(Экземпляры №№ 1 и 4 всѣ распроданы).

	Безъ доставки.	Съ доставкой и пересылкой.	Съ пересылкою съ наложеннымъ платежомъ.
5 книгъ 1-го сезона 1889/90 г. (№№ 2—3 и 5—7)	6 р. 50 к.	8 р. 50 к.	8 р. 75 к.
7 книгъ 1890 г. (№№ 5—11)	9 " — "	11 " 20 "	11 " 45 "
7 " 2-го сезона 1890/1 (№№ 8—14)	9 " — "	11 " 20 "	11 " 45 "
7 " 1891 г. (№№ 12—18)	9 " — "	11 " 20 "	11 " 45 "
7 " 3-го сезона 1891/2 (№№ 15—21)	9 " — "	11 " 20 "	11 " 45 "
9 " 1892 г. (съ апрѣля 92 г. по январь 93 г. — №№ 1—5 „Дневника Артиста“ и №№ 22—25 „Артиста“)	6 " 20 "	7 " 70 "	8 " — "
12 " 1892 г. (№№ 19—25 „Артиста“ и №№ 1—5 „Дневника Артиста“)	10 " — "	12 " 50 "	12 " 80 "
10 " 1890 г. и 1890/1 г. (№№ 5—14)	13 " — "	16 " 50 "	16 " 85 "
10 " 1891 г. и 1891/2 г. (№№ 12—21)	13 " — "	16 " 50 "	16 " 85 "
11 " 1890/1 и 1891 г. (№№ 8—18)	14 " — "	17 " 80 "	18 " 20 "
14 " 1890 и 1891 г. (№№ 5—18)	18 " — "	23 " — "	23 " 50 "
16 " (№№ 2—3 и 5—18)	20 " 75 "	26 " 50 "	27 " — "
19 " (№№ 2—3 и 5—21)	24 " 75 "	31 " 50 "	32 " 20 "
26 " (№№ 5—25 „Артиста“ и №№ 1—5 „Дневника Артиста“)	28 " — "	35 " 50 "	36 " 30 "
28 " (№№ 2—3 и 5—25 „Артиста“ и №№ 1—5 „Дневника Артиста“)	31 " — "	39 " 20 "	40 " — "

При выпискѣ съ наложеннымъ платежомъ слѣдуетъ присылать предварительно одну треть стоимости выписываемыхъ книгъ.

Отъ редакціи.

Контора редакціи (Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ. Телефонъ № 502) открыта ежедневно, отъ 10 до 7-ми часовъ дня, а по воскресеньямъ отъ 12 до 2 часовъ. — Личныя объясненія съ редакторомъ по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 12 до 2 час. дня.

Редакція отвѣчаетъ только на тѣ письма, къ которымъ приложены почтовые марки.

За перемѣну адреса уплачивается 25 коп. Билеты на получение журнала высылаются только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ при высылкѣ подписки—19 коп. почтовыми марками.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала обращаются исключительно въ редакцію, съ указаніемъ номера, напечатаннаго на адресѣ подписчика, и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала не была получена. — Жалобы должны быть сообщаемы въ редакцію не позже полученія слѣдующей книги.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 50 коп. съ годового экземпляра. Кредита и расрочекъ по доставленнымъ ими подпискамъ не допускается.

Доставленные въ редакцію статьи должны быть подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ. — Статьи, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій гонорара, считаются бесплатными. — Гонораръ уплачивается только за статьи, уже напечатанныя въ журналѣ, и по истеченіи двухъ недѣль со дня выхода книжки. Авансы не выдаются. — Сочиненія, принятые для напечатанія въ журналѣ, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію. — Сочиненія, признанныя редакціей неудобными къ помѣщенію въ журналѣ, возвращаются авторамъ безъ объясненія причинъ. — Обратная пересылка такихъ произведеній ихъ авторамъ производится на счетъ авторовъ. — Сочиненія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія въ журналѣ, хранятся въ редакціи втеченіе шести мѣсяцевъ и затѣмъ уничтожаются; мелкія же статьи, объемомъ менѣе печатнаго полулиста журнала, храненію не подлежатъ.

Гг. артисты и гг. антрепренеры благоволятъ присылать въ редакцію свои адреса, которые бесплатно печатаются въ журналѣ.

„АРТИСТЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „Дневника Артиста“

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМЪСЯЧНО, ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Въ Январѣ, Февралѣ, Мартѣ, Апрѣлѣ, Октябрѣ, Ноябрь и Декабрѣ выходятъ книжки „Артиста“ въ 25—35 листовъ, а въ Маѣ, Юнѣ, Юлѣ, Августѣ и Сентябрѣ въ томъ же форматѣ и по той же программѣ—„Дневникъ Артиста“ книжками отъ 5 до 8 лист.

Подписная цѣна на годъ (7 кн. «Артиста» и 5 кн. «Дневника Артиста») — 10 р., съ доставкой и пересылкой 12 р., за границу — 14 р.

вмѣстѣ съ „Театральною Библиотекой“ на годъ (7 книгъ „Артиста“, 5 кн. „Дневника Артиста“ и 12 книгъ „Театр. Библиотеки“) 13 р., съ перес. 16 р., за границу 18 руб.

Для лицъ, подписавшихся въ редакціи, допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 4 руб., и затѣмъ ежемѣсячно по 2 руб. до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ вмѣстѣ съ „Театральною Библиотекой“ — при подпискѣ 5 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 3 р. до полной уплаты всей суммы. Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для учащихъ въ спеціально-театральныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ школахъ подписная цѣна на „Артиста“ на годъ 9 р., съ пересылкой 10 р.

Отдѣльные номера „Артиста“ по 2 рубля,
„Дневника Артиста“ по 1 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются съ платою за каждый разъ 25 руб. за цѣлую страницу; 15 руб. за половину; 10 р. за $\frac{1}{4}$ и 5 р. за $\frac{1}{8}$ страницы.

„Театральная Библиотека“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

ПРОГРАММА.

1) Драматическія произведенія (трагедіи, драмы, комедіи и водевили), одобренныя драматическою цензурою для представленія безусловно; 2) монологи, сцены и стихотворенія, одобренныя драматическою цензурою для публичныхъ чтеній; 3) практическія указанія режиссерамъ.

Въ каждой книгѣ помѣщается отъ 4 до 8 актовъ драматическихъ произведеній.

Отдѣльные номера по 1 руб.

Цѣна за томъ (4 книжки) — 3 рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

за годъ безъ доставки 3 руб., съ доставкой 4 руб.

Подписка принимается только отъ подписчиковъ на журналъ „Артиста“ и только на текущій годъ. Разсрочка на „Артиста“ и „Театральную Библиотеку“: при подпискѣ 5 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 3 р.

Подписка принимается и отдѣльные номера продаются въ конторѣ редакціи (Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ. Телефонъ № 502), въ отдѣленіяхъ конторы, въ кн. маг. „Новаго Времени“, Карбасникова и Т-ва Вольфъ и въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линии) и, кромѣ того, въ книжной лавкѣ Московскаго Большаго театра, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Кіевѣ у г. Оглоблина; въ Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина.

Иногородніе благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.